

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Амурская область, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПО НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ:****Философия**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лукин Анатолий Николаевич,
кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Политология

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Нечаева Светлана Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

Лаврентьева Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Коротина Наталья Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Ответственный
за международные контакты**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

Бобрик Александра Александровна,
кандидат философских наук
(г. Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 31.03.2023 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 39/92.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Шмаков Владимир Сергеевич**

Социокультурная трансформация:
факторы интеграции и дезинтеграции 7

Дыдров Артур Александрович

Искусственный интеллект:
мифологемы западного
научного контента 16

Давыдов Игорь Александрович

Деантропологические аспекты
неаутентичной виртуальности 26

Богданова Вероника Олеговна

Ценностные ориентиры
и жизненные смыслы
представителей цифрового поколения
на примере студентов
педагогического вуза:
социально-аксиологический
аспект исследования..... 39

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

Хосе Баррьентос Растрохо —
доктор философии,
профессор (г. Севилья, Испания)
Сергей Валентинович Борисов —
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Юрий Геннадьевич Ершов —
доктор философских наук,
профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Филип Иванович —
Ph.D (г. Подгорица, Черногория)

Виктория Лезьер —
доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)

Валерий Георгиевич Ледяев —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Андрей Николаевич Медушеский —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Валерий Аркадьевич Нехакин —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Александр Валентинович Павлов —
доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)

Владимир Дмитриевич Попов —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Григорий Львович Тульчинский —
доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Александр Степанович Чупров —
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

Сергей Григорьевич Зырянов —
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Балташ Нурмухамбетович Карипов —
доктор политических наук, профессор
(г. Кокшетау, Казахстан)

Александр Васильевич Павроз —
доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Ольга Фредовна Русакова —
доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

Грегори Саймонс — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)

Александр Юрьевич Сунгуров —
доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Экономика

Ольга Васильевна Артемова —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лаура Маратовна Байтенова —
доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)

Виктор Иванович Бархатов —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ляйля Маратовна Муталиева —
кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)

Ирина Викторовна Лаврентьева —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

ВЛАСТЬ

Батурина Ирина Валерьевна

Трансгуманистические перспективы
политико-правовых трансформаций
в контексте интенсификации
развития систем искусственного
интеллекта 51

Сычев Андрей Анатольевич

Конфессиональные модели
церковной власти
(философско-канонический анализ) 61

Кирчанов Максим Валерьевич

Восприятие Чемпионата мира
по футболу 2022 г. в Катаре
в арабской либеральной аналитике
как форма политики памяти 74

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ**Логачева Наталья Модестовна,
Тихонова Ольга Константиновна**

Картографический анализ
обеспечения доступности
амбулаторно-поликлинических
организаций городов-миллионников
УрФО 85

КУЛЬТУРА

Минченко Андрей Николаевич

Культурный разрыв: к проблеме
определения феномена
и его основных признаков 100

**Прилукова Екатерина Григорьевна,
Раковский Денис Вадимович**

Смыслы репрезентации социальной
реальности в субкультуре
креолизованного текста
(на примере российского
музыкального жанра шансона) 109

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

- Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальности:
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
  - 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)
  - 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
  - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
  - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
  - 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
    - 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки)
    - 5.7.2. История философии (философские науки)
    - 5.7.3. Эстетика (философские науки)
    - 5.7.4. Этика (философские науки)
    - 5.7.5. Логика (философские науки)
  - 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)
  - 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)
  - 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)
  - 5.7.9. Философия религии и религиозоведение (философские науки)

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.
Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

Подписной индекс E38909
Агентство «Книга-Сервис»
<https://www.akc.ru>

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

**Нижников Сергей Анатольевич,
Романенко Анастасия Андреевна**

«Роковая печать»

религиозного имманентизма:

оценка В. В. Зеньковским

эсхатологических представлений

Н. А. Бердяева..... 117

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

**Гордеев Сергей Сергеевич,
Зырянов Сергей Григорьевич**

Критический анализ сценариев

экономического кризиса..... 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Нечаева Светлана Владимировна

Десятилетие науки и технологий:

региональная проекция..... 136

Founded by
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Published by
Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor
A.S. Chuprov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

RESPONSIBLE FOR RESEARCH AREAS:

Philosophy
Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Anatoly N. Lukin,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Political Science
Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svetlana V. Nechaeva,
Cand.Sc. (History), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics
Irina V. Lavrentyeva,
Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Natalya Yu. Korotina,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations
Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Executive editor
Aleksandra A. Bobrik,
Cand.Sc. (Philosophy)
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.
Passed for printing on 31.03.2023.
Format 70×108 1/16
Reference sheet area 12,25. Issues — 500.
Order № 39/92.
Designed and printed at
454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Vladimir S. Shmakov
Sociocultural transformation:
integration and disintegration factors 7

Artur A. Dydrov
Artificial intelligence: mythologies
of Western scientific content 16

Igor A. Davydov
Deanthropological aspects
of inauthentic virtuality.....26

Veronika O. Bogdanova
Value orientations and life purposes
of the digital generation representatives
as exemplified by the students
of a pedagogical university:
a socio-axiological aspect of the study 39

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastroja* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
- Sergey V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Yurii G. Ershov* — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Filip Ivanovic* — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
- Victorya Lezyer* — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
- Valery G. Ledyayev* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Andrey N. Medushevsky* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Valery A. Nekhamkin* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Alexander V. Pavlov* — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
- Vladimir D. Popov* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Grigorii L. Tulchinskii* — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)
- Alexander S. Chuprov* — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- Sergey G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Baltash N. Karipov* — Ph.D., Professor
(Kokshetau, Kazakhstan)
- Alexander V. Pavroz* — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
- Olga F. Rusakova* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Gregory Simons* — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
- Alexander Yu. Sungurov* — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Economics

- Olga V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Laura M. Bajtenova* — Ph.D.
(Almaty, Kazakhstan)
- Victor I. Barkhatov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Lyailya M. Mutaliev* — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
- Irina V. Lavrentyeva* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

POWER

Irina V. Baturina

Political and legal transformations in the context of the development of technologies and intelligent systems: transhumanistic perspectives 51

Andrey A. Sychev

Confessional models of church authority (philosophical and canonical analysis) 61

Maksym W. Kyrchanoff

Perception of the World football cup 2022 in Qatar in Arab liberal analytics as a form of memorial politics 74

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Natalya M. Logacheva,

Olga K. Tikhonova

Cartographic analysis of ensuring availability of outpatient organizations of million-plus cities of the Ural Federal District 85

CULTURE

Andrey N. Minchenko

Cultural gap: to the problem of defining the phenomenon and its main features 100

Ekaterina G. Prilukova,

Denis V. Rakovsky

Meanings of social reality representation in the subculture of a creolized text (as exemplified by the Russian musical genre of chanson) 109

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included **in the list of leading**

peer-reviewed scientific journals and publications,

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
E38909**

HISTORY OF PHILOSOPHY

**Sergey A. Nizhnikov,
Anastasia A. Romanenko**

The "fatal seal" of religious immanentism: V. V. Zenkovsky's evaluation of N. A. Berdyaev's eschatological ideas.... 117

DISCUSSIONS AND DEBATES

**Sergey S. Gordeev,
Sergey G. Zyryanov**

Critical analysis of scenarios of the economic crisis 127

SCIENTIFIC LIFE

Svetlana V. Nechaeva

Decade of science and technology: regional projection 136

Для цитирования: Шмаков, В. С.
Социокультурная трансформация:
факторы интеграции и дезинтеграции /
В. С. Шмаков // Социум и власть. — 2023. —
№ 1 (95). — С. 7—15. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-07-15. —
EDN XAPZST.

УДК 316.334.55

EDN XAPZST

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-07-15

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Шмаков Владимир Сергеевич,

Институт философии и права
Сибирского отделения РАН,
ведущий научный сотрудник
отдела социальных и правовых исследований,
доктор философских наук,
Новосибирск, Россия.
E-mail: vsshmakov@gmail.com

Введение. Формирующаяся парадигма социокультурного развития локальных сообществ Российской Федерации обусловливается трансформацией производственно-экономических практик, базирующихся на концепции многоукладной экономики и многофункциональности, складывающейся в условиях давления глобализации на развитие локальностей. Желание сохранять и поддерживать социокультурные традиции, обычаи, ценностные установки является аксиологическим ориентиром развития локальных сообществ. Растущая социальная уязвимость сообществ создает определенные условия для утраты самобытности, способности к самоидентификации, ведет к деструкции социокультурной идентичности.

Цель. В статье анализируется проблема социокультурной эволюции в процессе модернизации производственно-экономической деятельности, генерирующей факторы, вызывающие трансформацию культуры и социальности локальных сообществ, детерминируя процессы интеграции и дезинтеграции социокультуры.

Методы. Социокультурный анализ предоставляет возможность раскрыть основные направления социокультурного развития локальных сообществ, объяснить сущность взаимодействия, взаимовлияния и объединения локальных сообществ в интерактивное социокультурное пространство, имеющее совместимые образования и компоненты.

Научная новизна исследования. Отображены модели трансформации культуры и социальности, отражающие процессы модификации образа жизни локальных сообществ, определяющие переход от парадигмы устойчивого традиционного социокультурного развития к парадигме инновационных преобразований.

Результаты. Проблема социокультурной интеграции и дезинтеграции связана с глобализационными процессами, порождающими противоречия глобальности и локальности. Процессы интеграции/дезинтеграции социокультурного развития локальных сообществ обуславливаются эволюцией культуры и социальности конструирующей модели социокультурного поведения. Давление глобализации повергает социокультурное пространство в состояние диффузии, нестабильности. Исторически сложившиеся традиции, нормы, ценности преобразовываются в промежуточные формы, помогающие адаптироваться к новым условиям жизни, нивелировать негативные последствия модернизации. Складываются территориальные социокультурные образования, в рамках которых делаются попытки сберечь традиционную социокультурную среду.

Выводы. Динамика социокультурных процессов детерминирует возникновение разнонаправленных полюсов социокультурной жизни: от стремления сохранить традиционную социокультурную среду до полного принятия содержательных качеств либеральной социокультуры, разрушающей социокультурную идентичность локальных сообществ.

Ключевые слова:

локальные сообщества,
производственно-экономическая модернизация,
социокультурная эволюция,
устойчивое развитие

Введение

Процессы глобализации, являясь одним из первостепенных факторов современного социально-экономического развития, обостряют геополитические, социокультурные отношения. Модернизация меняет механизмы и векторы производственно-экономического развития локальных сообществ, что форсирует проблему столкновения глобальности и локальностей, конфликтности в сфере культуры и социальности. В развитии социокультурного пространства наблюдаются процессы разобщения, отторжения различных социокультур, обострения социокультурной ситуации. Анализ социокультурного онтогенеза локальных сообществ ставит вопрос о возникновении нестабильности, неустойчивости и неравномерности развития, необходимости поиска новых подходов к объяснению развития локальных сообществ. Мы рассматриваем социокультурную трансформацию как явление, сочетающее в своем развитии модерн, традицию и архаику. В процессе эволюции изменяются традиционные базовые структуры сообществ, ценностные основания, возникают институциональные дисфункции. Изучение проблем эволюции социокультурного развития в условиях модернизационных потрясений определяет необходимость исследования процессов универсализации и локализации социокультурного развития.

Гипотезой, отображающей цель исследования, является представление о том, что локальное сообщество является идеологическим маркером, обладателем исторически оформившегося типа социокультуры в пределах «месторазвития». Социокультурный фактор представляется фундаментом, основой сбережения традиционной социокультурной среды, определяющей устойчивое развитие. Социокультура локальных сообществ эволюционирует под воздействием совокупности экзогенных и эндогенных факторов, геоэкономических, геополитических и геокультурных детерминант, влияние которых генерирует инновации, своеобразные «локальные ответы» на давление внешней среды. Глобализация меняет основы, условия традиционного социокультурного развития, разрушает традиционные формы организации производства. Трансформация отношений собственности детерминирует бурные изменения социокультурных и институциональных отношений, обуславливает ревизию ценностных ориентации жителей локальных сообществ, обостряет проблему сохранения социокультурной

идентичности. С. Хантингтон в работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» выделил ряд основополагающих концептов характеризующих проблему «своих» и «чужих» связанную с вопросами объяснения «идентичности». «Идентичностью обладают индивиды, и группы». «Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению». «Индивиды, как и группы (хоть и в меньшей степени), обладают множественными идентичностями». «Идентичности определяются «самостью», являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами» [17, с. 50—53]. Проблема непринятия социокультурных ценностей «чужих» определяет вопрос понимания природы ценностей, их происхождения, универсальности, мотивирующих условий восприятия социокультурных ценностей, определяющих направление развития культуры и социальности, понимания и признания или не принятия социокультурных особенностей «чужих», специфики формирования социокультурной идентичности.

Эволюция культуры и социальности происходит как результат взаимодействия, взаимовлияния локальности и глобальности на основе дифференциации и интеграции. Социокультурное пространство характеризуется переходностью позиций, что обуславливает необходимость выявления связей, социокультурных взаимодействий общецивилизационных представлений и локальной специфики. Социокультурные локальности представляют собой составную часть мировых социокультурных процессов, обладают локальной социокультурной самобытностью и специфичностью, что создает условия для возникновения противоречий между интеграционными и дезинтеграционными процессами, задаваемыми глобализацией. Возникающая парадигма нелинейности социокультурного развития определяется отношениями взаимосвязи и взаимозависимости глобальности и локальности, обозначает необходимость исследования социокультурных процессов, развивающихся и функционирующих в масштабах освоенного местожительства. Идеологи «евразийства» предложили модель анализа развития культуры и социальности в границах «месторазвития», выдвинув в масштабах мировой цивилизации геополитическую, геокультурную концепцию Евразии, предварив существующую необходимость анализа развития Евразии

как системной оппозиции либеральной концепции объяснения процессов возникновения и становления социокультурного пространства, предначертывающей процессы интеграции и дезинтеграции социокультуры [см.: 13; 14; 16]. Евразийцы подчеркивали необходимость анализа социокультурного развития локальных сообществ в географических масштабах, в сочетании с природными условиями жизнедеятельности. П. Н. Савицкий сформулировал своеобразный методологический подход, концептуально определивший понимание и объяснение специфики развития российской государственности применительно к «месторазвитию».

Социокультурная эволюция в контексте производственно-экономической деятельности

История развития цивилизации свидетельствует о том, что насажденные, навязанные извне конструкты и нарративы редко бывают жизнеспособны, поскольку стабильность локального сообщества поддерживается обычаями и традициями, имеет свою рациональность, свое место, модели развития, меняющиеся во времени [6, с. 62—67; 15, с. 134—143; 22]. Е. В. Балацкий отмечает деструктивную роль реформ относительно традиционной «культурной платформы народа». Если, с точки зрения автора, производимые реформы и технологический прогресс «имеют характер управляемых стихийных бедствий, то следует делать все для ослабления этих бедствий путем взятия их под контроль. В противном случае возникает вероятность разрушения культурных основ наций с последующим глобальным цивилизационным кризисом. Единственный способ избежать указанной опасности состоит в переходе к политике адаптивных реформ, которые не наносят непоправимого культурного урона» [1, с. 121]. Отметим, что это справедливое замечание базируется на том, что основные тенденции производственно-экономического и социокультурного развития локальных сообществ формируются под воздействием внутренних и внешних факторов, диверсифицируя производство и кардинально меняя структуру жизнедеятельности. Н. И. Лапин, анализируя проблемы развития модернизационных процессов в Российской Федерации, отмечает, что соотношение стадий модернизации: индустриальной и инновационной — в разных регионах России

различаются благодаря «спонтанности ее процессов, которые происходят при фрагментарном участии государства». Речь идет о целесообразности «укрепления социального государства как воплощения одного из конституционных принципов и одновременно — активного субъекта модернизации» [9, с. 25]. В локальных сообществах развиваются регионы с высокотехнологичным производственно-экономическим потенциалом и деградирующие территории, в функционировании которых сочетаются тенденции модернизации и архаизации производственно-экономических и социокультурных отношений [19, с. 110]. Необходима обоснованная стратегия, решающая проблемы региональной дифференциации и поэтапной межрегиональной интеграции регионов с использованием модернизационных преимуществ. Трансформация производственно-экономических отношений имеет зачастую региональный характер и, как справедливо акцентирует Е. А. Коломак, «пространственное распределение факторов и результатов развития современной России меняется. Общая концентрация экономической активности сопровождается миграцией ресурсов экономической активности из периферии в центр, с востока на запад и из территорий добывающей специализации в регионы обрабатывающей ориентации» [7, с. 102]. Поскольку жизнедеятельность сообществ базируется на субстанциональных устойчивых производственно-экономических, социокультурных и институциональных конструктах, то разрушение традиционных производственно-экономических отношений меняет конфигурацию культуры и социальности, воздействует на факторы расселения, демографии, обостряя социальную проблематику, связанную с межрегиональными различиями и диспропорциями.

Зафиксируем ряд производственно-экономических факторов, влияющих на эволюцию социокультурного развития локальных сообществ и материализующих дезинтегрирующее воздействие.

Глобализация, модернизируя производственно-экономическую сферу, обуславливает закономерности трансформации культуры и социальности. В первую очередь модифицируются локальные традиционные производственно-экономические отношения.

Воздействие глобализованной экономики расширяет, активизирует взаимодействия производственно-экономических структур локальных сообществ и «мир-экономики». Складывающиеся процессы поляризации, дробления производственно-экономи-

ческого потенциала, воздействующие на изменение социокультурной среды, углубляют дезинтеграцию локальных сообществ. Деформируются и разрушаются локальные экономики, обуславливая утрату приобретенного традиционного технико-технологического потенциала, кризис традиционных форм организации производства.

Реформирование производственно-экономической деятельности детерминирует реорганизацию, варьирование социокультурного жизненного уклада, определяет движение от парадигмы устойчивого традиционного социокультурного развития к парадигме инновационных преобразований. Эффекты дезинтеграции детерминируют социокультурные и институциональные метаморфозы, обуславливают радикальные изменения традиционного образа жизни, провоцируют деструкцию сообществ. Ломка устоявшейся сферы жизнедеятельности порождает необходимость адаптации к новым условиям, сглаживания негативного влияния реформ, локальные сообщества находятся в процессе поиска возможностей приспособления к условиям существования. Модернизация организационно-экономических механизмов, обеспечивающих функционирование традиционного производства, меняет структуру социокультурного пространства. Разрушается совокупность взаимосвязей и взаимодействий основополагающих элементов: личность, общество, культура, что предопределяет появление «проигрывающих сообществ» на локальном уровне.

Распад традиционных форм организации производства изменяет ролевые и социальные функции локальных сообществ в социально-экономической жизни, программирует нарушение единства, целостности сообществ. Преображение жизненных укладов программирует расстройство общности, целостности, идентичности локальных сообществ, предопределяет образование разнонаправленных полюсов жизнедеятельности, предрешает процессы дезинтеграции, порождает локальные и межнациональные миграционные процессы.

П. Н. Савицкий одним из первых акцентировал внимание на проблеме взаимосвязи особенностей социокультурного развития с географическими пространственными условиями применительно к Евразии. Подчеркнув, что при объяснении влияния географического фактора на социокультурное развитие локальных сообществ следует принимать во внимание сосуществование локальных и глобальных противоречий.

Рассматривая проблему влияния России на социокультурное развитие Евразии как предназначение, П. Н. Савицкий особо отмечает: «Только в той мере, в какой Россия — Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого Материка, снимается противоположение между Востоком и Западом» [14, с. 299]. Вводя в объяснительную концепцию понятие «месторазвитие» П. Н. Савицкий обозначает географический фактор важным условием формирования и развития типов культурно-исторического процесса. Культура и социальность развивается во взаимодействии с пространственными, природными условиями жизнедеятельности и географический фактор представляется системообразующей идеей, элементом, благоприятствующим сохранению социокультурной идентичности в евразийском гео-социокультурном пространстве, знаком общности российско-евразийского мира. Евразийство можно оценить как концепцию, предлагающую методологию объединения, способ мышления и мировосприятия в процессе поиска общей платформы если не для конфедерации, то для интеграции, формирования моделей сотрудничества и взаимодействия Евразии. Методология евразийцев представляется системообразующей идеей, способствующей разработке идеологии евразийской государственности, в противовес диктату западных концепций, основанием для объединения трудового сотрудничества российско-евразийского мира. Социокультурное пространство Евразии благоприятствует стабилизации, поддержке устойчивого развития локальных социокультурных идентичностей, развитию процессов евразийской интеграции, формированию моделей взаимодействия.

Евразийское социокультурное пространство: факторы интеграции/дезинтеграции

В литературе подчеркивается, что проблему соотношения общецивилизационных универсалий и локальной специфики эволюции культуры и социальности нельзя рассматривать вне проблемного историко-географического поля [2; 3, с. 170—183; 8, с. 581—617; 18]. Анализ социокультурного развития в геокультурных масштабах расширяет рамки исследования структуры функций, методов, условий применяемых практик, складывающихся в процессе исторического развития, позволяющих устано-

вить «границы возможного», в пределах которых совершаются процессы эволюции культуры и социальности, как системы характеризующей отношения общезивилизационных универсалий и локальной специфики [10, с. 52—62; 11, с. 39—55; 12, с. 99—115; 21, pp. 1—44]. Д. Н. Замятин отмечает, что «геокультура может быть определена как процесс и результат, с одной стороны, развития в конкретной культуре собственно географических образов, с другой — «накопления», формирования культуры осмысления этих образов. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретаая при этом те или иные образно-географические конфигурации. Современная геокультура представляет собой серии культурно-географических образов, интерпретирующих локальные геокультурные пространства» [4, с. 5]. С. А. Калинин, рассматривая проблему геокультурного подхода, основанного на категории «геокультуры», «позволяющей осмысливать культурные коды и смыслы преобразования реальности и пространства (миропроекты), показывает, что он «может входить в состав таких методологических феноменов, как мировоззренческая исследовательская программа, мир-системный анализ и геоизмерение». И далее: «Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы наиболее адекватен для анализа конфликта геокультур, позволяя учитывать смену геокультурных стандартов, кризис современной капиталистической мир-экономики, легитимированной либеральной геокультурой, и поиск новых моделей мироустройства, осуществляющийся в рамках конфликта либеральных и традиционных ценностей» [5, с. 94].

Использование геокультурной парадигмы объяснения и понимания состояния мирового социокультурного развития содействует решению проблемы соотношения локальности и глобальности, достижению баланса доверия и сотрудничества в международных отношениях на основе диалога. Концептуальными основаниями служит представление геокультурного фактора своеобразным базисом социокультурного реформирования, определяющим и фиксирующим место и роль локальных сообществ в различных сферах жизнедеятельности. В этом отношении отметим, что геокультура выступает как социокультурный феномен, отражающий взаимосвязь и взаимозависимость географической и социокультурной среды, оказывающей ключевое влияние на формирование *геокультурной системы*. Гео-

культурное пространство как целостность, обладает определенной двойственностью, прослеживающейся на глобальном и локальном уровне и выражающейся в развитии культуры и социальности в пространстве и времени [20]. Геокультурное пространство можно изобразить своеобразной конструкцией устойчивых социокультурных явлений, идей, взглядов, представлений, сложившихся, с точки зрения евразийцев, в обозначенном «месторазвитии». К основным элементам концепции основателей евразийства можно отнести создание уникальной идеи развития социокультуры с учетом пространственного фактора как комплекса географических, духовных и производственно-экономических основ жизни. Введение понятия «месторазвитие» подчеркивает необходимость рассматривать общество и геоприродную среду в симбиозе. Природа в процессе взаимодействия с человеком, претерпевая изменения, сама в существенной степени влияет на формирование и развитие социокультурной жизни. Концепт «месторазвитие» становится методологической парадигмой, формирующей «пространственное мышление», «синхронизмом», подчеркивает необходимость отказа от идеи «универсальной истории» и потребность объяснения геокультурной локальности. В этом смысле представления евразийцев реабилитируют понятие «традиционное общество», ставят задачу выявления соотношения социальности (народности) и территории, «месторазвитии» как среды, обладающей и развивающейся социокультуру, основанную на традиционной производственно-экономической деятельности. Степень вовлеченности локальных сообществ в оборот культурной, политической и экономической жизни зависит от сложных групповых и классовых противоречий, «сил центростремительных и культуруобразующих». В этом контексте Россия обозначается не просто как одно из месторазвитий, а высвечивается авангардом «пространственных» систем («Восток»), противоположных «временных» («Запад»), акцентируется проблема соотношения глобального и локального. Отрицательно относясь к европоцентристской концепции, евразийцы отмечали, что эволюция культуры и социальности разворачивается в пространственно-временных рамках и имеют свою специфику развития. Маркируя значение «культурной миссии России — Евразии», П. Н. Савицкий обращает внимание на сложностях преодоления расхождений, противоречий локальных социокультур [13, с. 266—280]. С точки зрения евразийцев,

геокультура складывается и развивается на основе сформировавшихся социокультурных традициях, нормах, ценностях, отличающих культуру «своих» и «чужих».

С нашей точки зрения, социокультурная идентичность определяется, выстраивается в некотором пространстве, «месторазвитии», являющимся важным фактором становления культуры и социальности. В социокультурной среде формируется особый социокультурный тип локального сообщества, отражающий своеобразие, самобытность жизнедеятельности народов евразийского пространства Российской Федерации. Геокультура в этом смысле явление планетарное, а мировые экономические системы, по своей сути, есть различные варианты геокультуры. Трансформация геокультуры связана с вопросами сохранения ценностей, традиций, норм и принципов, развивающихся и функционирующих в пределах местожительства. Геокультурное пространство по своему содержанию обширнее представления о географическом пространстве и точнее дает понимание того, что именно человек является носителем определенного, сложившегося типа культуры и социальности, освоившего и сохраняющего это пространство.

Заключение

В процессе глобализации складывается целостное экономическое и социокультурное пространство, но дифференция уровней социально-экономического развития детерминирует процессы разделения, нелинейности, локализации регионов, что порождает противоречия глобальности и локальностей. Социально-экономическая модернизация оказала значительное влияние на трансформацию социокультурной среды. Проблема социокультурной интеграции и дезинтеграции связана с динамикой социокультурного развития, определяемой процессами глобализации.

Производственно-экономическая модернизация детерминирует упадок традиционной индустрии, обуславливает институциональный кризис, разрушаются исторически сформировавшиеся социокультурные связи важнейших общественных начал: личность, общество, культура. Прослеживаются процессы дезинтеграции социокультурного пространства локальных сообществ. Проблема интеграции/дезинтеграции социокультурного развития локальных сообществ детерминируется динамикой развития культуры и социальности формирующей модели

социокультурного поведения локальных сообществ. Глобализационные процессы, оказывая давление на локальности, обуславливают трансформацию социокультурного пространства локальных сообществ, разрушают социокультурную идентичность, оказывая дезинтегрирующее воздействие на развитие культуры и социальности. В ходе коммуницирования глобальности и локальности складываются модели социокультурного развития, определяющие перспективы интеграции социокультуры.

Социокультурная трансформация порождает условия унификации, шаблонирования социокультурной среды. Давление либеральных концепций приводит социокультурное пространство в состояние диффузии, нестабильности. Традиционные нормы, ценности модифицируются в промежуточные формы, помогающие в той или иной степени адаптироваться к новым условиям жизни, нивелировать негативные последствия модернизации. Конфронтация либеральных стандартов и традиционных ценностей формирует диссонанс в процессе социокультурного развития, порождает риски, связанные с разрушением культуры и социальности локального сообщества. Расстройство социокультурного равновесия, социокультурной устойчивости изменяет социокультурные стереотипы, поведенческие нормы, правила, стандарты, идеалы и т. д.

Локальные сообщества испытывают потребность сбережения традиционных социокультурных ценностей, выражающуюся в желании сохранения основополагающих элементов истории, социокультуры и идентичности. Расстройство традиционного образа жизни, смена ценностных образцов, потеря традиционных социокультурных интересов предопределяет дезориентацию, утрату идентификаций, что способствует формированию гибридных социокультурных форм, как противовес традиционным ценностям. Складываются территориальные социокультурные образования, в масштабах которых делаются попытки сберечь традиционную социокультурную среду.

Процесс социокультурной эволюции локальных сообществ характеризуется переходностью позиций. Картина развития вырисовывается в контексте от сохранения традиций развития культуры и социальности до восприятия и принятия либеральной концепции социокультуры, ведущей к разрушению социокультурной идентичности, детерминируя дезинтеграционные процессы раскалывающие локальные сообщества. Попытка адаптации к смене ценностных традиционных

стереотипов, обретения облика нового мира, с точки зрения адаптанта, более эффективно, развивает маргинальные качества, способность к социальной мимикрии, формирует состояние социальной аномии. Жители локальных сообществ выпадают из традиционного социокультурного пространства, оказываясь на грани разлома идентичности.

1. Балацкий, Е. В. Институциональные реформы и человеческий капитал / Е. В. Балацкий // Журнал НЭА. — 2021. — № 3 (51). — С. 103—124. — DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-5.

2. Градировский, С. Геокультурный выбор России / С. Градировский, Б. Межуев // Виперсон. — 2005. — URL: <http://viperson.ru/articles/sergey-gradirovskiy-boris-mezhuev-geokulturnyy-vybor-rossii> (дата обращения: 01.11.2022).

3. Замятин, Д. Н. Геокультурное пространство России: ключевые положения, интерпретации и перспективное геокультурное проектирование / Д. Н. Замятин // Развитие и экономика. — 2014. — № 10. — С. 170—183.

4. Замятин, Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации / Д. Н. Замятин // Вестник Евразии. — 2002. — № 2. — С. 5—17.

5. Калинин, С. А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской парадигмы: о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов / С. А. Калинин // Труды Института государства и права Российской Академии наук. — 2020. — № 1. — С. 94—124. — DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin.

6. Карпович, О. Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы / О. Г. Карпович // Международные отношения. — 2014. — № 1. — С. 62—67. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9000.

7. Коломак, Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. / Е. А. Коломак // Пространственная экономика. — 2019. — Т. 15. — № 4. — С. 85—106. — URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106> (дата обращения: 01.11.2022).

8. Кузнецов, В. Н. Российская мечта в геокультурном измерении / В. Н. Кузнецов // Безопасность Евразии. — 2003. — № 1 (11). — С. 581—617.

9. Лапин, Н. И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования / Н. И. Лапин // Власть. — 2017. — № 3. — С. 25—33.

10. Михайлов, В. Т. Идентичность человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации / В. Т. Михайлов, Й. Рунге // Социологические исследования. — 2019. — № 1. — С. 52—62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4.

11. Неклесса, А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна / А. И. Неклесса // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 5. — С. 39—55. — URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04> (дата обращения: 01.11.2022).

12. Попов, М. Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы / М. Е. Попов // Полис. Политические исследо-

вания. 2017. № 1. С. 99—115. — URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.09> (дата обращения: 01.11.2022).

13. Савицкий, П. Н. Евразийство / П. Н. Савицкий // Основы евразийства. — М.: Арктогея центр, 2002. — С. 266—280.

14. Савицкий, П. Н. Географические и геополитические основы евразийства / П. Н. Савицкий // Основы евразийства. — М.: Арктогея центр, 2002. — С. 297—304.

15. Салин, П. Б. Эпоха на разрыв / П. Б. Салин // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 6 (106). — С. 134—143.

16. Трубецкой, Н. С. Общевеэвразийский национализм / Н. С. Трубецкой // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. — М.: Айрис-пресс, 2002. — С. 198—206.

17. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: АСТ, 2008. — 637 с.

18. Цымбурский, В. Это твой геокультурный выбор, Россия? / В. Цымбурский // ПОЛИС. Политические исследования. — 2001. — URL: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/7zmb.htm>. (дата обращения: 11.01.2023).

19. Шмаков, В. С. Влияние производственно-экономической модернизации на трансформацию социокультурной идентичности / В. С. Шмаков // BENEFICIUM. — 2021. — № 1(38). — С. 106—113. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.1(38).106—113.

20. Шмаков, В. С. Локальные сообщества Евразии: геокультурный аспект / В. С. Шмаков // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13, — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK222.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

21. Flew, T. Populism and Globalization: Towards a Post-Global Era? / T. Flew. — January 22, 2019. — P. 1—44. — URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3321448> (дата обращения: 15.11.2023).

22. Mendis, Patrick. Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered / Mendis Patrick. Lulu.com, 2007-01-01. — 442 с.

References

1. Balackii E.V. (2021) Institucionalnie reformi i chelovecheskii kapital [Institutional reforms and human capital]. *Jurnal NEA*, no. 3 (51), pp. 103—124. [in Rus].

2. Gradirovskii S., Mejeuev B. (2005) Geokulturnii vibor Rossii [Geocultural Choice of Russia]. Viperson, available at: <http://viperson.ru/articles/sergey-gradirovskiy-boris-mezhuev-geokulturnyy-vybor-rossii> (accessed 01.11.2022) [in Rus].

3. Zamyatin D.N. (2014) Geokulturnoe prostranstvo Rossii_ klyucheveie polojeniya_ interpretacii i perspektivnoe geokulturnoe proektirovanie [Geocultural space of Russia: key provisions, interpretations and perspective geocultural design] *Razvitie i ekonomika*, no. 10, pp.170—183 [in Rus].

4. Zamyatin D.N. (2002) Geokultura: obraz i ego interpretacii [Geoculture: image and its interpretations]. *Vestnik Evrazii*, no. 2, pp. 5—17 [in Rus].

5. Kalinin S.A. (2020) Geokulturnii podhod mirovozzrencheskoi issledovatel'skoi paradigmi o

probleme vzaimodeistviya liberalnih i tradicionnih standartov [Geocultural approach of the worldview research paradigm: on the problem of interaction of liberal and traditional standards]. *Trudi Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi Akademii nauk*, no. 1, pp. 94—124 [in Rus].

6. Karpovich O.G. (2014) Konflikty civilizacij: aktual'nye problemy [Conflicts of civilizations: current issues]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no.1, pp. 62—67. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9000 [in Rus].

7. Kolomak E.A. (2019) Prostranstvennoe razvitie Rossii v XXI v. [Spatial development of Russia in the XXI century]. *Prostranstvennaya ekonomika*, t. 15, no. 4, pp. 85—106, available at: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106> (accessed 01.11.2022) [in Rus].

8. Kuznecov V. N. (2003) Rossiiskaya mechta v geokulturnom izmerenii [The Russian Dream in the Geocultural dimension]. *Bezopasnost Evrazii*, no. 1 (11), pp. 581—617 [in Rus].

9. Lapin N. I. (2017) Spontannost modernizacii v regionah Rossii i konstitucionnie principy ee regulirovaniya [Spontaneity of modernization in regions of Russia and the constitutional principles of her regulation]. *Vlast'*, no. 3, pp. 25—33 [in Rus].

10. Mihajlov V. T., Runge J. (2019) Identichnost' cheloveka. Territorial'nye obshchnosti i social'noe prostranstvo: opyt konkretizacii [The identity of a person. Territorial communities and social space: the experience of conceptualization]. *Sociological research*, no. 1, pp. 52—62 [in Rus].

11. Neklessa A.I. (2021) Civilizaciya kak process: mul'tiplicirovannyye sub"ekty Postmoderna. [Civilization as a process: the multiplied subjects of Postmodernity]. *Policy. Political studies*, no. 5, pp. 39—55. DOI: doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04 [in Rus].

12. Popov M. E. (2017) The policy of socio-cultural integration: basic theoretical approaches. *Policy. Political Studies*, no. 1, pp. 99—115, available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.09> (accessed 01.11.2022) [in Rus].

13. Savickij P. N. (2002) Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evrazijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. *Osnovy evrazijstva*. Moscow, Artogeja centr, pp. 266—280 [in Rus].

14. Savickij P. N. (2002) *Geograficheskie i*

geopoliticheskie osnovy evrazijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. *Osnovy evrazijstva*. Moscow, Artogeja centr, pp. 297—304 [in Rus].

15. Salin P.B. (2020) Epoha na razryv [The Era of the Gap]. *Rossiya v global'noj politike*, no. 6 (106), pp. 134—143 [in Rus].

16. Trubeckoi N.S. (2002) *Obscheevraziiskii nacionalizm* [Pan-Eurasian nationalism]. *Russkaya ideya: sbornik proizvedenii russkikh mislitelei*. Moscow, Airis_press, pp. 198—206 [in Rus].

17. Huntington S. (2008) *Kto mi Vizovi amerikanskoj nacionalnoi identichnosti* [Who are We? Challenges to American national identity]. Moscow, AST, 637 p. [In Rus].

18. Cimburskii V. (2001) Eto tvoji geokulturnii vibor_ Rossiya [Is this your geocultural choice, Russia?]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, available at: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/7zmb.htm>. (accessed 11.01.2023) [in Rus].

19. Shmakov V.S. (2021) The Impact of Industrial and Economic Modernization on the Transformation of Socio-Cultural Identity [The impact of industrial and economic modernization on the transformation of socio-cultural identity]. *BENEFICIUM*, vol. 1(38), pp. 106—113. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.1(38).106—113 [in Rus].

20. Shmakov V.S. (2022) Local communities of Eurasia: geocultural aspect. [Local communities of Eurasia: geocultural aspect]. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, t. 13, no. 2, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK222.pdf> (accessed 15.01.2023) [in Rus].

21. Flew T. (January 22. 2019) Populism and Globalization: Towards a Post-Global Era? [Электронный ресурс], pp. 1—44, available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3321448> (accessed 15.01.2023) [in Eng].

22. Mendis Patrick (2007). Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered. *Lulu.com*, 2007-01-01. 442 p. (accessed 15.11.2023) [in Eng].

Статья поступила в редакцию 26.01.2023

For citing: Shmakov, V. S. Sociocultural transformation: integration and disintegration factors / V.S. Shmakov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 7—15. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-07-15. — EDN XAPZST

UDC 316.334.55

EDN XAPZST

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-07-15

SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION: INTEGRATION AND DISINTEGRATION FACTORS

Vladimir S. Shmakov,

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Department of Social and Legal Research, Doctor of Philosophy, Novosibirsk, Russia, E-mail: vsshmakov@gmail.com

Abstract

Introduction. The emerging paradigm of socio-cultural development of the Russian Federation's local communities is conditioned by the transformation of production and economic practices based on the concept of a multi-layered economy and multifunctionality emerging under the pressure of globalization on the development of localities. The desire to preserve and maintain socio-cultural traditions, customs, and values is an axiological guideline for developing local communities. The growing social vulnerability of communities creates certain conditions for losing identity, ability for self-identification, and leads to the destruction of socio-cultural identity.

The purpose of the study. The article analyzes the problem of socio-cultural evolution when modernizing production and economic activity generating factors causing the transformation of culture and sociality of local communities, thus determining the processes of integration and disintegration of socioculture.

Methods. Sociocultural analysis provides an opportunity to reveal the main directions of sociocultural development of local communities, to explain the essence of interaction, mutual influence and unification of local communities into an interactive socio-cultural space with compatible formations and components.

Scientific novelty of the research. The author displays the models of culture and sociality transformation reflecting the processes of modification of the local communities' lifestyle that determine the transition from the paradigm of sustainable traditional socio-cultural development to the paradigm of innovative transformations.

Results. The problem of sociocultural integration and disintegration is associated with globalization processes that generate contradictions of globality and locality. The processes of integration/disintegration of the local communities' sociocultural development are conditioned by the culture and sociality evolution of the constructing model of socio-cultural behavior. The pressure of globalization plunges the socio-cultural space into a state of diffusion, instability. Historically established traditions, norms, values are transformed into intermediate forms that help to adapt to new living conditions, neutralize the negative consequences of modernization. Territorial sociocultural formations are being formed, within the framework of which attempts are being made to preserve the traditional socio-cultural environment.

Conclusions. The dynamics of sociocultural processes determines the emergence of multidirectional poles of sociocultural life: from the desire to preserve the traditional socio-cultural environment, to the full acceptance of the meaningful qualities of liberal socio-culture, which destroys the sociocultural identity of local communities.

Keywords:

local communities, industrial and economic modernization, sociocultural evolution, sustainable development

Для цитирования: Дыдров, А. А. Искусственный интеллект: мифологемы западного научного контента / А. А. Дыдров // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 16—25. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-16-25. — EDN QYBFQP.

УДК 316.4

EDN QYBFQP

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-16-25

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МИФОЛОГЕМЫ ЗАПАДНОГО НАУЧНОГО КОНТЕНТА¹

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-3288-8724
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Аннотация

Введение. Искусственный интеллект является трендом НБИК-конвергенции и инфотехнологий в частности. С 70-х гг. XX в. он выступает в качестве предмета интенсивных дискуссий в научном сообществе. Непосредственным показателем значимости темы выступает публикационная динамика и ежегодный прирост числа индексируемых статей. Согласно статистике, западные общественные науки находятся в пятерке отраслевых лидеров.

Цель статьи — аналитика базы данных Scopus и определение ключевых мифологем научного дискурса social sciences (в сфере искусственного интеллекта). Последние выходят за границы научно-исследовательских норм и стандартов и выражают нерелевантные исследовательские интенции.

Методы. Референтная база научных статей включает в себя труды, опубликованные в течение десятилетия (2010—2020 гг.). В качестве методов были использованы методы обнаружения вербальных маркеров и контент-анализ. При этом ставка преимущественно делалась не на количественную, а на качественную аналитику. Основанием для выбора маркеров служила частотность их употребления в аннотациях (abstracts), заголовках (titles) и ключевых словах

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

(keywords). Выборка вербальных маркеров производилась в соответствии с двумя условно обозначенными категориями: «тренды», или частотные инженерно-технические и социально-гуманитарные термины, выражающие направленность научно-исследовательских практик и «мифологемы», или элементы вторичной семиотической системы.

Научная новизна исследования. Научная новизна обусловлена спецификацией предмета исследования. На Западе активно развивается направление т. н. «технологической мифологии», в фокусе внимания которой находятся преимущественно дискурсы искусства и идеологических документов. Аналитика научного контента позволяет снять сложившиеся исследовательские ограничения предмета и обозначить перспективы для дальнейшего изучения современной мифологии. Контент-анализ позволил обозначить некоторые предельно общие формулировки технологических мифологем, которые могут уточняться и конкретизироваться.

Результаты. По результатам исследования произведена дескрипция трех метатрендов — технологического, социального и антропологического. Перечислены все ключевые направления в границах каждого тренда. При этом утверждается, что антропотренд имеет в дискурсе западных общественных наук сравнительно меньший удельный вес. В качестве дискуссионного аспекта исследования выявлено и условно обозначено пять научных мифологем. Предлагаются интерпретации и характерные примеры функционирования каждой.

Выводы. Технологический тренд конституируется данными технических наук и инженерными разработками с социальной направленностью Социотренд определяется спектром областей применения технологий. Сделан вывод о диффузии двух трендов и обслуживающих эти тренды дискурсов. В дискурсивном плане технотренд служит конструированию строго научного дискурса, основанного не на абстрактных, а на конкретных и точных пропозициях. Особое внимание уделяется дискурсивному мейнстриму «смартизации», характерному для научного контента второго десятилетия XXI в. Сделан акцент на антропологических рисках экстраполяции «смартизации» на специализированные практики.

Ключевые слова:

технологическая мифология,
искусственный интеллект,
тренд,
мифологема,
НБИК-конвергенция

Введение

Инфотехнологии уже не одно десятилетие занимают третью позицию в популярной аббревиатуре НБИК (нередко говорят также о конвергентных технологиях [1, с. 22]). Конвергентные технологии позиционируются в качестве авангарда т. н. «четвертой промышленной революции». В списке завоеваний последней фигурируют мобильный Интернет, миниатюрные «смарт»-устройства, обучающиеся машины и искусственный интеллект [3, с. 11]. Однако положение инфотехнологий в аббревиатуре вряд ли коррелирует с их фактической значимостью, задаваемой несколькими параметрами: интенсификацией инноваций на соответствующих рынках, скоростью распространения и высокой степенью социальной абсорбции. Проще говоря, практически любой подключенный к сети потребитель (клиент) имеет возможность взаимодействия с бесплатными и открытыми нейросетями (о характере этого взаимодействия речи не идет). Нанотехнологические разработки, несмотря на исторически известный идейный пафос демократизма и веры в свободную эксплуатацию гипотетических «наноассемблеров», доступны общественности в лучшем случае в виде общего описания существующих достижений и аннотаций проектов.

Среди перечисленных революционных трендов технологии искусственного интеллекта в определенном смысле стоят особняком: одной из причин тому является история научно-инженерных разработок, испытавших влияние кибернетики и робототехники. Научная база данных в этой связи позиционируется как индикатор актуальности и значимости технологии. Непосредственным показателем значимости темы выступает публикационная динамика. Уже с 1960-х гг. в базе данных Scopus начинается лавинообразный рост научных публикаций, объединенных тематикой и ключевыми словами «artificial intelligence». В данной статье мы не берем во внимание рукописи, содержащие информацию о разработках AI, но не имеющие соответствующей терминологии ни в названии, ни в ключевых словах. Говоря об искусственном интеллекте, мы имеем в виду традиционную западную маркировку отрасли информационных и цифровых технологий, совмещенных со специализированными программными средствами. Последние опосредуют спектр коммуникативных взаимодействий и производят определенные операции с данными (в частности, рекомбинацию входных данных). Данная де-

финиция предельно широка, что позволяет избежать инженерной конкретизации («распределенный», «слабый», «обучающийся», «экспертный» модусы не выходят за границы общей дефиниции).

Сводные данные Scopus свидетельствуют, что в 1960 г. индексировалась только 1 публикация, в 1970 г. — 10, в 1980 г. — 29 (за 1990 г. данных нет). В 2000 г. в базе данных размещены 132 публикации, в 2010 г. — 739, а в 2020 г. — 5.888. Данные за 2021 и 2022 гг. прямо говорят о том, что это число еще будет неуклонно расти. Более 140 публикаций приняты в научные издания за 2023 г. Пятерку отраслей — лидеров публикационной активности — составляют Computer Sciences (более 19 000), инжиниринг (около 12 000), медицина (8000), математика (7000) и социальные науки (более 4000). Последние существенно обгоняют экономику и менеджмент, химию, энергетику, психологию, нейронауку и т. д. Разумеется, результирующие показатели в границах каждой из обозначенных областей нуждаются в аналитике. Это позволит создать единую семантическую картину репрезентаций искусственного интеллекта в научном дискурсе, который, в свою очередь, был бы представлен спектрально и вариативно.

Методы и материалы

В рамках данной статьи мы ставим пропедевтическую задачу по аналитике данных social sciences, замыкающих пятерку лидеров. В будущем попытаемся сравнить данные Scopus с результирующими показателями российского индекса научного цитирования. Референтная база научных статей включает в себя труды, опубликованные в течение десятилетия (2010—2020 гг.). В качестве методов, за исключением «классических» общенаучных, были использованы методы обнаружения вербальных маркеров и контент-анализ. При этом ставка преимущественно делалась не на количественную, а на качественную аналитику. Несмотря на то, что основанием для выбора маркеров служила частотность их употребления в аннотациях (abstracts), заголовках (titles) и ключевых словах (keywords), количественные методы не позиционировались как удовлетворяющие цели и задачам. Выборка вербальных маркеров производилась в соответствии с двумя условно обозначенными категориями:

1. «Тренды», то есть в контексте данного исследования частотные инженерно-технические и социально-гуманитарные термины,

выражающие общую направленность («мейнстрим») научно-исследовательских практик. Из сказанного не следует, что термин, употребленный N раз, становится «трендом». На мой взгляд, тренд выявляется исключительно посредством сопоставления с другими терминами научной области.

2. «Мифологемы», то есть элементы вторичной семиотической системы, альтернативные «буквальному» смыслу. Условно в эту категорию падают любого рода оценки, критика, коннотации, иными словами, все то, что в силу спецификации функционирования не соответствует «научной объективности». Если «тренды» выявляются посредством количественной аналитики, то «мифологемы», естественно, требуют качественной методы. Зачастую коннотации, оценки и критика не завуалированы. Например, в пропозиции «Интеллект машин и робототехники с возможностью глубокого обучения оказал *глубокое разрушительное воздействие* на бизнес, правительства и общество» [9] отчетливо видна определенная негативная коннотация. В утверждении «мы рассматриваем социальные дилеммы, когда индивидуальные интересы расходятся с интересами других и когда искусственному интеллекту может быть особенно трудно принять правильное решение» [8] экспрессивно-негативная маркировка отсутствует, что, однако, не тождественно отсутствию критического заряда.

Референтная база контент-анализа формировалась посредством изначально введенного ограничения: термин «artificial intelligence» должен фигурировать во всех титульных элементах научных публикаций. В противном случае, без соответствующей фильтрации, база статей неопределенно расширилась бы и охватывала тысячи трудов, в которых «искусственный интеллект» выступает в качестве периферийной тематики или просто упоминается. Ввиду обозначенного ограничения следует особо оговорить два момента: во-первых, на выходе аналитическая система Scopus отобразит пониженные числовые показатели (разумеется, препятствуя тем самым получению адекватных статистических данных), во-вторых, выдаст результаты поиска, релевантные с высокой долей вероятности. Однако, как уже было сказано, получение статистических показателей с минимальной погрешностью не является магистральной задачей статьи. Структура изложения результатов исследования определяется двумя основными множествами — «трендами» и «мифологемами» (эти множества, в свою

очередь, также будут условно структурированы).

Результаты и обсуждение

По моей оценке, в авангарде трендов искусственного интеллекта находятся *технологические* тренды. Специфика содержания исследований в базе данных Scopus такова, что техническое знание, мейнстримные и локомотивные технологии имеют значительный удельный вес в границах social sciences. Наряду с технологическими отчетливо видны *социальный* и *антропологический* тренды. Первый задается интеграцией искусственного интеллекта в социальные сферы и общественные отношения, деятельность сообществ (например, медицину, образование, экологию, юридические практики и т. д.). Второй тренд, в свою очередь, конституируется антропологемами (понятиями достоинства, субъективации и др.). В границах каждого тренда встречаются понятия «топологического» порядка — области, места, сферы. Однако не представляется целесообразным заведомо усложнять систематизацию результатов, акцентируя внимание на «топологических» спецификациях. В отличие от технологического (представлен перечнем), социальный и антропологический тренды будут содержательно уточнены, так как они конституируют предмет данного исследования.

Технологический тренд

Deepfake (общепринятый эквивалент в российской науке отсутствует, букв. «глубинная / глубокая подделка»);

Аналитический интеллект (Analytical Intelligence);

Большие данные (Big Data);

Глубокое обучение (Deep Learning);

Интернет вещей (Internet of things, IoT);

Когнитивные вычисления (cognitive computing);

Машинное обучение (machine learning);

Нейронные сети (Neural Networks);

Сингулярность (Singularity);

Умный город (Smart City), умная фабрика (Smart Factory), умный дом (Smart Home), городской мозг (City Brain);

Эмоциональный интеллект (Empathetic Intelligence).

Социальный тренд

Бизнес: изменение карты ключевых бизнес-отраслей и перераспределение влияния бизнес-агентов, изучение моделей экономической деятельности инновационных компаний (например, «Uber»), примене-

ние нейронных сетей, вычислительного интеллекта, сбор данных для повышения эффективности бизнес-планирования, коммерческой деятельности и управления человеческими ресурсами.

Городское планирование, инфраструктура: контроль и прогнозирование транспортных потоков, схематизация безопасного вождения, прогнозирование аварий, самоорганизация и самооптимизация городских производств (умные фабрики), автоматизация коммунальных систем, превращение города в «автономное существо» с возрастанием рисков неопределенности и умножением числа неизвестных факторов.

Государственный (административный, политический) сектор: оптимизация системы государственных услуг, применение искусственного интеллекта в государственном управлении для прогнозирования транспортных зон повышенной криминогенности в городской среде, автоматизация бюрократических процессов (переход к бюрократии «системного уровня»), проблема трансформации и существования демократии в условиях развития интеллектуальных систем и больших данных, разработка военных приложений ИИ в рамках «гонки вооружений», влияние интеллектуальных технологий на государственную идеологию.

Медицина: решение проблемы экстренной помощи вне зависимости от местоположения пациента, повышение квалификации медицинских работников (аналитика данных, использование приложений), использование программного обеспечения и систем ИИ в сельских регионах в связи с нехваткой профессиональных кадров, применение технологий глубокого обучения для визуализации тяжелых заболеваний (например, рака).

Образование: образовательные роботы, образование K-12, постцифровое образование, поиск способов и форматов применения искусственного интеллекта в физическом пространстве класса; внедрение алгоритмов глубокого обучения, таких как генеративно-состязательная сеть и глубокая нейронная сеть, аналитика содержания ответов учащихся, применение биомедицинских технологий с визуализацией (в частности, это касается электроэнцефалограмм), методология повышения грамотности в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта, педагогическое сопровождение в контексте человеко-машинного общения, применение систем ИИ для оценки понимания учащимися конкретных данных (тем, понятий, методик и т. д.).

Рынок труда: цифровой труд и «краудворкинг», передача цифрового труда (разработка приложений, программ, интерфейсов и т. д.) на аутсорсинг, возникновение «сверхгибких» рабочих рынков с высокой динамикой (сменой деятельности, кадров, форм занятости), гетерогенный состав рабочей силы, риски и издержки «цифрового тейлоризма».

Экология, ресурсосбережение: проблема определения и поддержки приемлемых организационных процессов и индивидуальных практик для снижения эксплуатации природных ресурсов и энергоемкости человеческой деятельности, прикладные экологические проекты, в частности, решение задач маршрутизации транспортных средств для сбора отходов, создание онлайн-сети, связывающей производителей и потребителей техники и комплектующих (в частности, для решения вопросов по утилизации).

Юридическая сфера (судопроизводство, законодательство, аналитика юридических актов): вычислительные модели юридических рассуждений, аналитика юридического текста, поиск и фиксация аргументации, развитие т. н. AI-Crime, то есть систем определения различных форм и способов незаконной деятельности, интеграция AI-Crime в социальные сети (идентификация мошенничества), коллизии интеллектуальных систем и продуктов, обусловленные, в частности, появлением сексистских или расистских маркеров (например, при распознавании лиц), ошибочные алгоритмы и неполные данные; криминалистика: профилирование подозрительных лиц, управление дорожным движением (автоматическое обнаружение номерных знаков и идентификация транспортных средств), анализ денежных потоков «темной сети» (DarkNet), обнаружение детской порнографии, разработка специализированных нейронных сетей с ориентацией на криминалистические методы и данные.

Антропологический тренд

Достоинство: риски искажения выходных данных, информационное неравенство (проблема дефицита информации у многочисленных пользователей), открытость профилей и личного контента, манипуляция персональными данными ставят под сомнение демократический идеал достоинства личности.

Грамотность и образование: акцентуация внимания на недостаточности человеческих знаний, приоритет квалификации в сфере информационных технологий, разработки программного обеспечения, вопрос о формировании технологически грамотного пользователя. Проблема «субъективации»,

то есть воспитания уникальных, индивидуальных агентов, снижение удельного веса человека в системе образования (развитие института электронного тьюторства, искусственных «помощников»). Деятельность педагога и учителя может быть ограничена надзорной и организаторской функциями.

Здоровьесбережение, медицинские практики: определение мер предосторожности с помощью туманных / облачных вычислений в условиях COVID-пандемии, домашний телемониторинг с целью предотвращения рисков повторных госпитализаций, необходимость повышения профессионального уровня медицинского работника и проблема «достаточного знания» (перекликается с социальным трендом).

Идеология: распространение сетевых взаимодействий, систем искусственного интеллекта не вполне определенным образом влияет на гражданскую позицию человека и обостряет вопрос об эффективности государственных идеологий.

Программное обеспечение, интеллектуальные системы: этическая проблема гомоморфизма суждений человека и пропозиций ИИ (сексистские и расистские суждения, нарушение принципов толерантности).

Экология, ресурсосбережение: интеграция в сеть / систему оптимизации жизнедеятельности человека, установление связи с производителями и пользователями, повышение качества персональных потребительских практик.

Юридическая сфера, криминалистика: свободный доступ к базам юридических данных, консультации с электронными агентами, профилирование в социальных сетях (данные пользователя находятся в свободном доступе, служат ресурсом для статистической и качественной аналитики).

Перечень трендов позволяет систематизировать спорадические исследовательские задачи и выявить наиболее частотные фокусы внимания, в определенном смысле формирующие мейнстрим social sciences. Разумеется, представленная «карта» (фактически оформлена в виде перечней) не претендует на исчерпывающую дескрипцию трендов. Скорее, на мой взгляд, она обозначает относительно стабильные узловые точки научного интереса. Стабилизация узловых точек обусловлена, в свою очередь, константной величиной основных областей приложения технологий ИИ. Аналитика данных Scopus по соответствующему запросу за период 1970—1990-х гг. показала, что образование и медицина были и остаются доминирующими областями (в границах

общественных наук), вокруг которых разворачивается дискурс об информационных технологиях вообще и искусственном интеллекте в частности.

В границах каждого тренда и конкретного направления ежегодно проводятся десятки исследований. Многие из них носят прикладной характер и содержат фактологические и расчетные данные (например, моделирование оптимизации транспортных потоков). Однако значительное число научных трудов отрасли social sciences включают в себя исследовательские оценочные коннотативные пропозиции, определенное видение «перспектив», «рисков» и «угроз» развития технологии. Общественные науки в принципе специфицируются на такого рода сентенциях, конституирующих т. н. особую «мифологию» [5; 16]. В исследовании «Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов» (совместно с С. В. Тихоновой и И. В. Батуриной) мы проанализировали пользовательские поисковые запросы с помощью инструментария Google Trends и сервиса WordStat. Результаты анализа были в определенном смысле показательными: доминирующее положение в статистике занимают запросы («искусственный интеллект...») с негативной маркировкой («убьет», «заменит» и др.). Как правило, причину сложившегося отношения к технологии видят в широком распространении дискурсов sci-fi (прежде всего кинематограф и литература) [14]. Тем не менее не следует забывать и о том, что для потребителя, не обладающего достаточными профессиональными компетенциями, технологии всегда оставались относительно непроницаемыми, загадочными. По выражению В. Моско, мифы «воодушевляют людей и общества», открывают дорогу к трансцендентному и вырывают человека из «банальной повседневности». Современные инфотехнологии, как и любые другие, окружены ореолом «возвышенного» (досл. «Digital Sublime») [13]. Представляется уместным скорректировать утверждение автора и ограничить юрисдикцию философов «sublime». В виду частотных случаев негативного отношения к технологии также возможно говорить о «цифровом ином». Иное, разумеется, не тождественно «возвышенному», но может и угрожать, быть чуждым или даже чужеродным. Маркировка «убьет» семантически связана с данным кластером философом (чуждое, угроза).

В рамках исследования не было цели составить исчерпывающий перечень коннотаций искусственного интеллекта или произвести тотализирующую дескрипцию

вторичной семиотической системы. Предварительно (в границах рабочей задачи) обозначив частотную маркировку, мы укажем на основные «мифологемы». Концептуализация технологической мифологии может спровоцировать дискуссии, что и представляется продуктивным подходом для дальнейшего уточнения и корректировки результатов.

Мифологема 1. «Вера в аналогию» / «гомоморфизм». Разработка искусственного интеллекта, по распространенному убеждению, должна опираться на данные о т. н. «естественном» интеллекте. Следовательно, для создания интеллектуальной системы в принципе необходимо анализировать идеи, мысли и поведение человека [12]. Аналогизм также нередко выражается в новообразованных понятиях типа «знания внутри машины» (досл. «the knowledge within the machine» [10]). В недавнем прошлом в social sciences возник термин «искусственный интеллект, ориентированный на человека» (в ориг. «Human-Centered Artificial Intelligence», «гуманоцентрический» ИИ). Его определяют / коннотируют как «обеспечивающий доверие», «понимающий человека» и т. д. [17]. Разработка систем ИИ неразрывно связана с верой в гомоморфизм интеллекта, который на семантическом уровне (от)граничивается нововведенным термином «естественный интеллект» и машинных алгоритмов. С этой пресуппозицией сопряжены как минимум две тенденции (стратегии): дискурсивная алгоритмизация интеллекта и антропоморфизация алгоритмов технологии. Каждая из этих тенденций / стратегий заслуживает отдельного исследования.

Мифологема 2. «Умная технология» / олицетворение / антропоморфизация. Искусственный интеллект устойчиво вписывается в сверхинтенсивную тенденцию «смартизации», то есть, буквально, обслуживает веру в генезис «умных» пространств и вещей. Именно технологии ИИ фундируют качественные изменения привычной топологии (городов, домов, фабрик и т. д.) и интерьера. Помимо «ума», пространство наделяется метаболизмом и собственным жизненным укладом. Характерный пример: «Хотя обработка больших данных с помощью искусственного интеллекта (ИИ) может внести значительный вклад в городскую ткань, тем не менее, нельзя упускать из виду аспекты устойчивости и пригодности для жизни в пользу технологических аспектов. В этом документе рассматривается городской потенциал ИИ и предлагается новая структура, связывающая технологию ИИ и

города, обеспечивая при этом интеграцию ключевых аспектов культуры, метаболизма и управления; которые, как известно, играют ключевую роль в успешной интеграции “умных городов”» [4]. Распространение «смартизации» как конституирующего элемента мифологемы и социально-технологического тренда затронуло традиционные антропопрактики, в принципе связанные с интеллектуальным трудом. В частности, в научный оборот в 10-х гг. вошли термины «умная диагностика» и «умное здравоохранение» [7]. На семантическом уровне эти термины содержат плеоназм: может возникнуть впечатление, что до появления «смарт»-технологий здравоохранение и диагностика не были рациональными практиками. Обозначенная мифологема фактически дробится на составляющие. В частности, уже более 5 лет в фокусе внимания многих ученых и публицистов находится вопрос о нейросетях и искусстве. В журналистских заметках содержатся спорадические нерелевантные пропозиции типа «студент X загрузил в программу несколько тысяч изображений и обучил нейросеть рисованию»¹.

Мифологема 3. «Хронотопологическая». Конституируется базовыми топологическими понятиями «расширяется», «углубляется» и пр. Характерный пример: «Рост суперкомпьютерной мощности и технологий больших данных, по-видимому, расширил возможности ИИ в последние годы. Новое поколение ИИ быстро расширяется» [6]. Семантика элементарных топологических понятий связана с исчислимостью и мерой. Однако эти понятия используются без научной рефлексии и являются, вероятно, наиболее популярными маркерами, фиксирующими неопределенно «высокий» статус технологии. Технология как будто самостоятельно аннексирует пространство, позиционируется в качестве автономной силы (величины), действующей по собственным законам. Собственно, она автономно действует не только в пространстве, но и во времени, детерминируя спектр сценариев будущего: «...может предвещать утопическое будущее, в котором человечество гармонично сосуществует с машинами, или предвещать антиутопический мир, наполненный конфликтами, бедностью и страданиями. В ближайшем будущем искусственный интеллект ускорит наш прогресс в достижении целей устойчивого развития» [9]. Имплицитное семантическое противоречие данного

¹ См., н-р, статью 2018 г. «Искусственное искусство: как нейросети научились творить» на сайте forbes.ru.

утверждения конституируется контрадикцией статусов технологии: «предвещает» (активная позиция, в контексте детерминации будущего) — «ускорит» (в связке с «наш прогресс» — функциональная роль, инструментальный статус). Противоречие задается не семантикой позиций (обе активные), но контекстуально. В первой части утверждения технология принципиально влияет на качество возможного будущего, во второй части она размещена в «инструментальной» рамке и обслуживает социальную цель. Похожее противоречие, в частности, наблюдалось в классической монографии «Галактика Интернет» М. Кастельса, где сеть также не имела четкого статуса (точнее, позиционировалась и как средство, и как сила, топос / пространство, агент и т. д.).

Мифологема 4. «Революционная технология». С высокой частотой в дискурсах social sciences фигурирует маркер «будущее», с которым сопрягают «революционный» заряд технологии. Характерный пример оборота: «Предстоящая революция искусственного интеллекта» [11]. Данная мифологема локализуется в частных пропозициях, например: «Искусственный интеллект революционизирует сетевую архитектуру умного города» [18] и т. д. Будущее интегрировано в структуру мифологемы как качественная иная, в сравнении с настоящим и прошлым, модальность. Привычная нерелексивная маркировка будущего как особого «активного» модуса («модус-актант») интегрирована и в научный дискурс («будущее грядет», «наступает», «обещает», «обеспечит» и т. д.). Характерный пример: «Будущее обещает создание технологий, разработанных специально для обучения и преподавания, путем объединения возможностей AIED [досл. «искусственный интеллект в образовании» — прим. А. Д.] с достижениями в области робототехники и все более широким использованием сенсорных устройств для наблюдения за нашим окружением и действиями» [19].

Мифологема 5. «Историческая». Мифологема широко известна благодаря трудам Р. Барта, Ю. М. Лотмана и других семиологов. Она формируется благодаря определенному «злоупотреблению» кодом истории: чтобы по(до)казать некую «подлинную» значимость и существенно изменить удельный вес вещи / события / процесса, дискурс прибегает к конструированию ее / его исторического основания. В самом общем виде, «конструирование» часто выражается незначительным числом пропозиций, «связывающих» предмет с его «корнями», вписывающих в контекст «монументальной» (Ницше)

традиции. Монументализм достигается с помощью нескольких известных технологий: связки предмета с известными событиями, («Y ведет начало от X»), фигурами («сам X повлиял на возникновение Y») и указания на давность лет. Характерная цитата: «Искусственный интеллект существует уже более шести десятилетий и пережил зимы и весны. Рост суперкомпьютерной мощности и технологий больших данных, по-видимому, расширил возможности ИИ в последние годы. Новое поколение ИИ быстро расширяется и снова стало привлекательной темой для исследований» [15]. Примечательно, что критический заряд (оппозиция) использует код истории для прямо противоположной цели, при этом указание на давность лет безапелляционно считается достаточным основанием как для апологетических, так и для критических суждений: «Несмотря на то, что он [ИИ — прим. А. Д.] существует уже около 30 лет, преподавателям до сих пор неясно, как извлечь из него педагогическую пользу в широком масштабе, и как он может существенно повлиять на преподавание и обучение в высших учебных заведениях» [20].

Выводы

Дискурс западных общественных наук концентрируется вокруг трех ключевых общих трендов — технологического, социального и антропологического. Первый тренд конституируется данными технических наук, существующими инженерными разработками и проектами, имеющими четко выраженную социальную направленность (медицинская диагностика, регулирование транспортных потоков и т. д.). Второй, в свою очередь, определяется спектром областей применения технологий (медицина, транспорт, юриспруденция и судопроизводство, образование, журналистика). В первом приближении возможно говорить о диффузии двух трендов, или взаимной подпитке одного дискурса другим. Социальный тренд обеспечивает технологическому тренду необходимую в общественных науках рефлексивность и четкую социальную ориентацию. Технологический при этом служит конструированию строго научного дискурса, основанного не на абстрактных, а на конкретных / точных пропозициях.

Результаты аналитики данных свидетельствуют о низком удельном весе антропологического тренда в сравнении с двумя другими. Характерно, что при таком положении вещей вторая мифологема (условно

названа «"умная технология" / олицетворение / антропоморфизация»), напротив, имеет значительную степень распространения. Локомотивная тенденция, имплицитно содержащая мифологему, названа в данном исследовании «смартизацией». В первую очередь, на дискурсивном уровне «смартизация» охватила определенный спектр территорий и мест, то есть, по существу, феномены топологического порядка (не следует при этом забывать, что данный спектр расширяется).

Во втором десятилетии XX в., по данным аналитики Scopus, в научном тезаурусе возникла экстраполяция технологической «смартизации» на антропологические практики. Собственно, сама по себе такая экстраполяция не является чем-то принципиально уникальным. Рекламные слоганы спорадически транслируют нововведения типа «умной рыбалки» (продажа эхолотов), «умной охоты» (цифровые лазерные дальнометры), «умной стирки» (автономные прачечные) и т. д. «Смартизация» маркирует на дискурсивном уровне и деятельность, что в принципе имеет солидный технологический бэкграунд и связана со сложными вычислениями, спектром специальных методов и с интерпретативными практиками. В частности, речь идет о медицинской диагностике. Если верно, что мифологемы имеют суггестивный заряд, то возможные последствия «смартизации» могут оказаться далеко не однозначными. В первом приближении возникает аналогия с известным пассажем Фейербаха о корреляции «значительности» Бога и «ничтожестве» человека [2]. Научная легитимация этой корреляции помещает ее в сферу «объективного» положения вещей, с которым по мере перехода дискурсивных практик в статус традиции будет все сложнее дискутировать.

В качестве ближайшей задачи планируется аналитика данных научной базы РИНЦ, детерминированная аналогичной исследовательской целью. Разумеется, в результате контент-анализа российского научного индекса предполагается сопоставление материалов и выводов.

1. Аршинов, В. И. Социальное измерение NBIC-междисциплинарности / В. И. Аршинов // Философские науки. — 2010. — № 6. — С. 22—35.

2. Фейербах, Л. Сущность христианства / Л. Фейербах // Сочинения : в 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1995. — 425 с.

3. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — М.: Эксмо, 2018. — 288 с.

4. Allam, Z. On big data, artificial intelligence and smart cities / Z. Allam // *Cities*. — 2019. — Vol. 89. — Pp. 80-91.

5. Brayford, K. Myth and technology: Finding philosophy's role in technological change / K. Brayford // *Human Affairs*. — 2020. — Vol. 30, iss. 4. — Pp. 526-534.

6. Duan, Y. Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data — evolution, challenges and research agenda / Y. Duan // *International Journal of Information Management*. — 2019. — Vol. 48. — Pp. 63—71.

7. Farooq, A. Artificial intelligence based smart diagnosis of alzheimer's disease and mild cognitive impairment / A. Farooq // 2017 International Smart Cities Conference (ISC2), 14—17 Sept. 2017.

8. Fjelland, R. Why general artificial intelligence will not be realized / R. Fjelland // *Humanities and Social Sciences Communications*. — 2020. — Vol. 7. — Iss. 1.

9. Goralski, M. Artificial intelligence and sustainable development / M. Goralski // *International Journal of Management Education*. — 2020. — Vol. 18. — Iss. 1.

10. London, A. J. Artificial Intelligence and Black-Box Medical Decisions: Accuracy versus Explainability / A. J. London // *Hastings Center Republic*. — 2019. — Vol. 49. — Iss. 1. — Pp. 15—21.

11. Makridakis, S. The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms / S. Makridakis // *Futures*. — 2017. — V. 90. — Pp. 46-60.

12. Miller, T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences / T. Miller // *Artificial Intelligence*. — 2019. — Vol. 267. — Pp. 1-38.

13. Mosco, V. *The Digital Sublime: Myth, Power, and Cyberspace* / V. Mosco. — Cambridge, MA : MIT Press, 2004. — 230 p.

14. Natale, S. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence / S. Natale // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. — 2020. — Vol. 26. — Iss. 1. — Pp. 3—18.

15. Reis, J. Artificial Intelligence Research and Its Contributions to the European Union's Political Governance: Comparative Study between Member / J. Reis // *Social Science*. — 2020. — Vol. 9. — Iss. 11. — Pp. 1—17.

16. Ryan, M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability / M. Ryan // *Science and Engineering Ethics*. — 2020. — Vol. 26. — Pp. 2749—2767.

17. Shneiderman, B. Human-Centered Artificial Intelligence: Reliable, Safe & Trustworthy / B. Shneiderman // *International Journal of Human—Computer Interaction*. — 2020. — Vol. 36. — Iss. 6.

18. Singh, S. Convergence of blockchain and artificial intelligence in IoT network for the sustainable smart city / S. Singh // *Sustainable cities and society*. — 2020. — Vol. 63. — P. 102364.

19. Timms, M. Letting Artificial Intelligence in Education Out of the Box: Educational Cobots and Smart Classrooms / M. Timms // *International Journal of Artificial Intelligence in Education*. — 2016. — Vol. 26. — Pp. 701—712.

20. Zawacki-Richter, O. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? / O. Zawacki-Richter // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. — 2019. — Vol. 16. — Iss. 39.

References

1. Arshinov V. I. (2010) Social'noe izmerenie NBIC-mezhdisciplinarnosti [The Social Dimension of the NBIC Interdisciplinarity]. *Filosofskie nauki*, no. 6, pp. 22-35 [in Rus].

2. Fejrbah L. (1995) *Sushchnost' hristianstva* [The Essence of Christianity]. Moscow, Nauka, 425 p. [in Rus].

3. Shvab K. (2018) *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo, 288 p. [in Rus].

4. Allam Z. (2019) On big data, artificial intelligence and smart cities. *Cities*, no. 89, pp. 80-91 DOI: 10.1016/j.cities.2019.01.032. [in Eng].

5. Brayford K. (2020) Myth and technology: Finding philosophy's role in technological change. *Human Affairs*, no 30(4), pp. 526-534. DOI: 10.1515/humaff-2020-0045. [in Eng].

6. Duan Y. (2019) Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data — evolution, challenges and research agenda. *International Journal of Information Management*, no. 48, pp. 63-71. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.021 [in Eng].

7. Farooq A. (2017) Artificial intelligence based smart diagnosis of alzheimer's disease and mild cognitive impairment. *2017 International Smart Cities Conference (ISC2)*. DOI: 10.1109/ISC2.2017.8090871 [in Eng].

8. Fjelland R. (2020) Why general artificial intelligence will not be realized. *Humanities and Social Sciences Communications*, no. 7(1). DOI: 10.1057/s41599-020-0494-4 [in Eng].

9. Goralski M.A. (2020) Artificial intelligence and sustainable development. *International*

Journal of Management Education, no. 18(1). DOI: 10.1016/j.ijme.2019.100330 [in Eng].

10. London A. J. (2019) Artificial Intelligence and Black-Box Medical Decisions: Accuracy versus Explainability. *Hastings Center Republic*, no. 49(1), pp. 15-21. DOI: 10.1002/hast.973 [in Eng].

11. Makridakis S. (2017) The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms. *Futures*, no. 90, pp. 46-60. DOI: 10.1016/j.futures.2017.03.006 [in Eng].

12. Miller T. (2019) Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences. *Artificial Intelligence*, no. 267, pp. 1-38 DOI: 10.1016/j.artint.2018.07.007 [in Eng].

13. Mosco V. (2004) *The Digital Sublime: Myth, Power, and Cyberspace*. Cambridge, MA: MIT Press, 230 p. [in Eng].

14. Natale S. (2020) Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of artificial intelligence. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, no. 26 (1), pp. 3-18. DOI: 10.1177/1354856517715164 [in Eng].

15. Reis J. (2020) Artificial Intelligence Research and Its Contributions to the European Union's Political Governance: Comparative Study between Member. *Social Science*, no. 9(11), pp. 1-17. DOI: 10.3390/socsci9110207 [in Eng].

16. Ryan M. (2020) In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability. *Science and Engineering Ethics*, no. 26, pp. 2749—2767. DOI: 10.1007/s11948-020-00228-y [in Eng].

17. Shneiderman B. (2020) Human-Centered Artificial Intelligence: Reliable, Safe & Trustworthy. *International Journal of Human—Computer Interaction*, no. 36(6). DOI: 10.1080/10447318.2020.1741118 [in Eng].

18. Singh S. (2020) Convergence of blockchain and artificial intelligence in IoT network for the sustainable smart city. *Sustainable cities and society*, no. 63, p. 102364. DOI: 10.1016/j.scs.2020.102364 [in Eng].

19. Timms M. (2016) Letting Artificial Intelligence in Education Out of the Box: Educational Cobots and Smart Classrooms. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, no. 26, pp. 701—712 DOI: 10.1007/s40593-016-0095-y [in Eng].

20. Zawacki-Richter O. (2019) Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, no 16 (39). DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 12.01.2023

For citing: Dydrov A.A. Artificial intelligence: mythologies of Western scientific content / A.A. Dydrov // *Socium i vlast' [Society and Power]*. — 2023. — № 1 (95). — P. 16—25. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-16-25. — EDN QYBFQP

UDC 316.4

EDN QYBFQP

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-16-25

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: MYTHOLOGIES OF WESTERN SCIENTIFIC CONTENT

Artur A. Dydrov,

South Ural State University,
Chelyabinsk State University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-3288-8724
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Abstract

Introduction. Artificial intelligence is a trend of NBIC-convergence and information technologies in particular. Since the 70s of the 20th century it has been a subject of intense debate in the scientific community. A direct indicator of the importance of the topic is the publication dynamics and the annual increase in the number of indexed articles. According to the statistics, Western social sciences are in the top five industry leaders.

The purpose of the study is to analyze the Scopus database and identify the key mythologemes of the scientific discourse of social sciences (in the field of artificial intelligence). The latter go beyond the boundaries of research norms and standards and express non-reflective research intentions.

Methods. The reference base of scientific articles includes works published during the decade (2010—2020). Methods for detecting verbal markers and content analysis were used. At the same time, the emphasis was mainly placed not on quantitative, but on qualitative analytics as well. The basis for the choice of markers was the frequency of their use in abstracts (abstracts), headings (titles) and keywords. The selection of verbal markers was made in accordance with two conditionally designated categories: «trends», or frequency

engineering, technical and social and humanitarian terms, expressing the direction of research practices and «mythologemes», or elements of a secondary semiotic system.

Scientific novelty of the study. Scientific novelty is due to the specification of the research subject. In the West, the direction of the so-called «Technological mythology», which focuses mainly on the discourses of art and ideological documents is being developed. The analytics of scientific content makes it possible to remove the existing research limitations of the subject and identify prospects for further study of modern mythology. Content analysis made it possible to identify some extremely general formulations of technological mythologemes, which can be refined and concretized.

Results. Following the results of the study, a description of three metatrends was made — technological, social and anthropological. All key directions within the boundaries of each trend are listed. At the same time, it is argued that the anthropotrend has a relatively smaller share in the discourse of Western social sciences. As a debatable aspect of the study, five scientific mythologemes were identified and conditionally designated. Interpretations and characteristic examples of the functioning of each are offered.

Conclusion. The technological trend is constituted by the data of technical sciences and engineering developments with a social orientation. Sociotrend is determined by the spectrum of technology application areas. The conclusion is made about the diffusion of two trends and the discourses serving these trends. Discursively, the technotrend serves to construct a strictly scientific discourse based not on abstract, but on specific and precise propositions. Particular attention is paid to the discursive mainstream of «smartization», which is characteristic of the scientific content of the second decade of the 21st century. Emphasis is placed on the anthropological risks of extrapolating «smartization» to specialized practices.

Keywords:

technological mythology,
artificial intelligence,
trend,
mythologeme,
NBIC convergence

Для цитирования: Давыдов, И. А.
Деантропологические аспекты
неаутентичной виртуальности / И. А. Давыдов //
Социум и власть. — 2023. —
№ 1 (95). — С. 26—38. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38. —
EDN VCLVTB.

УДК 128

EDN VCLVTB

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38

ДЕАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕАУТЕНТИЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Давыдов Игорь Александрович,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры философской антропологии
философского факультета.
Москва, Россия.
E-mail: galindas@yandex.ru

Аннотация

Введение. Влияние виртуальной реальности на процессы деантропологизации становится очевидным фактом развития числовых соотношений, детерминирующих философские концепты в направлении постгуманистического дискурса. В данном типе дискурса человек низведён до числовой операции, промежуточного процессуального звена в сетевой структуре числового соотношения с другими объектами цифровой сети.

Цель. Цель данной статьи состоит в выявлении соотношения виртуальности и воображения, различения между человеком виртуальным и живо воображающим.

Методы. В статье применены методы деконструкции, представляющей выделение новых

философских значений устоявшихся пониманий виртуальности и связанных с ней антропологических типов, и феноменологический метод исследования вопросов виртуальности и антропологической реальности, формирующий новые перспективы исследования феномена виртуальности через обращение к конститутивной роли сознания.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования представлена открытием нового антропологического различия между homo imaginabundus и homo virtualis, предполагающего онтологические отличия данных типов в их обращении к субъективной и объективной конституирующей роли сознания.

Результаты. Если антропологический тип homo imaginabundus является живо воображающим и связан с феноменами аутентичной виртуальности и субъективности, то homo virtualis — относится к неаутентичной виртуальности лишь как один из возможных её вариантов без связи с самоаффектирующим составляющим как таковым.

Выводы. Антропологическая реальность находится в состоянии бифуркации, из которой она может выйти несколькими путями, наиболее вероятными из которых будут пути деантропологизации в алгоритмических потоках и кодах цифровой среды, либо путь сохранения феноменов самовоздействия, живого воображения, связанных с субъективностью и полем аутентичной виртуальности.

Ключевые слова:

homo imaginabundus,
homo virtualis,
деантропологизация,
аутентичная виртуальность,
цифровая постонтология

Введение

Автором исследуется дихотомия человека воображающего (*homo imaginabundus*) и человека виртуального (*homo virtualis*). Если первый антропологический тип определяется аутентичным модусом виртуальности и является «живо воображающим» (перевод лат. *imaginabundus*), то второй пребывает человеком «возможным» (перевод лат. *virtualis*), и эта возможность, в силу отсутствия предиката «живо», в большей мере соотносится с неаутентичным модусом виртуальности, редуцированным к дигитальному соотношению 0/1. Автор анализирует проблему различия между указанными антропологическими типами. Причины актуальности исследования данной дихотомии автор видит в продолжающейся в современном философском дискурсе о человеке антропологической катастрофе, понимание которой сформулировано Бодрийяром в отказе человеком от принадлежности к субъективности. По мнению автора, антропологическая катастрофа представляет собой замену аутентичного модуса виртуальности на объективированный числовой порядок реальности, исключающий попытки говорить о субъективности как об основании антропологической реальности.

Рассматривается новый концепт дигитальной постонтологии, сводящий человека к алгоритмизируемому конструкту. Термин «дигитальная постонтология» указывает на преодоление онтики и логоса, сущего и смысла, взамен предоставляя виртуальную реальность числа, которая заменяет онтику на цифровой код, а логос на поток информации.

Антропология Ф. И. Гиренка рассматривается как концепт, постулирующий несводимость человека к интеллекту и исчисляющему мышлению, что также характерно и для оптики Ж. Бодрийяра, продолжающему философскую линию описания антропологической реальности как негации, отсутствия, конфликта противоположностей. Ж. Бодрийяр внёс свой вклад в постмодернистский дискурс признав технологическую революцию антропологической, после которой философия столкнулась с феноменом антропологической катастрофы, исчезновением человека, которого не было.

Эскапизм человека в сетевые электронные структуры подразумевает потерю не только онтологического, но и онтического планов бытия. На месте данных бытийных лакун образуется феномен дигитальной постонтологии, которая структурирует

мышление человека исчисляющим образом, преодолевая антропологические отсылки к чувственно-сверхчувственной реальности посредством её замены на алгоритмический код. Актуальность исследуемой темы фундирована в своевременном антропологическом ответе дигитальным вызовам доминирующего философского дискурса о путях развития человека в мире числовых соотношений.

1. Дигитальная постонтология и антропология воображения

Дескрипция антропологической реальности в мире числовых соотношений предполагает выделение ряда фундаментальных понятий, рассмотрение которых приближает исследователя к пониманию генезиса трансформации данной реальности в постантропологический дигитальный конструкт. Именно проблема дефиниции рассматриваемых феноменов является главной задачей первой главы.

Чем является антропологическая реальность сама по себе? Она является невозможной в любых эссенциалистских дискурсах, подразумевающих отсылку к тому, что есть, что в наличии. Антропологическая реальность не налична, она нарушает законы наличного мира, отсылает к тому реальному, которое нереально в объективированной структуре материалистических концептов. Если исходить из данной дефиниции, то можно выделить одну из основных черт антропологической реальности: её конституирующую способность к воображению.

Воображение дано человеку как явление потустороннего, трансцендентного начала, которое реализует свои потенции в поле антропологических смыслов, возникающих из способности человека к самовоздействию, то есть такому состоянию духовной жизни, в котором аффектирующее начало берёт верх над стимулами внешней среды. Внутренний мир, соединяющий в себе эмоциональность и сверхчувственные образы, создаёт то поле энергийно-смыслового континуума, которым, по моему мнению, является антропологическая реальность, представленная способностью человека к воображению.

Противоположным к воображению (аутентичной виртуальности) является феномен дигитальной виртуальности, концептуальной основой которого предстаёт постонтология.

Постонтология — это дискурс дигитальности без логоса и онтики. Отсутствие логоса обусловлено отказом от антропологической

субъективности, что ставит знак равенства между ней и идеями постгуманизма. В свою очередь, элиминация онтического, сущего из дискурса постонтологии приводит её к термину «виртуальность», понятому исключительно в дигитальных коннотациях.

Феномен дигитальности формируется интеллектом, исчисляющим типом мышления, который относится к реальности с позиции булевой логики, наличия или отсутствия объектов, включённых в соотношение 0/1. Что говорит нам о реальности данное соотношение? То, что высказал Парменид в философской поэме «О природе»: «Бытие есть, а небытия нет» [14, с. 296]. Анализируя данный тезис с точки зрения самой структуры древнегреческого языка, который относится к кентумному индоевропейскому ареалу с достаточно развитой системой артиклей определённости/неопределённости, проснятся сама логика этого тезиса. То, что мы знаем, есть — определено, но то, что мы не можем помыслить в рациональных категориях, отсутствует — не определено. Корень «предел» подразумевает конечность, наличие. Таким образом, отсылая нас к тому есть, Парменид элиминирует беспредельное, потому что его невозможно помыслить. В этом движении к разделённому, дискретному восприятию реальности таятся основания дигитального дискурса, доминирующего в постгуманистических концептах новых онтологов.

Так как дигитальная виртуальность фундирована в логике 0/1, то она имеет предельную, ограниченную структуру, в рамках которой возможно её функционирование. То есть дигитальная виртуальность определённым образом задана: она алгоритмически воспроизводит те опции, которые удерживают её в границах заранее определённого алгоритма. Но, в таком случае, возникает вопрос, является ли дигитальная виртуальность виртуальностью в прямом значении этого латинского термина? Является ли дигитальная виртуальность воображением?

Воображение (аутентичная виртуальность) человека связано с историчностью и понятием временности, по М. Хайдеггеру. В работе «Понятие времени» М. Хайдеггер разбирает философские воззрения графа П. Й. фон Виртенбурга, которые проводят дистинкцию между окулярным (видимым, сущим) и историчным, и последнее связывается с понятием виртуальности: «Ясное прозрение в основную черту истории как «виртуальности» Йорк получает от познания бытийственного характера самой человече-

ской жизни, то есть именно не научно-теоретически — в соотношении с объектом историографического рассмотрения» [19, с. 20].

Если идти путём интерпретации П. Й. фон Йорка и М. Хайдеггера, определяя виртуальность из её связи с историчностью, временностью, бытием, которое не есть, но имеется, то, так или иначе, мы увидим онтологический разрыв между современным общеупотребительным понятием виртуальности «дигитального извода» и виртуальностью хайдеггерианской трактовки.

В данном исследовании, термин «виртуальность» будет использоваться в качестве противоположного по отношению к антропологической реальности воображения. Виртуальность выступает здесь без какого-либо антропологического содержания, представляя собой созданный алгоритмом числовой код. В потоках алгоритма есть неаутентичная виртуальность, но в ней отсутствует человек.

Альтернативным прочтением понятия виртуальности служит антропология воображения — это тот аутентичный модус виртуальности, в основании которого лежит воображение без числа, но с человеком в образе, в единстве человека и образа. Целостное *человековоображение*, где человек и образ сходятся в одной точке, стирающей границы между человеком и его воображением, находится, на мой взгляд, в антропологической реальности, виртуальный же человек структурируется в пространстве алгоритма, иными словами, человек воображающий — *homo imaginabundus* (лат. воображающий, живо представляющий себе) — живёт во временности, потому что любой процесс воображения предполагает движение мысли, её переход во времени, а человек виртуальный — *homo virtualis* (лат. возможный) — является виртуально-пространственным феноменом, он находится в структуре алгоритмизируемого кода, фиксирован в пространстве постонтологических конструкций.

Воображение — это не соображение, потому что воображать означает быть в единстве с образом, а не рядом, в пространстве дискретности, возникающем в дистинкции и процедуре различения, описанной в работе Спенсера-Брауна «Законы формы» [24, р. 200]. Соображение непосредственно связано с интеллектом, в то время как воображение связано с сознанием, сознание же и интеллект отличаются друг от друга тем, что сознание находится в реалиях времени, интеллект же фундирован в онтическом и

постонтическом планах. Кроме того, сознание, как скажет профессор Ф. И. Гиренок, «всегда связано с эмоциями и воображением» [6, с. 146].

Пространство — это иллюзия ума, а время — это аутентичная антропологическая реальность, в которой фундируются воображение и весь жизненный строй человека. Одним из первых это положение применительно к трансцендентальному субъекту концептуализировал И. Кант в своём фундаментальном труде «Критика чистого разума»: «Рассудочное понятие содержит в себе чистое синтетическое единство многообразного вобщем. Время как формальное условие многообразного [содержания] внутреннего чувства, стало быть, связывания всех представлений, а *priori* содержит многообразное в чистом созерцании. При этом трансцендентальное временное определение однородно с *категорией* (которая составляет единство этого определения), поскольку оно имеет *общий* характер и опирается на априорное правило. С другой же стороны, трансцендентальное временное определение однородно с *явлением*, поскольку время содержится во всяком эмпирическом представлении о многообразном. Поэтому применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве трансцендентального временного определения, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение явлений под категории» [11, с. 182]. По И. Канту, схематизмы времени упорядочивают реальность трансцендентального субъекта, они создают целостные образы, синтезируя априорные формы с явлениями. Удивительно точно данный феномен упорядочивания передаёт русское слово образ, несущее в своём корне этимологию слов ряд, порядок. Образ, в этом случае, выступает неким основанием сознания, которое из хаоса создаёт порядок. Важно отметить, что образность (лат. *simbolus*), по своему воздействию на человека, и выполняет задачу сознания, объединяя аффекацию с целями и ценностями.

Продолжая мысль Канта о конституирующем для антропологической реальности характере времени, автору представляется важным сопоставление отношения к реальности со стороны *homo imaginabundus* и *homo virtualis*. Если первый, фактически пребывая во времени, творит реальность через живое, эмоционально окрашенное воображение, а инструментом данного творения выступает феномен временности, синтезирующий априорные формы категорий с явлениями эмпирического поля, то второй

тип антропоса движется в направлении отрицания собственной способности к синтезу, к воображению через пути дигитальных кодов и развития интеллекта, рассогласованного с другими способностями человека, с его чувственно-сверхчувственным миром. Человек, ориентируясь на исчисляющее мышление, в некотором роде формирует депривацию своего воображения, испытывая духовный голод по отношению к духовным, необъективируемым реалиям антропологии воображения.

Выходом из данного деградированного положения сознания, на мой взгляд, служит переоткрытие форм мышления, не связанных с интеллектом, но предлагающих новый взгляд на духовность человека, на то, что уже практически элиминировано из пост-антропологических дискурсов. Прогресс в сфере интеллекта лишь отдалил человека от его исключительной способности к воображению, а это означает, что необходим ренессанс подходов и взглядов, способных вернуть состояние целостности и субъективности в антропологические концепты будущего.

2. Антропология Ф. И. Гиренка и дигитальный Другой

В статье «Вещь не в себе» профессор Ф. И. Гиренок выводит ряд положений, которые переворачивают мейнстримные представления о виртуальности и показывают ту самую «изнанку мира», видение которой и определяет, по Гегелю, наличие философского мышления.

Человек, по Гиренку, является куклой, которую страсти тянут за нити, поэтому человек стал человеком, играя с самим собой. Но как стал возможен сам феномен игры с самим собой? Через раздвоение человека на душу и тело, через выпадение его из логики природы. Это выпадение стало основанием становления антропологической реальности, по Ф. И. Гиренку. Событие, произошедшее с человеком в момент его выпадения из потоков и кодов природы, Ф. И. Гиренок называет взрывом галлюцинаций, появлением другого. «Человек существует всегда как два человека, как результат обмена между ними своими идеями. И оба они не всегда в нас. Один из них может убежать от нас. И тогда он становится нашим двойником, нашим другим. А мы становимся одноголовыми или, что то же самое, одномерными» [5].

Человек целостен пока он может удерживать в себе свою галлюцинацию, пока она при нём, пока он и его мир находятся

в единстве. Как только другой оказывается не в себе, происходят фундаментальные изменения в антропологической реальности, она уплощается без самовоздействия. Происходит замена самовоздействия на воздействие извне, то есть человек обменивает свою самость на игры с другим, с социумом, с культурой. Отсюда и происходит разделение культа и культуры, при котором культ, по Ф. И. Гиренку, открывает мистериальное поле самоаффектации, а культура избавляет человека от него, предоставляя взамен алгоритм и одномерное существование.

Человек имеет в себе что-то, что не поддается природным алгоритмам и законам. Конечно, эта идея коррелирует с разделением Дильтеем наук на науки о природе и духе, но, в то же время, мысль о раздвоенности человека в контексте рассматриваемой статьи несёт в себе выводы, которые описывают современную ситуацию преодоления человека через дигитальные инструменты управления мышлением.

Одним из обозначенных инструментов является игра PokémonGo, вышедшая в широкое пользование в 2016 году. Ф. И. Гиренок подчёркивает, что сам процесс ловли покемонов, перенесённый с пространства экрана на пространство городов, создаёт такой вид симуляции, который ведёт к избавлению от трансцендентальных видимостей, то есть от воображения. В такой ситуации закрепляется определённая модель мышления, обладание которой, в свою очередь, лишает обладания своей самостью. Идя вслед за покемоном, человек удаляется от своей субъективности, внося радикальные коррективы в соотношение тела/души, сужая или даже элиминируя последнюю.

Почему покемоны побеждают самоаффектацию? Потому что самоаффектация приносит страдание, чем её в человеке больше, тем больше страдания, так как самоаффектация и есть сознание, то есть страдание. Сознание дарует человеку чувство времени, и отнимает чувство спокойствия, согласованности и позитивности по отношению к самому себе и внешнему воздействию. Сознание вырывает человека из пут повседневности, а покемоны уводят его в *das Map*, применяя термин М. Хайдеггера.

Внешним воздействиям алгоритма нужны покемоны, внутреннему самовоздействию нужно сознание. Там, где есть покемон, нет сознания, где есть сознание, нет внешнего и покемонов, в том числе.

Таким образом, концепт виртуальности у Ф. И. Гиренка несёт в себе её чёткую дефиницию: виртуальная реальность представ-

ляет собой алгоритм и симулякр, направленные на редукцию антропологического поля к выравниванию и сглаживанию аффективных «шероховатостей» в человеке посредством преодоления раздвоенности в нём самом, создания одномерного постгуманистического конструктора, который движется по направлению торжества интеллекта в ущерб аффекту, выводящего его из одностороннего рационального отношения к себе.

Вернуть себя себе, по Ф. И. Гиренку, означает стать причиной собственной реальности, не бояться ошибок, ибо чувства, в отличие от интеллекта, не ошибаются.

Развивая эти положения, профессор Ф. И. Гиренок создаёт концепт *галлюциноза*, выделяющий параллельную линию по отношению к биоценозу. Данная линия предлагает рассмотреть антропологическую реальность как сферу не связанную с развитием тел для эволюции, а связанную с телами для грёз.

Числовая объективация фундируется в объектах, на поверку оказывающихся иллюзорными. Например, общество. Оно пропитано дигитальными процессами множественных различий и переходов, имеющих в своей основе симулякр. «Реального как системы координат больше нет, — пишет Бодрийяр, — оно живет жизнью модели. Но тем самым гиперреальность устраняет и социальное» [1, с. 93—94]. Симулякр позволяет числу формировать реальность без субъекта, так как объективная плоскость выхолощивает качественные различия.

В работе «Свобода и судьба» Ф. И. Гиренок пишет: «Судьба как новый числовой порядок отделяет человек от сознания. Что значит отделить человека от сознания? Это значит поместить его в общество, которое состоит из набора алгоритмов. Лишить внутреннего... Человек либо послушен алгоритму, и тогда следует награда, либо он не исполняет судьбу, и тогда следует наказание» [7, с. 10—11]. Анализируя феномен социального кредита в Китае, Ф. И. Гиренок приходит к выводу, что пандемия 2020 г. фактически устранила прежние формы общественно-экономического устройства, заменив спекуляцию Запада на числовой порядок Китая.

Что собой представляет новый числовой порядок, по мнению профессора Ф. И. Гиренка? «Внешняя жизнь — для роботов, внутренняя жизнь — для человека» [7, с. 18]. Человек, наконец-то, может реализоваться как асоциальное существо, наполнить свою жизнь внутренними смыслами, избавившись от давления социума. Роботы —

это фактор эмансипации субъективности, но лишь в том случае, если роботы существуют как фактор, а не как объект, равный другому объекту (человеку в объектно-ориентированном онтологическом дискурсе).

А. П. Кулешов полагает, что «искусственный интеллект создаёт ситуацию, когда мир сегодня в состоянии прокормить всё человечество, но он не в состоянии его занять... Ощущение того, что тебе постоянно присылают фастфуд и дают кроссовки раз в полгода, но при этом ты ни для чего не нужен, на самом деле ужасное» [13]. Конечно, выпадение многих людей из привычного течения додигитальной реальности вызовет рост депрессий и экзистенциальных кризисов, но, возможно, указанное высвобождение времени человека в европейской социальной системе показывает пустоты сознания, которые в эпохи модерна и постмодерна прикрывались поверхностью смысла [8].

В случае с альтернативным сценарием развития отношений человека с цифровой реальностью, возможна актуализация субъективности через предоставление человеку экзистенциальных проектов, практик себя, по М. Фуко [22]. Для реализации этого освободительного сценария необходима актуализация субъективности, но сейчас происходит её кризис после становления нового онтологического сетевого проекта в философии. «Мир без субъективности — это пустой мир тел и сил, в котором некому возвращаться к себе... Мир тел очаровывает вечным повторением одного и того же космического порядка. Вернуться в него — значит потерять время. Физический мир — это мир, потерявший время» [22, с. 42].

Мир без времени противоположен субъективности без субъекта. «Если субъект без субъективности ведёт нас от человека к алгоритму, то субъективность без субъекта нуждается в «системе социального контроля». Субъективность пережила смерть знающего себя субъекта, потому что субъективность — условие субъекта, а не его содержание» [22, с. 42]. Сингулярная философия изучает не субъекта, не человека, а субъективность и сингулярное событие — точку, где мир не может отличить себя от галлюцинации. Невозможно привести это изучение к числовому выражению, так как субъективные аффективные токи невыразимы a priori. Они возвращают к ситуации неразличности, в которой пребывает сознание тождества — вид сознания, не представленный в интеллекте, в том числе, в искусственном интеллекте.

Р. Генон, французский философ-традиционалист, предугадывая положения кван-

товой теории о влиянии наблюдателя на Вселенную, писал: «...истина состоит в том, что материалистическая концепция... может только лишь содействовать этому «отвердению» мира, <...> так как общие реакции самой космической среды действительно менялись согласно установке, принятой человеком по отношению к ней» [3, с. 121]. Из этой мысли следует важный вывод: человек находится в едином поле сознания, но есть разные энергоуровни сознания. Большая пассионарность присуща центру — точки взрыва галлюцинаций, меньшая — периферии. На периферийных уровнях ощущается «отверждение» сознания. На самом деле, это не «отверждение» и не материализм, а лишь недостаточность энергии и смыслов, рекурсивно создаваемых друг другом. Для сознания, движимого от своего пика в точке взрыва и до периферии, нет разрывов и дискретных тел. Оно едино, а все процессы носят нелокальный характер. Попытка описать числом то, что не является дискретным телом, приводит к ситуации пата, потому что нельзя измерить субъективное, лежащее в основе сознания. Все попытки объективировать это субъективное, вынести его наружу, чтобы подвергнуть процедуре расчёта, исходят из неверного тезиса о материи как первичной основе всего мироздания. Субъективное лишь условно трактуют как внутреннее, на самом деле, субъективного в мире нет, но оно дано человеку. Изъятие субъективного означает для человека потерю смыслов, а вместе с ними и потерю энергии. Человек становится объектом после этого изъятия, или Латоном, в терминологии М. Хайдеггера. Связь с бытием, с ничто обрывается, энергия расплывается оскудением мышления, мысли становятся бесстрастными, объективными, прозрачными.

Примером объективации человека является теория медийного расширения человека М. Маклюэна. В её основе лежит тезис о том, что «тип общества в значительной мере определяется доминирующим в этом обществе типом коммуникации, а человеческое восприятие — скоростью передачи транслируемой информации» [15, с. 13]. Коммуникация определяет тип общества, по М. Маклюэну. Но как эта внешняя структура медиа может определить смыслы, которые лежат в архетипических основаниях коллективного бессознательного всех человеческих обществ, по К. Юнгу [21], или в коллективной галлюцинации, по Ф. И. Гиренку? Ответ кроется в фундаментальном положении новых материалистов и онтологов: есть лишь тела и силы [9], мир — это

материальная плоскость, а в случае с XXI в., дигитальная плоскость.

М. Хайдеггер обозначает *Machenschaft* (нем. махинация) как стремление к эффективности, скорости и производительности в рамках плоскости. *Machenschaft* — форма крайнего нигилизма, суть которого находится в тотальном опредмечивании и распоряжении всем сущим. В «Чёрных тетрадах» М. Хайдеггер пишет: «Махинация повсюду овладела уже всеми возможностями сущего и закрепила их своими трактовками, так что человек, несмотря на все тяготы и потрясения, уже больше не в состоянии пробиться в важные области нужды, возникшей из Бытия» [20, с. 136]. Махинация, капитализм и нигилизм — три всадника дигитального Апокалипсиса. Необходимо отметить, что дигитальное преодолевает их в новом числовом порядке, который сменяет привычные рыночные отношения посткапиталистическими социальными кредитами, оценивающими не только результаты умственной или физической деятельности, но и мысли. Дигитальное атакует мыслительный процесс, так как его контролю неподвластна остаётся сфера субъективного в человеке. Прозрачность Паноптикума требует от человека отказа от второго плана мышления, от субъективности. Это значит, что, используя *Machenschaft*, он утверждает рационализм как первую ступень перехода к цифровой реальности.

Плоское делание снимает с онтической повестки мышление и в качестве замены ему предлагает сфокусироваться на бессмысленном расчёте как основании человеческой экзистенции. Кризис капитализма — это кризис числового порядка, который шёл по пути тотальной рационализации жизни, но пришёл к экзистенциальному пату. Чтобы выбраться из этой ситуации, не подвергнув деструкции саму числовую парадигму развития человеческой цивилизации, дигитальная онтология предлагает дойти до логического конца этого движения — аннигилировать антропологическое в бессмысленной прозрачности Паноптикума И. Бентама [18].

3. Ж. Бодрийяр и антропологическая катастрофа

Ж. Бодрийяр — один из немногих западных философов, ставивших проблему субъективности в её соотношении с господством исчисляющего мышления в дискурсах и практиках потребительского, «информационно-го», но бессмысленного общества.

Ж. Бодрийяр определил постмодернистский дискурс терминами симулякра и гиперреальности. Симулякр — это означающее, не отсылающее более к означаемому, а гиперреальность — это царство симулякров, то есть такой виртуальный модус реальности, который формирует человека в матрице диктата означающих, за которыми ничего не стоит. Можно выразить этот феномен дихотомией информация/смысл, в которой информация соответствует коммуникативному действию в рамках внешней среды, а смысл находит себя в поле человеческой субъективности, он монологичен и неповторим. Смыслу не нужен язык как средство коммуникации, он живёт в дословном, которое оперирует не знаками, а символическим. То есть смысл выражает себя через символ, образ, а коммуникация через знак и язык. Если антропологическая реальность трансформируется в матрицу знака без означаемого (то есть без ментального понятия, иными словами, без чувства реальности), то она превращается в бесчувственный алгоритм. Тут и наступает эффект гиперреальности. Гиперреальность — это реальность без чувства реальности, она более не отсылает к человеку как источнику реальности, она в своём предельном стремлении конституирует Другого, ситуацию появления которого описал Ф. И. Гиренок в статье «Вещь не в себе» [5]. Гиперреальность — это диктатура числа, ситуация антропологической катастрофы, при которой человек отпустил одну часть своей фундаментальной раздвоенности, галлюцинаторную часть, и она оторвавшись от своего мистериального истока стала Другим — социальным кодом, алгоритмом дигитального порядка реальности без субъективности.

В работе «Почему всё ещё не исчезло?» Ж. Бодрийяр, чтобы подойти к мысли о симулякре и гиперреальности предлагает проделать экскурс в историю появления понятия реальности. Понятие реальности, по Бодрийяру, возникает не так давно по историческим меркам: в начале Нового времени или, иначе, эпохи Модерна. Тогда учёные, желая найти точку Архимеда, изобретают телескопы, средства наблюдения, которые создают иллюзию отделённости мира от человека. Появляется «внешняя» объективная реальность, которая уже в весьма существенной мере иллюзорна, потому что пытается мыслить мир самим по себе, без человека. «...человек, анализируя и изменяя мир, отпускает его, — одновременно давая ему силу реальности. Таким образом, можно сказать, что — как ни парадоксально —

реальный мир начинает исчезать, в тот же момент когда он начинает существовать» [2]. Фактически, в этот момент начинается движение всего господствующего научного дискурса к катастрофе особого рода. К катастрофе, в ходе которой не уничтожается в полной мере что-то наличное, но со сцены истории уходит антропологическая реальность, безвозвратно элиминируется то, чего никогда и не было — субъективность.

Ж. Бодрийяр высказывает гегельянскую мысль о роковой ограниченности именования предметов мира, которые не являясь такими, какими их именуют, стараясь зафиксировать постоянное движение духа, остановить мгновение, что не свойственно самим фундаментальным принципам изменяющейся реальности. Проименованный предмет теряет свою энергию, а стремление к познанию, к анализу растворяет мир. «Когда предмет назван, когда он уже схвачен своим изображением и понятием, он начинает терять свою энергию — право быть истиной или выступать в качестве идеологии» [2]. Ж. Бодрийяр оформил постмодернистский дискурс тем, что фактически вынес вердикт всему движению мысли эпохи Модерна: Модерн убил человека и его реальность, отделив эти два понятия друг от друга через внедрение дискретности, анализа, создания непреодолимой границы между внешним и внутренним. Дискурс Модерна завершился концом «прометеевского проекта господства над Вселенной, исчерпывающего знания» [2]. Модерн привёл антропологическую реальность к состоянию бессмысленной гиперреальности, которая, в своих характерных чертах, и есть «исчерпывающее знание». Сам предикат знания — термин «исчерпывающее» — иронично даёт нам этимологические ключи к пониманию капитальных характеристик знания, редуцированного к интеллекту. Оно что-то исчерпывает. Но что?

Возникает интуиция о разрушительной деятельности языка, потому что он выступает в качестве орудия дискретности против единой субъективной энергийно-смысловой реальности в пользу объективной. Он, в некотором роде, трансформирует энергию субъективного поля в алгоритм как идеальное своё проявление, конечную цель движения по пути дискретного, исчисляющего мышления. Деля мир, создавая знаки, состоящие, по Ф. де Соссюру, из означающего (объективированной формы знака) и означаемого (ментальной формы, понятия), язык создаёт нечто подобное хабу, каналу, по которому перегоняет энергию означае-

мого в состав означающего, «исчерпывает» эту энергию. Означающее, утилизируя данные энергийно-смысловые потоки субъективного поля, воплощается в алгоритме, чистой функции, не имеющей выхода к антропологической реальности (аутентичной виртуальности, воображению). Господство алгоритма — это и есть гиперреальность, а симулякры — это знаки-паразиты, истощившие поле субъективности.

Бодрийяр пишет о взаимной аннигиляции пары «концепт-реальность». «Реальность исчезает в своем концепте. Но что еще более парадоксально, так это совершенно противоположное движение, когда концепт, идея (а также и фантазия, утопия, мечта, желание) также исчезают посредством своей реализации» [2]. Как передаются концепты в современном «информационном» обществе? Они передаются через СМИ, главным образом через цифровые медиа. Любое сообщение о реальности уничтожает реальность. Как известно, Ж. Бодрийяр не признал военную кампанию в Персидском заливе по причине массированного упоминания данной инфотемы в СМИ. Иными словами, если о чём-то много говорят, то этого нет, потому что реальность дословна и истинна, а нереальное коммуникативно, основанием же коммуникации является ложь.

Ж. Бодрийяр исследует современного человека, редуцировавшего себя к мозгу, который вместе с виртуальной реальностью формирует новый объект философского рассмотрения — искусственный интеллект. Последний характеризуется монопольным утверждением своей воли через логику 0/1, в которой отсутствует конфликт, напряжение и, тем более, любой намёк на негативность, отказ от позитивного согласия с собой, который до эпохи искусственного интеллекта считался показателем процесса духовного развития, восхождения от одного уровня образа реальности к другому, более насыщенному энергийно-смысловым содержанием. Конечно, такое движение обусловлено конфликтом и гегельянской негативностью [12]. Элиминируя эти факторы духовного развития, человек не отличает себя от позитивной действительности, от сущего, которое, в итоге этого движения к позитивности, потребляет, по моему мнению, его энергию. Эта операция потребления является тем же самым, что и пример с «исчерпывающим знанием», или именованим, приносящим реальность в жертву означающему.

Будучи профессиональным фотографом, Ж. Бодрийяр приводит пример с фотографией,

которая, переходя от аналоговой формы к цифровой, показывает сам принцип элиминации негативности, забвения антропологической реальности. «Фотография и Цифра служат микромоделлю для более общего анализа. Эта гегемония постоянно поглощает все негативное в делах человеческих, осуществляет редукцию до самой простой формулы — унитарной и безальтернативной; эти 0/1 — чистая разница потенциалов, цель которой — цифровым образом снять все конфликты» [2].

На смену пустоте и дистанции в аналоговом изображении приходит цифровая копия копии, которая лежит в плоскости экрана. Оно лишено негативности, а значит в нём нет реальности мига, ведь миг не существует, мгновение существования — это то, чего нет, оно постоянно ускользает, оставляя за собой след следа, как писал Ж. Деррида [10]. «В мире цифр, или — шире — в мире компьютерной графики, нет больше негатива, нет больше «противоположности». Там ничто не умирает, не исчезает» [2].

Ж. Бодрийяр — один из последних философов-постмодернистов, который наделял человека негативностью и пустотой. Он говорил о субъективности, которая не отсылает нас к мозгу, глобальному компьютеру или искусственному интеллекту. Человек — это то, чего нет в мире сущего, что даёт о себе знать в процессе негации. Человек не может быть сведён к алгоритму, к цифровой реальности, потому что он есть несчитываемый носитель отрицания, он всегда был головной болью мира, так как уклонялся от последовательности алгоритма. Ошибки и уклонения, а не стремление вписать себя в порядок объективной реальности и войти в согласие с интеллектом — вот то обстоятельство, которое позволило Ж. Бодрийяру закончить свою статью словами: «Таким образом, если собственная двойственность покинет человека, тогда роли поменяются: это машина, которая барахлит, которая становится извращенной, дьявольской, чревоуещает. Двойственность весело переходит на другую сторону. Если субъективная ирония исчезает — она исчезает в игре цифр — тогда ирония становится объективной. Или становится тишиной. В начале было Слово. Но только после того как была Тишина. Сам Конец исчез...» [2]

Описанный выше подход Ж. Бодрийяра к проблеме элиминации человека из реальности и замены его цифровым кодом характеризует ситуацию антропологической катастрофы. В чём её значение для антропологической реальности? Последняя исчеза-

ет тем быстрее, чем тотальнее становится исчисляющее мышление в виде сведения всего человека к мозгу, нейронным связям, искусственному интеллекту, который может быть подключён к гипермозгу как совокупности всех мозгов. Но данная совокупность не описывает антропологическую реальность, выражаемую через феномены отрицания, пустоты, дистанции, противопоставления наличному. Поэтому апелляция Ж. Бодрийяра к понятию субъективности парадоксальным образом подчёркивает изначальное состояние человека как не пребывающего в мире означущих, но представляющего иной мир, исключительный мир антропологической реальности, которая, в то же время, растворяется в потоках дигитального отношения к ней. Этот феномен растворения субъективности в мире числовых соотношений Ж. Бодрийяр назвал антропологической катастрофой.

Ж. Бодрийяр констатирует её безоценочно как свершившийся факт: человек ушёл из реальности незаметно, ведь то, кем он является, не имеет к реальности никакого отношения.

Таким образом, сопоставляя антропологическую реальность и реальность числа и означущих, можно сделать вывод о том, что две эти реальности не предполагают длительного взаимодействия друг с другом. Но отличие этих реальностей друг от друга состоит в том, что вторая выводится из первой, она становится деградированной формой всплеска субъективности после выравнивания этого всплеска в плоскости дигитальной формы. Перевод человека в дигитальный режим существования, на мой взгляд, обусловлен деконцентрацией субъективности и её растечением по поверхности цифрового потока.

Заключение

В интервью журналу L'Express на вопрос корреспондентов о кибернетике М. Хайдеггер ответил: «Осторожнее с кибернетикой. Вскоре поймут, что это не так просто» [23, р. 85]. Хайдеггер герменевтически подходил к вопросу дигитальных инструментов управления и контроля. Понимание кибернетики как диктатуры числа в постсоветскую эпоху создаёт особую оптику, предполагающую констатацию кризиса антропологической реальности. Дигитальная реальность, предлагающая тотальный контроль, покушается на свободу как экзистенциал.

В этом покушении медиумом выступает фигура коммуниканта, через которого про-

ходит поток измерений, но эти потоки проходят потому, что коммуникант произвёл обмен субъективности на объективацию промеров. Человек в мире числовых соотношений не только измеряет других, но и незаметно для себя самого становится объектом измерения. Так проходит плавное вхождение в объективацию как измерение, лишённое смыслов субъективности. Человек не несёт в себе ничего внутреннего, он становится проводником цифрового рацио. В. В. Савчук пишет: «...коммуниканты не говорят на языке сущности, <...> они есть своего рода имплантаты медиа; интенции их исходят из внеличностного, а потому абсолютно чистого сознания, сознания медиасубъекта» [17, с. 299]. Спорным представляется тезис о «чистом сознании медиасубъекта», так как сознание исключает другого в лице медиа. Сознание — это темпоральное внутреннее течение субъективности, а попытки определить его через внешние измерения медиа заключают это нелокализуемый в пространстве феномен в фреймы пространственного наличного дискурса. Иными словами, осуществляется перевод сознания в сферу онтического, что автоматически исключает онтологический план бытия.

Н. Н. Ростова, в отличие от вышеописанной онтической позиции определяет человека через его присутствие в онтологическом плане бытия: «...человек не находится в ряду сущего, он — невозможное в этом мире, но не в том смысле, что его нет, а в том, что он имеет онтологически иной способ присутствия...» [16]. Невозможность человека показывает на постоянное ускользание от предметной дефиниции, в этом кроется ответ на вопрос от дигитальной онтологии: «Можно сделать человека исчислимым?» Наталья Николаевна отвечает на этот вопрос отрицательно: «Экзистировать можно к другому, трансцендировать — к Богу, трансгрессировать — в ничто. Логика этих трансгрессий не предметная, но, напротив, антипредметная...» [16].

Человек исчисляет других через признание исчислимости себя самого. Объективация человека связана с его алгоритмическим остужением: «Каким образом трансгуманизм нас охлаждает? Эмоционально изолируя. Упраздняя всякую возможность установления эмоциональных связей в нашем мире. Учреждая зону безразличия и отчуждения — прежде всего от самих себя» [16].

Огненные души отзываются на зов Логоса Гераклита, холодные же не следуют ему. Всё обозначенное следует логике (или Логосу) природы огня как потенциалу, даю-

щему энергию и смысл в страсти. Рождение пассионарности и её затухание детерминированы диалектической когерентностью. ««Угасание» огня в начале космического цикла (своего рода кенозис) приводит к его воплощению в чувственно-осозаемое тело расчлененного космоса, состоящего из четырех элементов» [4, с. 150]. По аналогии с данной цитатой, движение мысли идёт от взрыва галлюцинаций (рождение человеческого сознания) до его дисперсии, затухания в бесконечности алгоритмов числовой реальности.

Отчуждаясь от самого себя в мире числовых соотношений, человек вступает на делезианские территории, рекурсивно детерриторизуясь с них на новые дигитальные плоскости.

Пойдя за делезианским концептом детерриторизации, философия зашла в тупик, превратившись в дигитальную постонологию, то есть детерриторизировавшись. Мышление потеряло чувствование, оказавшись в ситуации цифрового пата.

1. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр. — Екатеринбург : Изд.-во Урал. Ун.-та, 2000. — 96 с.

2. Бодрийяр, Ж. Почему всё ещё не исчезло? / Ж. Бодрийяр. — URL: <https://econet.by/articles/zhan-bodriyyar-pochemu-vse-eschene-ischezlo> (дата обращения: 30.08.2022).

3. Генон, Р. Царство количества и знаменения времени / Р. Генон ; пер. с фр. — М. : Беловодье, 1994. — 304 с.

4. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русск. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. — М. : «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 416 с.

5. Гиренок, Ф. И. Вещь не в себе / Ф. И. Гиренок. — URL: https://zavtra.ru/blogs/vesh_ne_v_sebe (дата обращения: 26.08.2022).

6. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. — М. : Проспект, 2021. — 256 с.

7. Гиренок, Ф. И. Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? / Ф.И. Гиренок. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.

8. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. — М. : «Раритет», Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. — 480 с.

9. Делёз, Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делёз / Общая редакция и послесл. В.А. Подороги. М. : Логос, 1997. 264 с.

10. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида / Пер. с фр. и вст. ст. Наталии

Автономовой. — М. : Ad Marginem, 2000. — 520 с.

11. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант / Пер. с нем. Н. Лосского. — М. : Мысль, 1994. — 591 с.

12. Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля / А. В. Кожев. — СПб. : Наука, 2013. — 792 с.

13. Кулешов, А. П. Искусственный интеллект приведёт к сознательной архаизации жизни / А. П. Кулешов. — URL: <https://ria.ru/20161127/1482248032.html> (дата обращения: 03.10.2021).

14. Лебедев, А. В. Фрагменты из произведений ранних греческих философов. Ч. 1 / А. В. Лебедев. — М. : Наука, 1989. — 576 с.

15. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга / М. Маклюэн. — М. : Академический проект, 2005. — 443 с.

16. Ростова, Н. Трансгуманизм: дорога в рай нечеловеческого / Н. Ростова. — URL: https://zavtra.ru/blogs/transgumanizm_doroga_v_raj_nechelovecheskogo (дата обращения: 05.10.2021).

17. Савчук, В. В. Коммуникант / В. В. Савчук / Медиареальность: концепты и культурные практики: учебное пособие / гл. ред. В. В. Савчук. — СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2017. — 299 с.

18. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М. : Ad Marginem, 1999. — 480 с.

19. Хайдеггер, М. Понятие времени / М. Хайдеггер. Пер. с нем. А.П. Шурбелева; под ред. В.В. Дементьевой. — СПб. : Владимир Даль, 2020. — 200 с.

20. Хайдеггер, М. Размышления XII — XV (Чёрные тетради 1939-1941) / М. Хайдеггер / пер. с нем. А. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. — 345 с.

21. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. — М. : АСТ, 2020. — 220 с.

22. Foucault, M. L'écriture de soi // Corps écrit. — 1983. — № 5. — P. 3-23.

23. Jean-Michel Palmier and Frederick de Towarnicki, "Entretien avec Heidegger," L'Express, — Paris, 954 (October 20-26, 1969). — Pp. 78-85.

24. Spenser-Brown, G. Laws of Form / G. Spenser-Brown. — London : Allen and Unwin, 1969. — 200 p.

References

Bodrijar Zh. (2000) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo [In the

shadow of the silent majority, or the end of the social]. *Ekaterinburg*, 350 p. [In Rus].

2. Bodrijar Zh. (2016) Pochemu vsjo eshho ne ischezlo? Available at: <https://econet.by/articles/zhan-bodriyyar-pochemu-vse-eschene-ischezlo> (accessed 30.08.2022) [In Rus].

3. Genon R. (1994) Carstvo kolichestva i znamenija vremeni [The kingdom of quantity and the signs of time]. Per. s fr. Moscow, Belovod'e, 304 p. [In Rus].

4. Geraklit Jefesskij. (2012) Vse nasledie: na jazykah originala i v russ [The whole heritage: in the original languages and in Russian]. per. krat. izd. / podgot. S. N. Murav'jov. Moscow, «Ad Marginem Press», 416 p. [In Rus].

5. Girenok F.I. (2016) Veshh' ne v sebe, available at: https://zavtra.ru/blogs/veshh_ne_v_sebe (accessed 26.08.2022) [In Rus].

6. Girenok F. I. (2021) Klipovoe soznanie [Clip consciousness]. Moscow, Prospekt, 256 p. [In Rus].

7. Girenok F. I. (2021) Svoboda i sud'ba. Chto my ponjali blagodarja pandemii? Monografija [Freedom and destiny. What have we learned from the pandemic?]. Moscow, Prospekt, 80 p. [In Rus].

8. Deljoz Zh. (1998) Logika smysla [Logic of sense]. Moscow, «Raritet», Ekaterinburg, «Delovaja kniga», 480 p. [In Rus].

9. Deljoz Zh. (1997) Skladka. Lejbnic i barokko [The fold. Leibniz and the Baroque] / Obshhaja redakcija i poslesl. V.A. Podorogi. Per. s franc. B.M. Skuratova. Moscow, «Logos», 264 p. [In Rus].

10. Derrida Zh. (2000) O grammatologii [About grammarology] / Per. s fr. i vst. st. Natalii Avtonomovoj. Moscow, Ad Marginem, 520 p. [In Rus].

11. Kant I. (1994) Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason] / Per. s nem. N. Losskogo. Moscow, Mysl', 591 p. [In Rus].

12. Kozhev A. V. (2013) Vvedenie v chtenie Gegelja [Introduction to reading Hegel]. Saint Petersburg, Nauka, 792 p. [In Rus].

13. Kuleshov A. P. (2016) Iskustvennyj intellekt privedjot k soznatel'noj arhaizacii zhizni, available at: <https://ria.ru/20161127/1482248032.html> (accessed 03.10.2021) [In Rus].

14. Lebedev A.V. (1989) Fragmenty iz proizvedenij rannih grecheskih filosofov [Fragments from the works of early Greek philosophers. Part 1]. Ch.1. Moscow, Nauka, 576 p. [In Rus].

15. Makl'ujen M. (2005) Galaktika Gutenbergga [Gutenberg Galaxy]. Moscow, Akademicheskij proekt, 443 p. [In Rus].

16. Rostova N. (2021) Transgumanizm: doroga v raj nechelovecheskogo, available

at: https://zavtra.ru/blogs/transgumanizm_doroga_v_raj_nechelovecheskogo (accessed 05.10.2021) [In Rus].

17. Savchuk V. V. (2017) *Kommunikant//Mediareal'nost': koncepty i kul'turnye praktiki* [Communicant//Mediareality: concepts and cultural practices]. Saint Petersburg, Fond razvitija konfliktologii, 299 p. [In Rus].

18. Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [To supervise and punish. The birth of a prison]. Per. s fr. V. Naumova pod red. I. Borisovoj. Moscow, Ad Marginem, 480 p. [In Rus].

19. Hajdegger M. (2020) *Ponjatie vremeni* [The concept of time]. Per. s nem. A.P. Shurbeleva; pod red. V.V. Dement'evoj. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 200 p. [In Rus].

20. Hajdegger M. (2018) *Razмышlenija XII — XV (Chjornye tetradi 1939—1941)* [Reflections XII — XV (Black Notebooks 1939—1941)]/ Per. s nem. A. Grigor'eva; pod nauch. red. M. Majackogo. Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, 345 p. [In Rus].

21. Jung K. G. (2020) *Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow, AST, 220 p. [In Rus].

22. Foucault M. (1983) *L'écriture de soi. Corps écrit*, no. 5, pp. 3-23 [In Fr].

23. Palmier J.-M., de Towarnicki F. (1969) "Entretien avec Heidegger," Paris, L'Express, 954 (October 20-26), pp.78-85 [In Fr].

24. Spenser-Brown G. (1969) *Laws of Form* / G. Spenser-Brown. London, Allen and Unwin, 200 p. [In Eng].

Статья поступила в редакцию 05.12.2022

For citing: Davydov I.A. Deanthropological aspects of inauthentic virtuality / I.A. Davydov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 26—38. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38. — EDN VCLVTB.

UDC 128

EDN VCLVTB

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38

DEANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF INAUTHENTIC VIRTUALITY

Igor A. Davydov,

Lomonosov Moscow State University,
Postgraduate student of the Department
of Philosophical Anthropology
Faculty of Philosophy.
Moscow, Russia.
E-mail: galindas@yandex.ru

Abstract

Introduction. The influence of virtual reality on the processes of deanthropologization becomes an obvious fact of the development of numerical relations that determine philosophical concepts in the direction of posthumanistic discourse. In this type of discourse, a person is reduced to a numerical operation, an intermediate procedural link in the network structure of a numerical relationship with other objects of the digital network.

The purpose of the article is to identify the relationship between virtuality and imagination, the distinction between a virtual person and a vividly imagining one.

Methods. The author uses the methods of deconstruction, which identify new

philosophical meanings of established understandings of virtuality and related anthropological types, and the phenomenological method of studying the issues of virtuality and anthropological reality, forming new perspectives for studying the phenomenon of virtuality through an appeal to the constitutive role of consciousness.

Scientific novelty of the research. The scientific novelty of the study is represented by the discovery of a new anthropological distinction between homo imaginabundus and homo virtualis, implying ontological differences of these types in their appeal to the subjective and objective constitutive role of consciousness.

Results. If the anthropological type homo imaginabundus is vividly imaginative and is associated with the phenomena of authentic virtuality and subjectivity, then homo virtualis refers to inauthentic virtuality only as one of its possible variants without connection with the self—affecting component as such.

Conclusions. Anthropological reality is in a state of bifurcation, from which it can emerge in several ways, the most likely of which will be the ways of deanthropologization in algorithmic flows and codes of the digital environment, or the way of preserving the phenomena of self-action, vivid imagination associated with subjectivity and the field of authentic virtuality.

Keywords:

homo imaginabundus,
homo virtualis,
deanthropologization,
authentic virtuality,
digital postontology

Для цитирования: Богданова, В. О. Ценностные ориентиры и жизненные смыслы представителей цифрового поколения на примере студентов педагогического вуза: социально-аксиологический аспект исследования / В. О. Богданова // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 39—50. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-39-50. — EDN QVGFWN.

УДК 316.77

EDN QVGFWN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-39-50

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ЖИЗНЕННЫЕ СМЫСЛЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА: СОЦИАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Богданова Вероника Олеговна^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доцент кафедры философии и культурологии;

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),

доцент кафедры философии, кандидат философских наук Челябинск, Россия.

E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Введение. В социально-философских исследованиях большую актуальность приобретает изучение ценностно-смысловой сферы цифрового поколения. В статье автор проводит теоретический анализ литературы, раскрывает представления современных ученых о цифровом поколении.

В эмпирической части своего исследования автор выявляет жизненные смыслы и ценностные ориентиры современной молодежи.

Цель. Исследование жизненных смыслов и ценностных ориентиров современной молодежи.

Методы. В исследовании применяется сравнительный анализ научной литературы, используются анкета «О смысле жизни»

В. Э. Чудновского и опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Новизна исследования. В работе сделан акцент на представления цифрового поколения о смысле жизни. Смысл жизни цифровое поколение связывает с ярким проживанием настоящего, поскольку существующая социальная среда не дает им возможности перспективного планирования. Именно поэтому у них преобладает гедонистическое отношение к жизни. Таким образом, процесс самоактуализации превалирует над самотрансценденцией.

Результаты. Данные исследования свидетельствуют о том, что представители цифрового поколения видят смысл жизни в достижении личного счастья, в свободе и сохранении индивидуальности и самореализации. Самыми важными ценностями для молодежи, определяющими их ценностные ориентиры, являются здоровье, любовь, творчество, общественное признание, материальное благополучие, удовольствия.

Выводы. В ценностной сфере цифрового поколения можно обнаружить отсутствие четких долгосрочных ориентиров в связи с непрерывными изменениями, происходящими в социальной среде. Неопределенность социальных, экономических условий вызывает трудности в планировании жизнедеятельности у современной молодежи, однако цифровое поколение озабочено поиском смысла жизни и ценностных ориентиров. Хотя у молодежи преобладает гедонистическое отношение к жизни, обнаруживается стремление к формированию нового качественного уровня альтруизма, где общие интересы не противоречат интересам личности.

Ключевые слова:

смысл жизни, ценности, ценностные ориентиры, цифровое поколение, цифровизация

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855>.

Введение

Глобальная перестройка социальных, интеллектуальных и практических аспектов жизнедеятельности человека оказывает существенное влияние на преобразование системы ценностей современного общества. Важную роль в этом процессе играют цифровые технологии, которые заполняют все пространство жизни современной молодежи, оказывая воздействие на их мировоззрение и образ жизни. С одной стороны, цифровизация дает человеку большие возможности для обучения и выбора профессиональной деятельности. С другой — она может быть причиной ослабления связи человека с внешним миром и приводить к поверхностным и отчужденным взаимоотношениям между людьми, которые оцениваются с позиции прагматизма и утилитарной выгоды [21]. Исследователи Б. В. Балтезаревич, М. Д. Миятович считают, что цифровизация наносит удары гуманистическому идеалу человека и культуры, приводит к кризису идентичности личности, поскольку прерывает преемственность наследования культурных ценностей. Технологизация общественной жизни формирует мировоззрение потребления, которое отдаляет сознание человека от духовной сферы [3, с. 51]. Конечным результатом дегуманизации является появление человека, нацеленного на потребление материальных благ, но не способного обеспечить дальнейшее развитие культуры. Технологии приводят к радикальному преобразованию субъекта, вытеснению традиционно человеческого из социальных отношений, разрушению ценностей, меркантилизму, что усугубляет проблему отчуждения в отношениях между людьми.

Функционирование цифровой среды отвечает принципам ризомы, выдвинутым Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [7]. В ней отсутствует иерархия и централизация. Она представляет собой спонтанно подвижную и самоорганизующуюся систему, которую невозможно контролировать. Она создает автономную сферу свободного действия для человека, в которой отсутствуют четкие границы традиционной морали. Цифровая среда распространяет дискурсы разного рода, что создает для субъекта проблему ценностного самоопределения. В информационном пространстве происходит постоянная трансляция противоречивых знаний и ценностей, в результате которой личность теряет предзаданные жизненные ориентиры и творит свои собственные представления о реальности. Это приводит к дезадаптации субъекта в

пространстве и во времени, поскольку традиционные механизмы адаптации создают препятствия для удовлетворения потребностей в самореализации в новых условиях.

Ответом на нарастающее влияние цифровизации является формирование субъектной позиции, которая с одной стороны способствует развитию умения быть гибким и восприимчивым к постоянным социокультурным изменениям, с другой — умения сохранять целостность внутреннего мира. Сохранение целостности внутреннего мира возможно только через осознание собственных ценностей и направленности на обретение смысла жизни. Изменчивость жизненного мира может способствовать укреплению некоего инвариантного ценностного ядра личности.

В современной России система идеалов и ценностей представляет собой динамичную и противоречивую структуру, поэтому проблема исследования динамики и изменений ценностных ориентаций людей становится особенно острой. Большое значение приобретает изучение взглядов молодежи на смысл жизни и ценности человеческого существования. Исследование смысла жизни и ценностей поможет обозначить перспективы развития российского общества, позволит сделать прогнозы, определить жизненные цели, задачи и выбрать пути их достижения. Современную молодежь можно с полным правом отнести к цифровому поколению, которое вынашивает собственные замыслы, разрабатывает жизненные планы, проектирует будущую жизнь, и во многом оказывает существенное воздействие на организацию современных условий жизни и деятельности. Организация жизни происходит с опорой на ценности и смыслы. Жизнь в Интернете и социальных сетях накладывает большой отпечаток на формирование системы ценностей молодого поколения [6, с. 84—85]. Сейчас можно наблюдать как происходит становление новых ценностей, которые еще не «проросли» в общественном сознании, но проявляются в оценках и поведении молодых людей. В связи с этим приобретает актуальность исследование ценностных ориентиров молодого поколения, их представлений о смысле жизни, которые можно считать основными жизненными стимулами.

К цифровому поколению относятся люди, родившиеся после цифровой революции 1980—2000-х годов и привыкшие получать информацию через цифровые каналы. Впервые этот термин предложил писатель и популяризатор технологий обучения и просве-

щения М. Пренски. Писатель рассматривал цифрового человека как коренного жителя цифрового общества или века цифровых технологий [30]. К цифровому поколению относят «игреков» и «зумеров», активно использующих цифровые технологии в своей повседневной жизни. Сейчас они учатся в школах и вузах.

В исследованиях М. В. Лисаускене, Е. Л. Омельченко, Г. А. Сабировой, В. В. Радаева анализируются приоритетные ценности и модели цифрового поколения в сравнительном контексте преемственности поколений [12; 17; 20]. Разницу ценностей цифрового поколения от предшествующих можно объяснить жизнью в условиях общества постмодерна. Ж. Делёз называет постмодерн «хаосмосом» [7, с. 234], поскольку налично данное бытие представляет собой имманентное тождество космоса и хаоса, игру смысла и нонсенса. В наличном бытии невозможно отыскать упорядоченность в качестве окончательного обретения структуры и смысла, у человека формируется пластичное и неопределенное «Я». В условиях постмодерна у человека отсутствуют устоявшиеся универсальные духовно-нравственные идеалы [16, с. 1524]. Ценностные ориентации субъекта приобретают динамичный характер.

В современных исследованиях говорится о плюрализации и релятивизации ценностей молодежи и дается критическая оценка аксиологической основы мировоззрения цифрового поколения по сравнению с предшествующим X поколением. Если рассматривать поколение X, то следует отметить их самостоятельность и самодостаточность, поскольку в решении жизненных вопросов они привыкли рассчитывать только на свои силы. У данного поколения ярко выражены семейные ценности. Они чувствуют большую ответственность за родителей и детей. Чувство долга и ответственности перед близкими заставляет их смотреть на общественные события только через призму личных проблем. Поколение X прагматично, ценит благополучие и стабильность [25, с. 153]. В своей работе Дж. Твенге отмечает, что в отличие от поколения X цифровое поколение менее самостоятельно, оно стремится оттянуть наступление взрослой жизни, боится ответственности [30, с. 126]. Избегание ответственности согласно Н. Зарубиной приводит к «структурированной безответственности», которая становится особенностью жизненной позиции молодых людей [9, с. 251]. Данное поколение избегает реальности, включая и все виды

отношений — от дружеских до любовных [30, с. 72].

В мировоззренческом плане цифровое поколение меньше других поколений озабочено выстраиванием непротиворечивой системы жизненных смыслов и ценностей. Дж. Твенге связывает эту особенность с тем, что данное поколение не религиозно [30, с. 155]. Молодежь отдает предпочтение релятивизму, поскольку он позволяет расширить границы мышления, действий и поступков. Однако отсутствие четких духовных ориентиров в настоящем приводит к тому, что им трудно делать выбор на далекую жизненную перспективу. Им легче принять неопределенность [22, с. 59].

Исследователь А. В. Подстрахова выделяет ряд важных социально-значимых характеристик цифрового поколения, которые сложились под влиянием глобальной информационной среды: несформированность моральных ценностей, индивидуально-прагматические установки в общении с людьми, эгоизм и инфантилизм, который выражается как нежелание взрослеть и принимать ответственность в сфере личной жизни и профессиональной деятельности. Исследователь отмечает, что у современной молодежи завышенная самооценка, негативное отношение к критике, стремление получать как можно больше положительных эмоций, ориентация на гедонизм [18, с. 564—565]. Данные опроса, которые приводит А. Н. Алиева, также говорят о возрастании значимости материальных благ в представлении цифрового поколения. Цифровое поколение высоко оценивает значение финансового аспекта жизни, фактора самоопределения, что свидетельствует о возрастании уровня экономической дифференциации [1, с. 21].

А. Б. Денисова, исследуя ценностные ориентации студентов, также приходит к выводу, что наиболее значимой ценностью молодого поколения является высокое материальное положение, которое создает основу для жизненного благополучия. В приоритете у цифрового поколения сфера увлечений [8, с. 318]. Приведенные данные согласуются с выводами других исследователей (М. С. Яницкого, А. В. Серого, О. А. Брауна, Ю. В. Пелеха, О. Масловой), где отмечается ориентация молодежи на независимость, удовольствия и развлечения [28, с. 59]. Данные ориентации авторы связывают с утверждением установок «общества потребления», где смыслом жизнь становится участие в потребительской деятельности, азартной игре в фантастическом мире, где

все можно получить без особых усилий [8, с. 319].

Е. А. Чудакова, Т. В. Баторова проводят сопоставление молодого поколения со старшим в этическом отношении. Они пишут, что такие моральные ценности, как любовь, взаимоуважение, честность, достоинство, патриотизм, верность, альтруизм, трудолюбие, уважение к старшим, оказались неактуальными для современной молодежи. По их мнению, избыток разнородной информации, приводит не только к формированию фрагментарного мышления, но и к утрате человеком способности сопереживания, что ведет к хладнокровию, жестокости, черствости [23, с. 47].

Таким образом, на основе анализа теоретических и эмпирических исследований ценностно-смысловой сферы цифрового поколения можно выделить следующие ключевые характеристики современной молодежи: ориентация на материальные ценности, гедонизм, релятивизм ценностей, менее выраженная ответственность и озабоченность поиском смысла жизни по сравнению с предшествующим поколением, медленное взросление, откладывание взрослой жизни. Посмотрим, насколько эти характеристики согласуются с результатами проведенного нами исследования ценностной-смысловой сферы студентов-первокурсников Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск).

Исследование ценностей и жизненных смыслов студентов педагогического вуза

В исследовании в качестве представителей цифрового поколения участвовали студенты первого курса Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета: всего 100 человек, 17—20 лет.

Выбор студентов первого курса был обусловлен возрастными особенностями респондентов. Первокурсники находятся еще в юношеском возрасте, для которого проблема поиска смысла жизни приобретает наибольшую актуальность, поскольку студенты испытывают потребность в личностном самоопределении.

В основе выбора респондентов также лежал критерий медиа- и компьютерной грамотности. Участвующие в опросе студенты являются активными пользователями социальных сетей, которые проводят там не менее трех часов в день, и владеют компьютером на уровне уверенных и продвинутых пользователей.

Исследование состояло из двух этапов. Целью первого этапа было выявление представлений о смысле жизни и способов решения проблемы смысла жизни цифровым поколением. Цель второго этапа заключалась в определении ценностей, которые закладывают представители цифрового поколения в основу смысловых ориентиров. В качестве эмпирических методик использовалась анкета «О смысле жизни» В. Э. Чудновского и опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Рассмотрим результаты исследования проблемы смысла жизни по методике В. Э. Чудновского. Первый вопрос анкеты «О смысле жизни» заключался в определении студентами понятия «смысл жизни». Перед респондентами ставился вопрос: «Что такое смысл жизни?» Понятие «смысл жизни» большинство студентов (72 %) определили как «основную цель существования». Некоторые студенты (18 %) связали смысл жизни с предназначением. Причем данное понятие трактовалось студентами по-разному: как жизненная задача, которую человек может решить лучше всего, и как одно из проявлений судьбы. Во втором случае ставился акцент на чувстве долга, предназначение раскрывалось как предначертанная роль, которую обязан осуществить человек. Часть респондентов (10 %) определили смысл жизни как «то, что не существует на самом деле».

По полученным данным, видно, что большая часть опрошенных соотносит понятие смысл жизни с существованием человека. Однако есть студенты, которые считают смысл жизни абстрактной мыслительной конструкцией, не имеющей отношения к реальности.

Второй вопрос анкеты был посвящен значению смысла жизни. У студентов спрашивали: Какое значение имеет наличие смысла жизни для каждого человека? 85 % опрошенных посчитали, что наличие смысла жизни имеет большое значение для существования человека, 8 % отметили, что смысл жизни не важен для человека, поскольку его не существует на самом деле. 2 % респондентов заняли необычную позицию, определив веру в существование смысла жизни как результат заблуждения. Однако посчитали, что наличие смысла жизни, хоть и является иллюзией, представляет ценность для человека, поскольку вера в смысл помогает не падать духом.

Все ответы студентов, которые утверждали, что смысл жизни имеет большое значение, можно подразделить на четыре группы по содержанию:

- 1) смысл жизни служит мотивацией;
- 2) смысл жизни является ориентиром;
- 3) смысл жизни способствует развитию личности человека;
- 4) смысл жизни положительно влияет на эмоциональную сферу личности;
- 5) смысл жизни придает ценность существованию.

На третий вопрос о том, всегда ли наличие смысла положительно сказывается на судьбе, 44 % студентов дали утвердительный ответ, 46 % ответили, что «не всегда», 10 % ответили, что не нашли свой смысл жизни, часть из них усомнилась в его существовании.

Студенты, которые ответили утвердительно на поставленный вопрос, обосновывали свои ответы случаями из жизни людей, которым смысл жизни позволил выжить несмотря на тяжелые испытания. Студенты, которые ответили, что не всегда смысл жизни положительно сказывается на судьбе, объясняли это разными причинами. В качестве причин были отмечены следующие: недостижимые и неверные цели; замкнутость на выбранном смысле, приводящая к потере более ценного и важного в жизни; искаженное представление о смысле жизни, разрушающее жизнь человека или жизнь других людей. Была высказана мысль, что опасность представляет смысл жизни, основанный на социокультурных стереотипах. Студенты отметили, что такой смысл не соответствует подлинным стремлениям человека и уводит его от реальности.

Четвертый вопрос заключался в определении соотношения смысла и бессмыслицы в жизни человека. 53 % студентов ответили, что в жизни «больше смысла», поскольку человек является разумным существом, многие события жизни он объясняет или наполняет своим смыслом. Прозвучал ответ, что «смысла больше, поскольку человек самостоятельно определяет траекторию жизни, ставя перед собой цели.

37 % студентов заняли среднюю позицию, утверждая, что в равной степени представлены в жизни смысл и бессмыслица. Студенты подчеркнули, что в жизни человека чередуются периоды бессмыслицы и осмысленного существования. Столкновение с плохими событиями приводит к ощущению пустой жизни. Однако, если человека найдет в себе силы пережить негативный опыт, то он отыщет для себя новые смыслы.

10 % респондентов утверждали, что в жизни больше бессмыслицы. Некоторые из них отметили, что бессмыслицы больше, поскольку человек — иррациональное существо-

во, многие поступки он совершает не обдуманно, поддаваясь влиянию своих чувств. Прозвучал ответ, что бессмыслицы больше, так как человек совершает большое количество глупых и бесполезных поступков.

Часть студентов связали бессмыслицу жизни с конечностью человеческого существования. Их взгляды оказались близки к идеям философов-экзистенциалистов, которые раскрывали взаимосвязь смерти и смысла жизни. У некоторых людей осознание неминуемой смерти порождает сомнение в наличии смысла жизни, поскольку смерть может обесценить жизнь, превратив плоды человеческих усилий в ничто. Однако возможно и обратное, когда мысли о смерти обостряют чувство жизни, побуждают человека к действиям и осознанному и подлинному существованию.

На пятый вопрос «Изменяется ли смысл жизни с возрастом?» почти все студенты ответили утвердительно (95 %). На шестой вопрос «Произошли ли у вас изменения в понимании смысла жизни в последние годы?» 95 % студентов ответили также утвердительно, связывая пересмотр смысла жизни с приобретением новых знаний и сменой интересов. Некоторые студенты (5%) признались, что с возрастом пришли к пониманию, что смысла жизни не существует. 5 % студентов отметили, что за последнее время у них не изменилось представление о том, что жизнь не имеет смысла.

На седьмой вопрос о том, что в большей степени влияет на становление смысла жизни, 38 % испытуемых признали влияние собственного жизненного опыта, 37 % — примера родителей, 16 % — чтения литературы, 8 % — общения со сверстниками, 1 % — общения с педагогами. Характерно, что общение с педагогами — 1 % не играет значимой роли в становлении смысла жизни, так как современная молодежь ставит под сомнение авторитет педагогов.

Отвечая на вопрос об учебных предметах, влияющих на формирование смысла жизни, студенты назвали философию (39 %), литературу (34 %), психологию (24 %), педагогику (2 %), историю (1 %).

Последний вопрос анкеты заключался в формулировке своего персонального смысла жизни. Свой личностный смысл 30 % студентов видят в получении удовольствий и ярких впечатлений от жизни, 28 % — в достижении счастья в личной жизни (создание семьи, любовь, дружба), 14 % — в самореализации (карьера, творчество), 15 % — в свободе и сохранении своей

индивидуальности, 2 % — в служении людям (оказании помощи), 1 % — в спасении души. Однако выявлены также 10 % студентов, которые не видят смысла в своей жизни.

Таким образом, наибольшее количество опрошенных студентов обнаруживает смысл жизни в получении удовольствий. Преобладание гедонистических стремления цифровой молодежи в какой-то степени обусловлено влиянием общества потребления и массовой культуры. Молодежь стремится к комфортной жизни, наполненной удовольствиями. Потребность в получении удовольствий является естественным стремлением человека, но она может приобретать гипертрофированные формы, перерасти в зависимость от потребления материальных ценностей.

Следует обратить внимание на то, что сами студенты дают широкую трактовку понятию «удовольствие». К удовольствиям они относят приятные переживания, связанные с развлечениями, приобретением материальных благ и услуг, удовлетворение биологических и духовных потребностей. Причем некоторые студенты отметили, что удовлетворение духовных потребностей посредством проявления творческой активности позволяет более ярко и полно проживать бытие.

Второй по популярности ответ — смысл жизни заключается «в достижении счастья в личной жизни». Популярность этого ответа обусловлена возрастными особенностями respondents. Студенты находятся в юношеском возрасте, важной характеристикой которого является стремление к построению интимно-личностных отношений с духовно близким человеком. Значимым предметом осмысления для этого возраста является переживание любви (дружбы), которые находят свое отражение в проекте собственного будущего — построении счастливой личной жизни.

Третье место занимает ответ, что смысл жизни заключается в свободе и сохранении индивидуальности. Распространенность этого ответа также можно связать с особенностями юношеского возраста, для которого характерно переживание кризиса идентичности. Кризис идентичности переживается как конфликт между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом «вписывания» себя в окружающий мир и изменившейся биологической или социальной нишей существования индивида [11, с. 25]. Адаптация к изменениям является сложным процессом, поскольку личности

приходится переструктурировать элементы своей идентичности. Человек испытывает внутреннее сопротивление, которое проявляется в стремлении выразить свою свободу, отстаивать свою индивидуальность и самобытность.

Четвертое место по популярности занимает определение смысла жизни как самореализации. Распространенность этого ответа можно объяснить переходом студентов к относительно самостоятельной жизни, осознанием необходимости в построении жизненных планов на будущее. В юношеском возрасте становится актуальной проблема самореализации в профессиональной деятельности, студенты задумываются о построении своей карьеры.

Большое внимание следует уделить студентам (10 %), которые не видят смысла в своей жизни. А. Лэнгле описывает отсутствие смысла жизни как переживание потери значимости существования, которая приводит к блокированию экзистенции. Экзистенция определяется им как наполненная смыслом, свободно и ответственно воплощаемая жизнь [14]. Отсутствие смысла жизни может привести к экзистенциальному кризису, который поражает структуры внутреннего мира личности и ее жизнедеятельность. Однако само осознание отсутствия смысла жизни и сомнение в его существовании является решающим шагом к его поиску. Как пишет И. Ялом, ощущение бессмысленности — это один из фундаментальных вызовов жизни, на который человек должен дать ответ. Само переживание бессмысленности говорит о возможности человека вступить в контакт с реальностью и с самим собой [27]. Человек начинает наблюдать за собой, пытается установить соответствие между собственным сознанием и бытием. Если ему не удается соотнести себя с жизнью, то он возвращается к своему ценностно-смысловому ядру для того, чтобы его изменить.

Человек, который осознает бессмысленность, находится в эмоциональном резонансе с актуальной для него жизненной ситуацией. Мобилизация переживаний бессмысленности связана с тем, что «затрагивает» человека, — опорой в мире, ценностью жизни, поиском собственного пути [13]. Посредством переживаний человек настраивает себя на преодоление некоторого «разрыва» жизни, он проводит восстановительную работу — создает новый смысл бытия [5, с. 47]. Он находит только ему присущие способы поведения, наилучшим образом отвечающие психологическому содержанию

его потребностей, интересов, ценностей [10, с. 56]. Таким образом, в переживании бессмыслицы жизни можно обнаружить интенсивное взаимодействие человека с миром, которое в конечном итоге направлено на проживание и осмысление существования.

Следует отметить, что небольшой процент студентов определили смысл жизни в альтруистических категориях: приносить пользу людям. Это говорит о том, что для большинства студентов самотрансцендирование не актуально. Они направляют свои внутренние силы на проживание жизни, проявление себя в мире, на выражение своей индивидуальности. Смысл жизни находится в гедонистических решениях и самоактуализации. Студенты заняты заботой о собственном «Я» и это дает им ощущение полноты жизни. Однако, как отмечает А. Маслоу, полностью актуализированная личность не может быть слишком занята самовыражением [15, с. 134]. Она выходит за пределы себя, поскольку обладает прочным ощущением своего «я» и может заботиться не только о себе, но и о других людях.

С термином «смысл жизни» тесно связаны понятия «ценность» и «ценностные ориентиры». В самом широком значении под ценностями понимаются материальные или идеальные объекты, имеющие жизненно важное значение для субъекта [2]. Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл всего мира в целом, каждой личности, каждого события и поступка. В основе смысла жизни лежат те или иные ценности. Любое изменение, вносимое в мир человеком в ходе реализации своего смысла, имеет ценностную сторону.

Ценностные ориентиры показывают внутреннюю направленность личности на реализацию значимых для нее ценностей. Они являются отражением в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Они демонстрируют, в чем человек видит смысл своей жизни [11, с. 274].

На втором этапе исследования были определены ценности, заложенные в основу жизненных ориентиров представителей цифрового поколения. Применялась методика шкалы ценностей М. Рокича. М. Рокич одним из первых стал рассматривать ценности как систему руководящих принципов жизни человека. Предложенная Рокичем шкала ценностей направлена на изучение терминальных и инструментальных ценностей. Терминальные ценности — ценности-цели, отражающие приоритетность для

личности определенных жизненных стремлений. Инструментальные ценности — это ценности, которые необходимы для достижения желаемой цели [19]. Перед студентами ставилась задача проранжировать два списка ценностей по степени жизненной важности. Самые значимые ценности имеют ранги 1—6, незначимые ценности — 13—18.

В результате исследования терминальных ценностей были выявлены следующие предпочитаемые ценности: здоровье, любовь, творчество, общественное признание, материально обеспеченная жизнь, получение удовольствий. В качестве ценности наименьшего предпочтения студенты выбрали жизненную мудрость, красоту природы, искусство, познание, развитие, счастье других, продуктивную жизнь.

По полученным результатам выбора терминальных ценностей видно, что самой приоритетной ценностью для студентов является здоровье. Респонденты понимают, что здоровье является важным условием полноценной и счастливой жизни, поскольку от его состояния зависит социальная активность человека. Выбор испытуемых в качестве приоритетных ценностей творчества и общественного признания, говорит о важности самовыражения и самореализации. Студенты ориентированы на поиск одобрения и поддержки со стороны окружающих.

Следует отметить, что самореализацию студенты связывают именно с творческой деятельностью, ценностью «интересная работа» не вошла в список приоритетных ценностей. Отсюда можно сделать вывод, что студенты пока не связывают процесс самореализации с профессиональной деятельностью или не имеют четких представлений о себе в профессии.

Немаловажное значение для студентов играют ценности личной жизни, среди которых студенты выделили любовь. Это можно объяснить тем, что формирование отношений, построенных на основе симпатии и любви, выступает в качестве одной из главных задач развития в юношеском возрасте.

В ряд значимых ценностей также вошла материально обеспеченная жизнь и получение удовольствий. Цифровое поколение стремится к материальным ценностям, поскольку в современном обществе социальный статус человека во многом определяется уровнем благосостояния. Материальные ценности превращаются в решающий критерий для оценки успешности самореализации личности. Кроме того, материальные блага функционально связаны с потребностями человека. Они позволяют удовлетворить

не только физиологические потребности, но и потребности в защищенности, социальном признании и удовольствии. Выбор в качестве приоритетной ценности получения удовольствия показывает стремление молодежи к полноте и эмоциональной насыщенности существования, комфорту и высокому качеству жизни. Гипертрофированное стремление к удовольствиям может говорить об инфантильности и несформированных представлениях о будущем.

К негативным моментам распределения ценностей можно отнести то, что студенты поставили на 14-е место социально значимую ценность — «Счастье других людей». Это свидетельствует о несформированности устойчивых социальных связей молодых людей. Их взаимодействие с людьми пока выстраивается по принципу преследования собственной выгоды. Отнесение к незначимым ценностям «Развитие», «Жизненная мудрость», «Познание», «Продуктивная жизнь» говорит о том, что вопрос о максимальном полном использовании своих способностей и их совершенствовании пока не является для студентов актуальным. Скорее всего, это связано с тем, что первокурсники имеют неопределенные представления о своей дальнейшей профессиональной деятельности.

К предпочитаемым инструментальным ценностям студенты отнесли: жизнерадостность, образованность, независимость, эффективность в делах, ответственность и терпимость. Ценность «Жизнерадостность» студенты отнесли к первому рангу по уровню значимости. Респонденты видят в жизнерадостности ресурсный потенциал для достижения важных жизненных целей, считая, что от эмоционального настроения личности зависит успех любого дела. Молодежь рассматривает жизнерадостность, положительное отношение к миру и оптимизм как важные характеристики самоактуализирующейся личности, которая умеет видеть возможности для самореализации и положительные стороны в любом явлении действительности.

Важной ценностью для студентов является образованность, поскольку она помогает в карьерном росте, позволяет получать высокий материальный доход и повышать качество жизни. Выбор студентами в качестве значимых ценностей «Ответственность», «Независимость», «Смелость в отстаивании своего мнения» говорит об их стремлении к свободе, желании принимать самостоятельные решения и отстаивать свою жизненную позицию. Ценность «Эффективность в делах» также была определена как приори-

тетная, поскольку она в представлениях студентов связана с успешным выполнением любой деятельности, в том числе будущей профессиональной.

Среди отвергаемых ценностей студенты отметили следующие: «Непримиримость к своим недостаткам и других», «Аккуратность», «Рационализм», «Высокие запросы», «Исполнительность», «Честность».

Отвержение ценности «Непримиримость к своим недостаткам и других» может свидетельствовать о том, что студенты воспринимают данное качество как негативную черту характера. Студенты осознают важность умения принимать себя и окружающих людей.

Ценность красоты природы и искусства также оказалась в списке не заслуживающих особого внимания ценностей. Невостребованность данной ценности связана с особенностями юношеского возраста. В качестве приоритетных для данной возрастной группы выступают инструментальные ценности, которые способствуют утверждению человека в мире социальных отношений. Красота природы и искусства — это созерцательная ценность, не требующая проявления внешней социальной активности.

Инструментальные ценности, такие как «Рационализм» и «Высокие запросы» также оказались в списке отвергаемых. Студенты не видят ценности рационального мышления в достижении поставленных целей. Это может говорить о несформированной профессиональной позиции.

Ценность «Высокие запросы» предполагает наличие высоких требований к жизни и высоким притязаниям, данная ценность соотносится с профессиональной деятельностью. Ее отсутствие может плохо сказаться на формировании личности и профессиональном самоопределении. Невысокие запросы могут говорить о проблемах с мотивацией и самооценкой. Человек может считать себя недостойным заниматься определенной деятельностью.

К отвергаемым ценностям студенты отнесли «Исполнительность», «Аккуратность». В повседневной жизни данные качества требуют внутренней собранности и ответственности за свой внутренний мир. Поскольку данные ценности отрицаются, то должна ставиться под сомнение ценность ответственности. При этом «Ответственность» была отнесена студентами к приоритетным ценностям. Наличие этого противоречия говорит о том, что, скорее всего, студенты обладают расплывчатым представлением об ответственности.

Некоторое беспокойство вызывает низкий ранг инструментальной ценности «Честность». Данная ценность относится к стержневым нравственным ценностям, которые должны составлять основу для любой сферы деятельности. В современном мире нравственные ценности часто противопоставляются любви к комфорту, материальному богатству, эгоизму, стремлению к власти. Перед молодыми людьми встает проблема выбора между духовными ориентирами и материальными ценностями.

Заключение

Каждое поколение людей обладает своей системой ценностей, которая определяет их способ взаимодействия с миром и окружающими людьми. Цифровое поколение глубоко вовлечено в использование информационно-коммуникативных технологий, которые повлияли на все сферы жизнедеятельности молодого поколения и его сознание. В данном исследовании было показано влияние цифровизации на ценностно-смысловую сферу личности. Цифровому поколению сложно ставить цели на далекую жизненную перспективу из-за быстрых изменений, происходящих в мире, поэтому в ценностной сфере можно обнаружить отсутствие четких долгосрочных ориентиров. В силу того, что молодежь много времени проводит в виртуальной среде, можно наблюдать сужение круга интересов, активности и навыков саморегуляции в мире ценностей старшего поколения, что снижает навыки планирования и прогностической деятельности в этой сфере, поскольку молодежь не видит в ней никакой перспективы для себя. Неопределенность социальных, экономических условий требует от молодежи выработки позиции относительно своего личностного становления. Молодежь понимает свои трудности в планировании жизнедеятельности и осознает опасность, что их таланты лишены возможности развития в существующих условиях. Поэтому нельзя сказать, что современный человек живет в ценностном вакууме, молодежь озабочена поиском смысла жизни и ценностных ориентиров, поскольку понимает, что только смысл активизирует духовные силы и раскрывает перспективы дальнейшего развития для того, чтобы качественно изменить условия жизни.

Опрос представителей цифрового поколения показал, что студенты Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета видят смысл

жизни в получении удовольствий, в достижении личного счастья, в свободе и сохранении индивидуальности и творческой самореализации. Самыми важными ценностями для студентов являются здоровье, любовь, творчество, общественное признание, материальное благополучие, удовольствие. Данные ценности всегда были актуальны для юношеского возраста. Можно сказать, что современная молодежь ориентирована на получение удовольствий, приобретение материальных ценностей, отстаивание свободы и независимости, построение отношений, самовыражение, самоопределение и самореализацию, но для этого нужна совершенно иная социальная среда.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что смысл жизни цифровое поколение связывает с ярким проживанием настоящего, поскольку существующая социальная среда не дает им возможности перспективного планирования. Именно поэтому у молодежи преобладает гедонистическое отношение к жизни, и для нее имеет большее значение материальное благополучие. Цифровое поколение стремится к комфортной жизни: от покупок и активного отдыха до творческого самовыражения. Жизненные ценности и цели молодежи направлены прежде всего на реализацию собственных интересов в условиях очень высокой социальной динамики. Процесс самоактуализации превалирует над само-трансценденцией. Молодежи не хочется менять себя, подстраиваться под существующие условия, ей хочется изменить окружающий мир, а не ускользнуть от него. Молодежь не испытывает чувства ответственности за благо других людей и не стремится к осуществлению альтруистической деятельности, потому что социальная среда не дает для этих стремлений достойной цели. Да, альтруизм является основой для установления крепких связей в обществе, он способствует формированию гуманного общества, но это не нынешнее общество. Дело не в недооценивании альтруистических ценностей цифровым поколением, дело в формировании нового качественного уровня альтруизма, где общие интересы не противоречат интересам личности.

1. Алиева, Н. В. Специфика ценностей цифрового поколения в поликультурном регионе как фактор комплексной безопасности (на примере Астраханской области) / Н. В. Алиева // Проблемы комплексной

безопасности Каспийского макрорегиона: Материалы Международной научно-практической конференции. — Астрахань, 2022. — С. 18-27.

2. Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов. — М. : Питер, 2006. — 527 с.

3. Балтезаревич, Б. В. Влияние глобализационных тенденций, опосредованных технологией на индивидуальную, культурную и национальную идентичность / Б. В. Балтезаревич, М. Д. Миятович // Политическое пространство и социальное время: стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира: сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума. — Симферополь, 2022. — С. 7—14.

4. Богданова, В. О. Ценности и смыслжизненные ориентиры современной молодежи в цифровую эпоху / В. О. Богданова. — Челябинск : Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2022. — 172 с.

5. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 200 с.

6. Воскресенский, А. А. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний — к постановке проблемы / А. А. Воскресенский // Общество. Среда. Развитие. — 2018. — № 1. — С. 84—87.

7. Делёз, Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — Екатеринбург : У-Фактория; Москва : Астрель, 2010. — 892 с.

8. Денисова, А. Б. Деконструкция ценностей в эпоху постмодернизма / А. Б. Денисова // Социальная компетентность. — 2022. — Т. 7. — № 4 (26). — С. 316-326.

9. Зарубина, Н. Н. Этика ответственности современной российской молодежи Н. Н. Зарубина // Вестник МГИМО. — 2012. — № 6. — С. 250—257.

10. Кашук, Я. Переживание смысложизненного кризиса в юношеском возрасте / Я. Кашук // Образование и наука. Известия УрО РАО. — 2011. — № 6. — С. 52—60.

11. Краткий психологический словарь. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 512 с.

12. Лисаускене, М. В. Двадцать лет спустя — ретроспектива мнений поколений о путях развития российской цивилизации / М. В. Лисаускене // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология. — 2010. — № 4. — С. 9-17.

13. Лэнгле, А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности / А. Лэнгле: сборник статей. — М. : Генезис, 2008. — 158 с.

14. Лэнгле, А. Экзистенциальный анализ. Экзистенциальные подходы в психо-

терапии / А. Лэнгле. — М. : Когито-Центр, 2020. — 322 с.

15. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. — М. : Смысл, 1999. — 423 с.

16. Матвиенко, М. А. Ценности современной молодежи / М. А. Матвиенко // Молодой ученый. — 2015. — № 10 (90). — С. 1523—1525.

17. Омельченко, Е. Л. К вопросу о молодежных культурах в современной России / Е. Л. Омельченко, Г. А. Сабирова // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн.4. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. — С. 183-191.

18. Подстрахова, А. В. Поколение «цифрового века»: жизненные ориентиры и образовательные ценности / А. В. Подстрахова // Современные научные исследования и разработки. — 2018. — Т. 2. — № 11 (28). — С. 564-567.

19. Психологические тесты для профессионалов. — Минск : Современ. шк., 2007. — 496 с.

20. Радаев, В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В. В. Радаев // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15-33.

21. Строков, А. А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы / А. А. Строков // Вестник Мининского университета. — 2020. — Т. 8. — № 2. — 15 с.

22. Третьякова, В. С. Цифровое поколение: потери и приобретения / В. С. Третьякова, Н. Г. Церковникова // Профессиональное образование и рынок труда. — 2021. — № 2. — С. 53—65.

23. Трубина, Н. А. Трансформации моральных ценностей в цифровой коммуникации / Н. А. Трубина, Л. Р. Миркушина // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. — 2022. — № 3 (43). — С. 44-56.

24. Чвякин, В. А. Развитие науки в эпоху цифровизации: проблемы, тенденции, прогнозы / В. А. Чвякин, М. В. Поснова, И. И. Ивановская. — Петрозаводск : Новая наука, 2019. — 250 с.

25. Черников, Б. В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников / Б. В. Черников // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 385. — С. 153—158.

26. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. — М. : Прогресс, 1996. — 340 с.

27. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия И. Ялом. — М. : Класс, 2014. — 574 с.

28. Яницкий, М. С. Система ценностей ориентаций «поколения z»: социаль-

ные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун, Ю. В. Пелех, О. Маслова // Сибирский психологический журнал. — 2019. — № 72. — С. 46—67.

29. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. — 2001. — Vol. 9. — № 5. — Pp. 1—6.

30. Twenge, J. M. IGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy — and completely unprepared for adulthood (and what that means for the rest of us) J. M. Twenge — New York : Atria Books, 2017. — 342 p.

References

1. Alieva N.V. (2022) *Problemy kompleksnoj bezopasnosti Kapsijskogo makroregiona: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Astraxan, pp. 18—27 [in Rus].

2. Anczupov A.Ya. (2006) *Slovar konfliktologiya*. Moscow, Piter, 527 p. [in Rus].

3. Baltezarevich B.V., Miyatovich M.D. (2022) *Politicheskoe prostranstvo i socialnoe vremya: strategicheskij vektor obshhestvennogo razvitiya v usloviyax policentrichnogo mira: sbornik nauchnyx trudov XXXIX Mezhdunarodnogo Xaraskogo foruma*. Simferopol, pp. 7—14 [in Rus].

4. Bogdanova V.O. (2022) *Cennosti i smyslzhiznennye orientiry sovremennoj molodezhi v cifrovuyu epoxu*. Chelyabinsk, Izd-vo Yuzhno-Ural. gos. guman.-ped. un-ta, 172 p. [in Rus].

5. Vasilyuk F.E. (1984) *Psixologiya perezhivaniya*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 200 p. [in Rus].

6. Voskresenskij A.A. (2018) *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*, no. 1, pp. 84—87 [in Rus].

7. Delez Zh., Gvattari F. (2010) *Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya; Moscow, Astrel, 892 p. [in Rus].

8. Denisova A.B. (2022) *Socialnaya kompetentnost*, vol. 7, no. 4 (26), pp. 316—326 [in Rus].

9. Zarubina N. N. (2012) *Vestnik MGIMO*, no. 6, pp. 250—257 [in Rus].

10. Kashhuk Ya. (2011) *Obrazovanie i nauka. Izvestiya URO RAO*, no. 6, pp. 52—60 [in Rus].

11. *Kratkij psixologicheskij slovar* (1998). Rostov-on-Don, Feniks, 512 p. [in Rus].

12. Lisauskene M. V. (2010) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politologiya*, no. 4, pp. 9—17 [in Rus].

13. Lengle A. (2008) *Person. Ekzistencialno-analiticheskaya teoriya lichnosti: sbornik*

statej. Moscow, Genezis, 158 p. [in Rus].

14. Lengle A. (2020) *Ekzistencialnyj analiz. Ekzistencial'nye podxody v psixoterapii*. Moscow, Kogito-Centr, 322 p. [in Rus].

15. Maslou A. (1999) *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody*. Moscow, Smysl, 423 p. [in Rus].

16. Matvienko M.A. (2015) *Molodoj uchenyj*, no. 10 (90), pp. 1523—1525 [in Rus].

17. Omelchenko E.L., Sabirova G.A. (2017) *XVII Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshhestva: v 4 kn. Kn.4*. Moscow, Izdatelskij dom NIU VShE, pp. 183—191 [in Rus].

18. Podstraxova A.V. (2018) *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, vol. 2, no. 11 (28), pp. 564—567 [in Rus].

19. *Psixologicheskie testy dlya professionalov* (2007). Minsk, Sovrem. shk., 496 p. [in Rus].

20. Radaev V.V. (2018) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 15—33 [in Rus].

21. Stokov A.A. (2020) *Vestnik Mininskogo universiteta*, vol. 8, no. 2, 15 p. [in Rus].

22. Tretyakova V.S., Cerkovnikova N.G. (2021) *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda*, no. 2, pp. 53—65 [in Rus].

23. Trubina N.A., Mirkushina L.R. (2022) *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 3 (43), pp. 44—56 [in Rus].

24. Chvyakin V.A., Posnova M.V., Ivanovskaya I.I. (2019) *Razvitie nauki v epoxu cifrovizacii: problemy, tendencii, prognozy*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 250 p. [in Rus].

25. Chernikov B.V. (2014) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 385, pp. 153—158 [in Rus].

26. Erikson E. (1996) *Identichnost: yunost i krizis*. Moscow, Progress, 340 p. [in Rus].

27. Yalom I. (2014) *Ekzistencialnaya psixoterapiya*. Moscow, Klass, 574 p. [in Rus]

28. Yaniczkiy M. S., Seryj A. V., Braun O. A., Pelex Yu. V., Maslova O. (2019) *Sibirskij psixologicheskij zhurnal*, no. 72, pp. 46—67 [in Rus].

29. Prensky, M. (2001) *On the Horizon*, vol. 9, no. 5, pp. 1—6 [in Eng].

30. Twenge J.M. (2017) *IGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy — and completely unprepared for adulthood (and what that means for the rest of us)*. New York, Atria Books, 342 p. [in Eng].

Статья поступила в редакцию 06.11.2022

For citing: Bogdanova, V. O. Value orientations and life purposes of the digital generation representatives as exemplified by the students of a pedagogical university: a socio-axiological aspect of the study / V. O. Bogdanova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 39—50. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-39-50. — EDN QVGFWN.

UDC 316.77

EDN QVGFWN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-39-50

**VALUE ORIENTATIONS
AND LIFE PURPOSES
OF THE DIGITAL GENERATION
REPRESENTATIVES
AS EXEMPLIFIED
BY THE STUDENTS
OF A PEDAGOGICAL
UNIVERSITY:
A SOCIO-AXIOLOGICAL
ASPECT OF THE STUDY**

Veronika O. Bogdanova^{1, 2}

¹ South Ural State
Humanitarian Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,

² South Ural State University,
(National Research University),
Associate Professor, Department of Philosophy,
Cand.Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: verovictory@mail.ru

Abstract

Introduction. In socio-philosophical research, the study of the value-semantic sphere of the digital generation is becoming more relevant. In the article, the author conducts a theoretical analysis of the literature, reveals the ideas of modern scientists about the digital generation. In the empirical part of his research, the author reveals the life meanings and value orientations of today's youth.

The purpose of the article is to study life meanings and value orientations of modern youth.

Methods. The study uses a comparative analysis of scientific literature, using the questionnaire "On the meaning of life" by V.E. Chudnovsky and the questionnaire "Value Orientations" by M. Rokeach.

The scientific novelty of the research. The work focuses on the digital generation's ideas about the meaning of life. The digital generation associates the meaning of life with the vivid living of the present, since the existing social environment does not give them the opportunity for long-term planning. That is why they have a hedonistic attitude to life. Thus, the process of self-actualization prevails over self-transcendence.

Results. The studies indicate that representatives of the digital generation see the meaning of life in achieving personal happiness, in freedom and maintaining individuality and self-realization. The most important values for young people, which determine their value orientations, are health, love, creativity, social recognition, material well-being, and pleasure.

Conclusions. In the value sphere of the digital generation, one can detect the absence of clear long-term guidelines due to the continuous changes taking place in the social environment. The uncertainty of social and economic conditions causes difficulties in planning the life of today's youth; however, the digital generation is concerned about the search for the meaning of life and value orientations. Although a hedonistic attitude to life prevails among young people, there is a desire to form a new qualitative level of altruism, where common interests do not contradict the interests of the individual.

Keywords:
meaning of life,
values,
value orientations,
digital generation,
digitalization

Для цитирования: Батурина, И. В. Трансгуманистические перспективы политико-правовых трансформаций в контексте интенсификации развития систем искусственного интеллекта / И. В. Батурина // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 51—60. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60. — EDN TBHPXG.

УДК 101.1 : 316.3

EDN TBHPXG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Батурина Ирина Валерьевна,

Южно-Уральский государственный университет, старший преподаватель кафедры философии, кандидат исторических наук. Челябинск, Россия. E-mail: devizzina@mail.ru

Аннотация

Введение. Инновационизм в различных областях жизнедеятельности общества изменил как природную, так и социальную среду. Скорость перемен в новом информационно-коммуникативном поле является причиной возникновения множества вопросов, связанных с изучением проблем общества и машины, выяснением места искусственного интеллекта в социальных отношениях. Эти процессы стимулировали появление философских исследований, предметом изучения которых являлся человек, современные технологии, сценарии развития общества, социокультурные и политико-правовые формы его организации. С 90-х гг. XX в. на Западе и позднее в России формируется трансгуманистическая концепция, особым образом связывающее человека, социум и технологии. Представители трансгуманизма изучают технические разработки человеческого бессмертия и выстраивают модели совершенного человека, преследуя в качестве цели избавление его от страданий и болезней. Трансгуманистические перспективы актуализируют необходимость объективной, конструктивно-критической оценки возможных достоинств и рисков технологического развития и его воздействие на политико-правовое устройство. В этой связи принципиально важна способность к видению и вычленению особенностей этого процесса и последующей рефлексии.

Цель. Цель статьи — рассмотреть политико-правовые трансформации в контексте взаимодействия современных технологий и социума через призму трансгуманистических перспектив, выявить возможные направления философской рефлексии политико-правовых модусов современности.

Методы. Для достижения поставленной цели исследования были использованы общенаучные методы познания: анализ и синтез, индукция, дедукция, сравнение, абстрагирование. В статье также применялся институционально-функциональный и системно-структурный подходы, метод интерпретации и контент-анализа. Аналитика общественного мнения и специальной маркировки искусственного интеллекта была проведена с помощью обращений к сетевому контенту (социальные сети, блоги, форумы). Каналы коммуникации воспроизводят сообщения, упоминающие о современных технологиях с точки зрения обывательского мировосприятия, основанного на транслируемых в обществе стереотипах и влиянии популярной культуры. Контент-анализ выявил актуальность спектра маркировки относительно системы искусственного интеллекта, включающей глаголы «создаст», «уничтожит», «поможет», «поработит». По поводу сферы труда, права и политики позиции расходятся от откровенного алармизма до утопических образов социальной благоустроенности.

Научная новизна исследования. В данной статье анализируются перспективы рассмотрения феномена социальных трансформаций, формы их репрезентации через политические и правовые взгляды на примере трансгуманизма.

Результаты. Автором сделана попытка дать комплексное описание социальных изменений в области государственного управления, правового регулирования, правосубъектности и юридической ответственности, социального равенства участников правоотношений через специфическое преломление этих социальных явлений в трансгуманистических идеях. Перечисляется спектр основных проблем, находящихся в сфере интересов трансгуманистического мировоззрения.

Выводы. Обращение к модернизационным стратегиям на примере трансгуманизма является закономерной и необходимой потребностью в политико-правовой сфере, в частности. В процессе анализа был обозначен широкий спектр проблем, которые актуализируют социальные и аксиологические и антропологические оптики исследований. Многообразные формы трансгуманистических политических направлений выступают как проявления социально-правовой рефлексии на интенсификацию инновационизма, который способен радикально изменить человеческую природу.

Ключевые слова: наука и техника, инновационизм, высокие технологии, искусственный интеллект, социальное пространство, политика и право, трансгуманизм

Введение

Информационная среда, в которой находится современный человек, требует адаптации к условиям цифровизации. Ценностные ориентации, мировоззрение личности и общества находятся в активном динамическом процессе, облекаясь в новые модификации, порожденные воздействием «виртуальной реальности».

Интенсивное развитие технологий приводят к констатации неизбежности общественных изменений. Скорость перемен в новом информационно-коммуникативном поле является причиной возникновения множества вопросов, связанных с изучением проблем взаимодействия машины, человека и общества, выяснением места искусственного интеллекта в системе социальных отношений, выработкой мировоззренчески и методологически взвешенных позиций в исследовании информационных и интеллектуальных систем и применением их в жизни, выделением характерных особенностей и специфики научно-технической трансформации будущего, выявлением новых парадигм и приоритетных направлений техногенной цивилизации, сценариев развития общества и др. Цифровые технологии изменяют привычные элементы социальных взаимосвязей. По мысли Р. Д. Купера, эра информационных технологий настолько плотно вошла в нашу жизнь, что все сферы жизнедеятельности общества (политика, право, образование) так или иначе оказались задействованы в ней [5, с. 17]. Системы искусственного интеллекта создаются людьми и отражают спектр их потребностей и образа жизни, они организуют новые условия бытия, особые способы передачи и обработки информации. Рассматриваемый феномен породил множество дискуссий среди ученых, представителей общественности и бизнес-структур в связи с положительными и отрицательными эффектами его воздействия на сознание отдельного человека и общества в целом. Существенно изменяя социокультурную среду, технологии трансформировали систему ценностей личности. Активное их использование человеком во многом автоматизировало коммуникацию, убыстрило решение практических вопросов. Зачастую, применяя блага технической деятельности, человек избегает осмысления этого процесса. При минимальных затратах, используя плоды научно-технического творчества, общество извлекает видимую сиюминутную выгоду. В этой связи важно определить

условия технологической жизни социума в будущем, риски и перспективы развития систем искусственного интеллекта. Все это обусловило необходимость философского осмысления социального дискурса инфотехнологического инновационизма.

Организация процесса деятельности органов публичной власти в контексте технологического развития

Преобразования коснулись и политической системы, ее институциональных элементов и структур. Одним из актуальных вопросов является организация процесса принятия решений государственно-властными органами в связи с современными технологическими новшествами. С точки зрения А. Н. Пилипенко, функционал государственно-властных органов в связи с расширением и распространением автоматических электронных систем и информационных ресурсов трансформировался, в ряде случаев произошло замещение одного другим, оптимизировался процесс подачи документов и др. В настоящее время популярность стали набирать различного рода прогностические выкладки и аналитические данные. Создаются информационные системы с функцией быстрого поиска, позволяющие автоматизировать процесс принятия управленческих решений и в целом облегчить процесс деятельности органов публичной власти [9, с. 114—189].

В проблемное поле выходят вопросы соотношения и взаимосвязи деятельности в сфере принятия управленческих решений роботом и должностным лицом, режим использования электронных технологий представителями органов государственной власти, работниками судебной системы и законотворчества.

В современных условиях цифровизации основания и виды управленческих решений изменяются, что является актуальным вопросом в деятельности институтов публичной власти. Так, в нашей стране в 2017 г. произошел переход к автоматической системе «Правосудие», которая позволяет весьма успешно реализовать гражданам Российской Федерации свои права и законные интересы, связанные с обращением в органы судебной власти в электронном режиме, что является непосредственной демонстрацией примера изменения формы правоприменения в связи с интенсификацией технологических процессов в обществе.

Председатель правления Сбербанка Г. Греф озвучил свою позицию относительно использования «технологических благ». Она свелась к мысли о том, что процесс составления исковых заявлений был автоматизирован, вследствие этого нужна в 450 юристах банка пропала [10].

Следует признать, что искусственный интеллект способствует облегчению деятельности должностных лиц, действия по составлению документации, системных запросов упрощаются. Однако, с другой точки зрения, управление — это целостный механизм, «живая» система, которая подразумевает участие человека. Ценность неформального подхода обуславливается тем, что право — это не только комплекс нормативных предписаний, формализованных и официальных, это система решений, которая позволяет разрешать конфликтные ситуации и юридические споры. Данные решения продиктованы сознанием и волей конкретных личностей (должностных лиц, судей, прокуроров), которые опираются в своих волеизъявлениях на букву закона, руководствуясь объективностью и фундаментальными принципами права, задекларированными в основных нормативно-правовых актах государства.

В научной литературе высказывается идея о том, что фундамент правовой структуры должен быть незыблем в смысле присутствия фигуры человека в ней. Тенденции излишней механизации могут привести к противоречивым последствиям, в первую очередь, в зоне несения ответственности за принятия управленческих решений [11, с. 8].

Нормативное регулирование правового статуса искусственного интеллекта

Проблема правовой регламентации в сфере разграничения правосубъектности (расширение границ правосубъектности интеллектуальных систем или создание отраслей права — для людей и роботов [25, с. 155—179]) все более актуализируется в связи с наличием прецедентов противоправных деяний, совершенных искусственным интеллектом в результате его сбоя или саморазвития. Таким образом, проблема правосубъектности дополняется проблемой ответственности.

В связи с тенденциями антропоморфизации роботов, а также автономностью их действий наблюдается изменение понимания категории «искусственный интеллект» от сугубо технического контекста к социаль-

но ориентированному. Так, ученые, изучая искусственный интеллект с точки зрения междисциплинарного подхода, предложили определять его статус как агента [24, с. 513—563]. Определение роли, места изучаемого явления в социальном, правовом, политическом пространстве становится актуальным для правового регулирования в государстве.

В юридической доктрине сложилось несколько подходов к интерпретированию правового статуса искусственного интеллекта. В одном из них робот постулируется как инновационное техническое средство, следовательно, и в правовое пространство он попадает в качестве объекта права, который воздействует на правоотношения. Л. Соулум в своих научных работах в рамках данного подхода обозначил аргументы, по которым искусственный интеллект в законе должен быть признан в качестве объекта права [26, с. 1231—1287].

С точки зрения Э. В. Талапиной, робот — это новый субъект права. Возникновение данной правовой категории непосредственно связано с совершенствованием технологических новшеств, поэтому искусственный интеллект является субъектом права, как и человек. Статус «цифровой личности» должен быть закреплен в законе, его правомочность должна найти отражение во всех областях права [14, с. 9]. Э. В. Талапина обращает внимание на способность искусственного интеллекта к самостоятельному принятию решений, к самообучению и автономной деятельности, поэтому здесь встает вопрос о признании робота личностью, а с правовых позиций — субъектом права. В силу этого искусственный интеллект становится правомочным реализовывать субъективные права и исполнять юридические обязанности.

Здесь важно обозначить еще один аспект, связанный с равноуровневым функционалом: человекоподобный робот и банкомат, например. Подобное сравнение, приводит к тезису о том, что данные платформы имеют различную структуру и сложность. Не представляется возможным поставить в один ряд самообучающуюся, автономную технологию и электрическую систему с заданной программой функционирования. При законодательном закреплении юридического статуса такого рода субъектов права необходимо учитывать особенности подобных систем, очерчивая их правосубъектность, юридические обязанности и ответственность [19, с. 383].

В правовой доктрине также используется термин «квази-субъект» права или специфический объект права. Эта альтернативная

позиция, согласно которой, данная категория не наделяется полноценной правосубъектностью [3, с. 314]. Применительно к рассматриваемому вопросу можно привести «концепцию о робототехнике», которую разработали совместно юрист В. Наумов и глава Совета директоров компании Д. Гришин «Mail.ru». В теории права роботы подобны животным, поэтому они должны иметь правосубъектность, однако в системе юридических норм остаются правовыми объектами. Искусственный интеллект иррационален, однако, как и животное, он способен к автономным действиям [4].

Ученые-юристы предлагают еще одну формулировку исследуемой категории — «электронное лицо» [22]. Данное понятие входит в состав юридической науки и берет свое начало с трактата Г. Кельзена. Правосубъектность — это не природная данность, а юридическая конструкция, которая была создана для описания фактических составов, закрепленных законодательно. Под субъектом права понимается «индивидуализируемое единство совокупности правовых норм», которое регламентирует и определяет субъективные права и юридические обязанности, основанные на определенном поведении [6, с. 212—219]. Таким образом, термин «электронное лицо» может быть использован в отношении искусственного интеллекта [1, с. 39—45].

Обобщая, можно констатировать, что категория «искусственный интеллект» с точки зрения юридической науки находит свое преломление в спектре разносторонних интерпретаций. С точки зрения правового статуса интеллектуальные машины оказываются между объектом и субъектом права. Одни ученые отрицают необходимость их наделятия правосубъектностью, видя в них объектов права, другие — наоборот, третьи предлагают ввести новые правовые понятия с специфическим набором элементов правомочности и ответственности («квази-субъект», «электронное лицо»).

Репрезентация политико-правовых взглядов в трансгуманистической проблематике

Применение искусственного интеллекта трансформирует окружающую среду, а в частности социальную, политическую и правовую структуру. Общество, сталкиваясь с результатами четвертой промышленной революции и с назревшими экологически-

ми рисками, вынуждено адаптироваться к техносреде.

В связи с этим современные социальные практики порождают различные интерпретации в науке и новые философские концепты. Одной из них является трансгуманистическая проблематика, предполагающая использование новаций для преобразования человечества: избавления человека от боли и болезней, от страданий, увеличение его физического и интеллектуального потенциала, совершенствование способностей, расширение границ, повышение качества жизни в современном обществе [2; 8].

На уровне социальной системы в трансгуманистической доктрине технологии являются источником изменения природы человека, что, в свою очередь, влечет трансформацию общественного устройства. Данная тенденция несет в себе вопросы углубления социального неравенства и в целом затрагивает проблемы организации человеческого общежития.

Оптимальное функционирование общества связано в том числе и с формированием сознания массового человека. В этическом плане оно может рассматриваться сквозь призму противоположных нравственных категорий эгоизма и альтруизма [13] что в условиях интенсификации информационно-технологического инновационизма приобретает особую значимость.

В трансгуманизме также высказывается идея об эволюции человека. В частности, координированию подвергается не только ее биологическая составляющая, но и социальная. Этот процесс ведет к выстраиванию новых форм социальных отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Одним из принципиальных положений, декларируемых в трансгуманистической концепции, является мысль о том, что интенсивное развитие высоких технологий, тотальная цифровизация и прогресс в целом изменит биосоциальную природу человека, что повлечет за собой открытый доступ к ресурсам для каждого человека [7, с. 9].

Еще одним актуальным вопросом, связанным с социальными и политико-правовыми аспектами воплощения в практическую действительность идей трансгуманизма, является проблема внедрения передовых технологий, в частности вопрос о последствиях, которые будут наблюдаться в различных сферах жизнедеятельности общества при широком распространения инноваций. Н. Бостром и его единомышленники рассматривают эту проблему с точки

зрения этического утилитаризма. Фокус внимания сосредоточен здесь на самом содержании продукта и его «побочных эффектов» от использования той или иной инновации в процессе ее исследования и экспериментов на человеке. И, как следствие, дискуссия о справедливом распределении результатов технологии и соблюдения при этом прав и свобод людей [16, с. 311—341].

В политическом самоопределении трансгуманистической концепции можно выделить несколько политических течений, представители которых предлагают и обосновывают разные способы экономического и политико-правового управления эволюцией человеческого вида: либертарианская идеология, демократический трансгуманизм, технопрогрессизм и другие многочисленные формы репрезентации политических взглядов.

Источником в процессе оформления многочисленных направлений политической мысли в трансгуманистической парадигме стали различные направления либертарианской идеологии. Одной из них является философия экстропианства [21, с. 5—8], ключевыми моментами которой выступают независимость и автономность частной жизни, отсутствие государственного давления на личность, экономику, свободный рынок, право каждого человека на распоряжение своей жизнью и телом [12, с. 56—60].

Понятие «либертарианский трансгуманизм» впервые использовали Р. Бейли [15] и Г. Рейнольдс [23]. В своих работах авторы делают акцент на политические и экономические условия, фундаментирующие дальнейшее эволюционирование человека в контексте многочисленных технологических новаций. Они считают, что свободный рынок, который, с их позиций, обеспечивает частную свободу и развитие, выступает лучшим гарантом права на расширение антропологических возможностей. В основе данного мировоззрения лежат такие принципы, как разумный эгоизм и рациональность в отношении использования новых технологий. Ограничения права на расширение возможностей собственного тела либертарианские трансгуманисты воспринимают как нарушение гражданских прав.

Родоначальником второго политического направления трансгуманистической политико-правовой мысли являются Н. Бостром и Д. Хьюз. В 2004 г. Д. Хьюз издает работу [20], в которой определяется термин «демократический трансгуманизм». Основными тезисами данного политического на-

правления являются положения о том, что все должны быть равны в праве на доступ к технологиям улучшения антропологического потенциала, рациональный контроль природных и социальных сил, горизонтальная структура социума, общественные методы — это основа для решения всех правовых проблем в этом контексте. При принятии государственных решений представители течения видят возможным применение демократических процедур, которые должны объединить сильные аспекты рыночной экономики и государственные методы с целью преодоления социального неравенства и уменьшения разрыва между социально-экономическими классами.

Также Д. Хьюз определил ряд «левых техно-утопических» тенденций, которые могут быть включены в демократический трансгуманизм. Среди них наносоциализм, научная фантастика афроамериканского, феминистского толка, ЛГБТ-направлений, движение биопанка, энвайронменталистское учение и движение за преодоление экологического кризиса и др.

Технопрогрессисты — представители еще одного политического течения в трансгуманистических перспективах. В работах Д. Каррико [18] содержится мысль о том, что идеи эволюции и прогресса должны иметь в первую очередь социальный и этический акцент, и только после — научный и технический. Изначально надо предпринимать меры по укреплению основ социального государства и гражданского общества, изживать социальное и культурное неравенство, строить систему устойчивой демократии. Любая технология может быть потенциально использована как средство угнетения. Поэтому справедливое распределение затрат, социальное равенство, четкая правовая регламентация техно-прогрессивных тенденций является залогом успешного прогресса.

Таким образом, в сфере внимания трансгуманистической мысли находят свое отражение разнообразные проблемы, локализуемые в сферах политики и права. Данная парадигма находится в стадии формирования, поэтому содержит в себе элементы научной фантастики, публицистики, пропаганды. Кризис гуманизма и наметившиеся изменения (экологические риски, интенсификация инновационных разработок, активно развивающаяся цифровая среда) приводят к мысли о необходимости применения прогностики. Одной из возможных модуляций в этом процессе может оказаться оформляющиеся трансгуманистические идеи.

Во многом политические и правовые конструкты данной доктрины строятся на манифестах и лозунгах. Тем не менее суть позиций заключается в приоритетном значении информации и технологии в ценностной структуре и правовых основах данной перспективы. Также акцентируется внимание на рациональности, инновационности, политической и экономической либеральности с возникающими возможностями неограниченного производственного роста и растущей динамикой потребления.

Заключение

Обращение к модернизационным стратегиям на примере трансгуманизма является закономерной и необходимой потребностью в политико-правовой сфере. Уже сейчас общество и система государственного управления сталкивается с вопросами определения правового статуса систем искусственного интеллекта, разграничением пределов автоматизации и непосредственного волеизъявления должностного лица при принятии властных решений. От того, какую позицию займет государство в разрешении этих противоречий, зависит будущее как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Трансгуманизм в этом смысле предлагает различные сценарии, выражающиеся в политико-правовом самоопределении этой концепции.

Рассмотренные ранее назревшие проблемы социальных трансформаций в области государственного управления (режим использования электронных технологий властными структурами, «электронное правосудие», автоматизация государственных услуг), правового регулирования (разграничение правосубъектности киберсистем, людей и животных, проблема возложение вины и ответственности за содеянное, социальное равенство участников правоотношений) находят специфическое преломление в трансгуманистических взглядах, что позволяет разностороннее выявить модусы описываемых социальных феноменов. Их связи с позициями либертарианской идеологии, демократическим трансгуманизмом, технопрогрессизмом открывают возможность спрогнозировать проблемы, выявить «уязвимые места» в контексте технологического прогресса.

Технопрогрессивизм более «осторожен» в своих прогностических выкладках, его идеологи конституируют мысль о нравственном фундаменте прогресса, о необходимости его законодательного закрепления

с выработкой основополагающих этических начал и принципов. Важным условием для введения трансгуманистических идей является социальная адаптированность, создание основ гражданского общества и социального равенства. Эти позиции не лишены рационального зерна, которое может быть возвращено при решении конкретных вопросов в системе государственного и правового управления. В частности это относится к выработке механизма применения систем искусственного интеллекта с точки зрения защиты основополагающих прав человека (защита от дискриминации и избирательного применения, сокращение рисков разглашения конфиденциальной информации и др.).

В дискурсе правовой регламентации технологических новшеств и их применения человеком либертарианский трансгуманизм более радикален. Это обусловлено тем, что исторически данное направление возникло в среде американских бизнесменов, специалистов по информационным технологиям и отчасти отражает их стремления к получению максимальной свободы в условиях рынка. Расширение возможностей тела человека с помощью «благ прогресса» уславливается как его неотъемлемое гражданское право. Поэтому нарушение этого права должно повлечь наступление юридической ответственности. Эта идея представляется нам довольно дискуссионной. В трансгуманистической проблематике тело, в том числе и психика человека, как бы включены в производственные процессы. Они выступают в качестве продукта на последней стадии «изготовления». Разработка и применение новых технологий требуют глубокого осмысления представителями разных социальных групп. Сугубо технократический подход может привести к неоднозначным последствиям. В конечном итоге общество может столкнуться с человеком как с типичным изделием высокотехнологического конвейера. Игнорирование опасностей, погоня за «безграничными возможностями», конструирование будущего, где нет боли, страдания и смерти, может свестись к очередной утопической концепции.

Демократический трансгуманистический дискурс более альтернативен в этом смысле, он сводится к мысли об объединении государственных методов регулирования и преимуществах механизма действия системы рыночной экономики. Данная идея может быть положена в основу диалога между государством и представителями бизнес-структур в контексте применения

технологий искусственного интеллекта. Например, может быть использована при реализации государством принципа стимулирования развития технологий, поддержки конкуренции, обеспечении для всех, включая представителей малого и среднего бизнеса, возможностей для доступа к необходимым в процессе разработки киберсистем, информации из государственных и муниципальных баз данных, а также активное вовлечение компаний — разработчиков технологических новшеств — в процесс экспертной оценки и процесс формирования нормативных актов в сфере развития искусственного интеллекта.

Освещенные в статье формы трансгуманистических политических направлений выражают своеобразный результат социальной рефлексии на интенсификацию применения систем искусственного интеллекта. Трансгуманистические перспективы порождают новые вопросы и способы преобразования человека и общества в контексте технологического развития, актуализируют необходимость обстоятельной, конструктивно-критической оценки его возможных достоинств и рисков, воздействия на политико-правовое устройство и общественные структуры в настоящее время и в ближайшем будущем. Они могут нести в себе интеграционный потенциал, способный стимулировать и концентрировать усилия науки и техники, а могут в своем радикализме оказать негативное влияние на общественные политико-правовые процессы.

1. Баранов, П. П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2018. — № 1. — С. 39—45.

2. Введение в трансгуманизм // Сайт Российского Трансгуманистического Движения. — URL: <http://transhuman.ru/biblioteka/vvodnyematerialy/vvedenie-v-transgumanizm> (дата обращения: 02.11.2022).

3. Голубцов, В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права / В. Г. Голубцов. — М.: Статут, 2021.

4. Гришин, Д. Закон об робототехнике / Д. Гришин. — URL: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/> (дата обращения: 03.06.2022).

5. Купер, Р. Д. Седьмое чувство. Под знаком предсказуемости: как прогнозировать и управлять изменениями в цифровую эпо-

ху / Р. Д. Купер [Пер. с англ. Э. Ибрагимовой, А. Рудницкой]. — М.: Эскимо, 2017.

6. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. — СПб.: Алеф-Пресс, 2015. — С. 212-219.

7. Маслов, В. Н. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе / В. Н. Маслов: дис. ... д-ра филос. наук. — Н. Новгород, 2014.

8. Определение трансгуманизма // Сайт Российского Трансгуманистического Движения. — URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/555/110/> (дата обращения: 02.11.2022).

9. Пилипенко, А. Н. Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах / А. Н. Пилипенко. — М.: Инфотропик Медиа, 2021.

10. Погрефность // Российская газета. 2017, 25 июля. — URL: <https://rg.ru/gazeta/2017/07/25.html> (дата обращения: 02.06.2022).

11. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологического бизнеса в национальном и глобальном контексте: коллективная монография / Под. общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. — М.: Проспект, 2021.

12. Рыбаков, О. Ю. Трансгуманизм Макса Мора: автаркия и отчуждение / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова // Философия права. — 2013. — № 3. — С. 56-60.

13. Субботина, Н. Д. Феномен гуманизма и идея гуманизма / Н. Д. Субботина. — Чита: ЗабГУ, 2018.

14. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 9.

15. Bailey, R. Trans-Human Expressway: Why libertarians will win the future / R. Bailey. — URL: <http://reason.com/archives/2005/05/11/transhuman-expressway> (дата обращения: 01.11.2022).

16. Bostrom, N. Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges / N. Bostrom, A. Sandberg // Science and Engineering Ethics. — 2009. — Vol. 15(3). — Pp. 311—341.

17. Carrico, D. Condensed Critique of Transhumanism / D. Carrico // Amor Mundi. 2009. — URL: <https://amormundi.blogspot.com/2009/01/condensedcritique-of-transhumanism.html> (дата обращения: 14.10.2022).

18. Carrico, D. Technoprogressivism Beyond Technophilia and Technophobia / D. Carrico // The Technoprogressive. 2006. — URL: <http://technoprogressive.blogspot.com>

com/2006/08/technoprogressivism-beyond.html (дата обращения: 02.11.2022).

19. Cerka, P. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence / P. Cerka, J. Grigiene, G. Sirbikyte // *Computer Law & Security Review*. — Vol. 31. — Iss. 3. — P. 383.

20. Hughes, J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigning Human of the Future / J. Hughes. — Cambridge, MA : Westview Press, 2004.

21. More, M. The Extropian Principles / M. More // *Extropy*. — 1992. — Vol. 4. — Iss. 1. — Pp. 5—8.

22. Morhat, P. M. On the issue of legal personality of an «electronic person» / P. M. Morhat // *Legal Studies*. — 2018. — № (4). Pp. 1—8. — URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (дата обращения: 03.06.2022).

23. Reynolds, G. An Army of Davids: How Markets and Technology Empower Ordinary People to Beat Big Media, Big Government, and Other Goliaths / G. Reynolds. — Nashville : Thomas Nelson, Inc. 2006.

24. Robotics and the lessons of cyberlaw // *California Law Review*. — 2015. — № 103(3). — Pp. 513—563.

25. Solaiman, S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy / S. M. Solaiman // *Artificial Intelligence and Law*. — 2017. — Vol. 25. — Iss. 2. — Pp. 155—179.

26. Solum, L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences / L. B. Solum // *North Carolina Law Review*. — 1992. — № 7 (4). — Pp. 1231—1287.

References

1. Baranov P.P (2018) Severo-Kavrazskii jridicheskii vestnik, no. 1, pp. 39-45 [in Rus].

2. Vvedenie v transgumanizm [Introduction to Transhumanism], available at: <http://transhuman.ru/biblioteka/vvodnyematerialy/vvedenie-v-transgumanizm> (accessed 02.11.2022) [in Rus].

3. Golubtsov V. G. (2021) Rossiiskaya Federatsiya kak sub'ekt grazhdanskogo prava. [The Russian Federation as a subject of civil law]. Moscow, Statut [in Rus].

4. Grishin D. Zakon o robototekhnike [The Law on Robotics], available at: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/> (accessed 03.06.2022) [in Rus].

5. Kuper R. D. (2017) Sed'moe cyuvstvo. Pod znakom predskazuemosti: kak prognozirovat' i upravlyat' izmeneniyami v tsifrovuyu epohy [The seventh sense. Under the sign of predictability: how to predict and manage changes in

the digital age]. Moscow, Eskimo [in Rus].

6. Kel'zen G. (2015) Chistoe uchenie o prave [Pure doctrine of law]. Saint Petersburg, Alef-Press6 pp. 212-219 [in Rus].

7. Maslov V. M. (2014) Visokie tehnologii i fenomen postchelovecheskogo v sovremenom obzhyestve. [High technologies and the phenomenon of the posthuman in modern society]. N. Novgorod, p. 9 [in Rus].

8. Optdelenie transgumanizma [Definition of Transhumanism], available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/555/110/> (accessed 02.11.2022) [in Rus].

9. Pilipenko A. N. (2021) Tendentsii tsifrovizatsii ispolnitelnoi vlasti v zarubezhnykh stranach [Trends in digitalization of executive power in foreign countries]. Moscow, Infotropic Media [in Rus].

10. Pogrefnost' [Pogrefnost'] (2017). *Rossiiskaya gazeta*, available at: <https://rg.ru/gazeta/2017/07/25.html> (accessed 02.06.2022) [in Rus].

11. Pravovoe regulirovanie tsifrovoi ekonomiki v sovremennikh usloviyakh razvitiya visokotekhnologicheskogo biznesa v natsionalnov i globalnom kontekste (2021) [Legal regulation of the digital economy in modern conditions of high-tech business development in a national and global context]. Moscow, Prospekt [in Rus].

12. Ribakov O. YU., Tichonova S. V. (2013) *Filosofia prava*, no. 3, pp. 56-60 [in Rus].

13. Subbotina N. D. (2018) Fenomen gumannosti i ideya gumanizma [The phenomenon of humanity and the idea of humanism]. Chita, ZabGU [in Rus].

14. Talapina E. V. (2018) Zhurnal rossiiskogo prava, no. 2, p. 9 [in Rus].

15. Bailey R. Trans-Human Expressway: Why libertarians will win the future, available at: <http://reason.com/archives/2005/05/11/transhuman-expressway> (accessed 01.11.2022) [in Eng].

16. Bostrom N., Sandberg A. (2009) Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges. *Science and Engineering Ethics*, vol. 15(3), pp. 311—341 [in Eng].

17. Carrico D. (2009) Condensed Critique of Transhumanism. *Amor Mundi*, available at: <https://amormundi.blogspot.com/2009/01/condensedcritique-of-transhumanism.html> (accessed 14.10.2022) [in Eng].

18. Carrico D. (2006) Technoprogressivism Beyond Technophilia and Technophobia. *The Technoprogressive*, available at: <http://technoprogressive.blogspot.com/> 2006/08/technoprogressivism-beyond.html (accessed 02.11.2022) [in Eng].

19. Cerka P., Grigiene J., Sirbikyte, G. Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence.

Computer Law & Security Review, 31, iss. 3, p. 383 [in Eng].

20. Hughes J. (2004) Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Cambridge, MA: Westview Press [in Eng].

21. More M. (1992) The Extropian Principles. *Extropy*, vol. 4, no. 1, pp. 5-8 [in Eng].

22. Morhat P. M. (2018) On the issue of legal personality of an «electronic person». *Legal Studies*, no. (4), p. 1-8, available at: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (accessed 03.06.2022) [in Eng].

23. Reynolds G. (2006) An Army of Davids: How Markets and Technology Empower Or-

dinary People to Beat Big Media, Big Government, and Other Goliaths. Nashville, Thomas Nelson, Inc. [in Eng].

24. Robotics and the lessons of cyberlaw (2015). *California Law Review*, no. 103(3), pp. 513-563 [in Eng].

25. Solaiman S. M. (2017) Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*, vol. 25, Iss. 2, pp. 155-179 [in Eng].

26. Solum L. B. (1992) Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*, no. 7 (4), pp. 1231-1287 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 07.11.2022

For citing: Baturina, I. V. Political and legal transformations in the context of the development of technologies and intelligent systems: transhumanistic perspectives / I. V. Baturina // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 51—60. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60. — EDN TBHPXG.

UDC 101.1:316.3

EDN TBHPXG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-51-60

POLITICAL AND LEGAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES AND INTELLIGENT SYSTEMS: TRANSHUMANISTIC PERSPECTIVES

Irina V. Baturina,

South Ural State University,
Senior Teacher, Department of Philosophy,
Cand.Sc. (History).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: devizzina@mail.ru

Abstract

Introduction. Innovationism in various areas of society has changed both the natural and social environment. The change speed in the new information and communication field is the reason for many questions related to studying the problems of society and the machine, finding out the place of artificial intelligence in social relations. These processes stimulated the philosophical research, the subject of which was man, modern technologies, scenarios for the development of society, socio-cultural and political-legal forms of its organization. Since the 90s of the twentieth century in the West and later in Russia, a transhumanistic concept has been formed, which connects man, society and technology in a special way. Representatives of transhumanism study the technical developments of human immortality and build models of the perfect man, pursuing as a goal, his deliverance from suffering and disease. Transhumanistic perspectives actualize the need for a thorough, constructive and critical assessment of the possible advantages and risks of technological development, and its impact on the political and legal structure.

In this regard, the ability to see and isolate the features of this process and subsequent reflection is fundamentally important.

The purpose of the article is to consider political and legal transformations in the context

of the interaction of modern technologies and society through the prism of transhumanistic perspectives, to identify possible directions of philosophical reflection of political and legal modes of modernity.

Methods. To achieve the research goal, general scientific methods of cognition were used: analysis and synthesis, induction, deduction, comparison, abstraction. The article also applied institutional-functional and system-structural approaches, the method of interpretation and content analysis. The analysis of public opinion and special labeling of artificial intelligence was carried out with the help of appealing to network content (social networks, blogs, and forums). Communication channels reproduce messages mentioning modern technologies from the point of view of the philistine worldview based on stereotypes broadcast in society and the influence of popular culture. Content analysis revealed the relevance of the spectrum of labeling, relative to artificial intelligence systems, including the verbs “create”, “destroy”, “help”, “enslave”. Regarding the sphere of labor, law and politics, the positions differ, from outright alarmism to utopian images of social well-being.

Scientific novelty of the study. The article analyzes the prospects of considering the phenomenon of social transformations, the forms of their representation through political and legal views as exemplified by transhumanism.

Results. The author attempts to give a comprehensive description of social changes in the field of public administration, legal regulation, legal personality and legal responsibility, social equality of participants in legal relations through the specific refraction of these social phenomena in transhumanistic ideas. The spectrum of the main problems in the sphere of interests of the transhumanistic worldview is listed.

Conclusion. Turning to modernization strategies on the example of transhumanism is a natural and necessary need in the political and legal sphere, in particular. In the course of the analysis, a wide range of problems were identified that actualize the social and axiological and anthropological optics of the research. Diverse forms of transhumanistic political trends act as manifestations of socio-legal reflection on the intensification of innovationism, which is capable of radically changing human nature.

Keywords:
science and technology,
innovationism,
high technologies,
artificial intelligence,
social sphere,
politics and law,
transhumanism

Для цитирования: Сычев, А. А.
Конфессиональные модели церковной власти
(философско-канонический анализ) /
А. А. Сычев // Социум и власть. —
2023. — № 1 (95). — С. 61—73. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73. —
EDN BTKRKN.

УДК 348.031

EDN BTKRKN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ (ФИЛОСОФСКО- КАНОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Сычев Андрей Анатольевич,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Саранск, Россия.
ORCID: 0000-0003-3757-4457
E-mail: sychevaa@mail.ru

Аннотация

Введение. Суждения о церковной власти трансформировались в зависимости от изменения положения Церкви в обществе и ее отношений с государством. В процессе этого переосмысления сложились особые традиции ее понимания, где отобразилась специфика существования христианских общин в разных культурно-правовых условиях.

Цель. Автор ставит перед собой задачу очертить традиции понимания церковной власти

в трех христианских конфессиях и предложить основания для их сравнения в философско-каноническом аспекте.

Методы. Использован сравнительный метод на основе анализа философской литературы и канонико-правовых источников.

Научная новизна исследования. В статье впервые систематизируются конфессиональные различия в трактовке формы, содержания и уровней реализации церковной власти.

Результаты. Продемонстрировано, что решающим фактором, определяющим различия конфессиональных традиций в понимании церковной власти, является характер проведения границы между священной и правительственной властью. Католицизм, считая правительственную власть богоустановленной, включает ее в священную наряду с учительской и сакраментальной. Протестантизм, напротив, радикально противопоставляет ее священной, признавая ее прерогативой государства. Православие, как правило, не признает правительственную власть священной, но и не отделяет от церковной.

Выводы. Анализ положений, высказываемых представителями разных христианских конфессий по поводу церковной власти, позволяет заключить, что православная традиция тяготеет к защите позиции, равноудаленной от полярных мнений.

Ключевые слова:
церковная власть,
христианство,
конфессиональные традиции,
каноническое право,
философия религии

Введение

Церковная власть является многоплановой системой отношений, полномочий, прав, обязанностей, особенности которых — предмет непрекращающихся споров. Хотя общие представления об источниках и целях церковной власти в христианстве сохраняют относительную устойчивость, в ходе истории сложилось множество различных, часто несовместимых мнений о ее реализации. Их сопоставление позволяет лучше понять специфику церковной власти, выявить закономерности и тенденции ее развития.

Проблемы церковной власти, ее структуры и отношения к государству активно обсуждались еще в первые века развития Церкви; основные результаты этих обсуждений были зафиксированы в церковных канонах. В систематическом виде эти проблемы были поставлены Фомой Аквинским и далее разработаны Эгидием Римским, Ф. де Витория, Ф. Вальтером и другими теоретиками, заложившими философские основания трактовки власти в католической мысли [3; 14; 19; 20]. На протестантскую традицию понимания церковной власти оказали влияние классические работы М. Лютера, Ф. Меланхтона, Ж. Кальвина, исторические исследования Р. Зомы, Г. фон Кампенхаузена и др. [6; 7; 11; 12; 18]. В отечественной литературе традиции изучения церковной власти были заложены правоведами Н. С. Суворовым и Н. А. Заозёрским [5; 13].

Проблемы церковной власти вновь оказались в фокусе внимания исследователей в XXI веке в связи с разногласиями по поводу соотношения первенства и соборности в православно-католическом и внутривославно-католическом и внутривославно-католическом диалоге, что отражено прежде всего в Равенском документе¹ и в реакции на него Московского Патриархата².

Отдельные аспекты этой проблемы освещаются с различных дисциплинарных позиций в ряде работ современных авторов [2; 4; 8; 16; 17]. Однако системное и целостное сравнение конфессиональных традиций понимания церковной власти остается делом будущего.

¹ Эклесиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви. Документ Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью. Равенна (2007). URL: <https://churchby.info/bel/626> (дата обращения: 17.01.2023).

² Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 17.01.2023).

Основой настоящего исследования является сравнительный метод, опирающийся на анализ философской литературы и церковно-правовых источников. Канонический ракурс рассмотрения проблемы представляется наиболее адекватным для решения поставленных задач, поскольку власть в Церкви как «способность или свобода действия, опирающаяся на силу закона, или какого-либо правомерного полномочия» [5, с. 1] по содержанию изначально совпала с каноническими правом или, по меньшей мере, базировалась на нем.

Церковная власть — сложная система отношений, которая реализуется в различных видах, формах и на множестве уровней. По своему содержанию она может подразделяться на священную (*spiritualis*) и правительственную (*jurisdictionalis*). Основание такого разделения — способ приобретения властных полномочий. Фома Аквинский полагал, что «духовные полномочия двояки, священные и правовые. Священные полномочия сообщаются посредством некоторого освящения... С другой стороны, правовые полномочия сообщаются посредством простого человеческого определения» [14, с. 494]. Иными словами, священная власть усваивается через хиротонию и предполагает неизменную священную иерархию со степенями — диакона, пресвитера, епископа, у каждой из которых свои полномочия и обязанности. Правовая или правительственная власть приобретается через уполномочивание. Властные полномочия носителей разных степеней правительственной иерархии дополняют священную власть. Так, с позиции священноначалия все епископы равны, но в зависимости от занимаемого положения (митрополит, патриарх и т. д.) они обладают разными административными полномочиями. Правительственная власть по выполняемым функциям соответствует государственной. Но по целям, способу вменения норм, характеру санкций она отличается (а иногда прямо противопоставляется) власти светской.

Иная классификация предложена Ф. Вальтером. Церковь, полагает он, унаследовала от своего основателя учительскую, священническую и пастырскую власть (*potestas magisterii, ministerii, regiminis*) [20]. Первая нужна для формулирования догматов и распространения учения. Вторая — для совершения таинств. Третья — для управления Церковью, соблюдения порядка в общине (здесь пастырская власть функционально совпадает с правительственной).

Две этих классификации не отрицают друг друга, но и не в полной мере сочетаются.

При этом основные разногласия наблюдаются по поводу пастырской власти. Передаются ли управленческие полномочия только путем человеческого определения, или все же они (или некоторые из них) имеют священное происхождение? Правомерно ли сводить пастырскую власть к административным функциям? Если пастырство есть управление, то не выходит ли пастырская власть за рамки церковной? Основные конфессии предлагают разные ответы на эти вопросы.

Власть можно дифференцировать и с *формальной* стороны. По меньшей мере, со времен Аристотелевой «Политики» базовым критерием для выделения форм правления является количественная характеристика властного субъекта. Власть может быть единоличной, распределяться среди немногих или принадлежать всему народу. В истории можно найти примеры различных форм правления или их сочетаний. Выбор конкретной формы зависит от традиции и варьируется от абсолютного монархического первенства до всеобщего демократического плюрализма. Кроме того, для характеристики форм правления значимо замечание Аристотеля о том, что, хотя в теории субъект должен реализовывать свои полномочия ради установления справедливости, на практике он способен узурпировать власть для продвижения частных интересов. Поэтому идеальные представления об организации власти следует отличать от реальных (временами весьма неприглядных) форм ее осуществления. Искажения присутствуют и при реализации церковной власти, и ряд норм канонического права направлен на то, чтобы пресечь их (например, ограничить единоличную власть соборными решениями, отделить личное имущество от церковного, осудить симонию и т. д.).

Наконец, выделяются различные *уровни* реализации власти в Церкви: от местной общины до всего сообщества верующих. На каждом из них властные права и способности, так же как и ответственность их носителей, преломляются особым образом. Многоуровневость власти позволяет комбинировать различные формы власти внутри общей системы церковного устройства; так, на местном уровне устанавливается первенство епархиального епископа, на поместном — патриарха, на вселенском — собора поместных Церквей (в православной традиции) или папы (в католической).

В анализе содержания церковной власти, форм, в которые она отливается, уровней ее реализации проявляется специфика

воззрения на власть, присущая основным христианским конфессиям.

Виды церковной власти

Содержательное разделение церковной власти на священную и правительственную воспроизводит двойственность представлений о Церкви. С одной стороны — это мистическое «тело Христово», а с другой — зримый институт с органично присущими ему управленческими функциями. Однозначного ответа на вопрос о соотношении двух этих представлений нет, и различные конфессии предлагают собственные трактовки проблемы.

Католическая традиция переосмысливает классификацию Аквината, согласно которой онтологический приоритет отдается священной власти, поскольку она богоустановлена (восходит через цепь рукоположений к апостолам и далее к Христу), а правительственная власть покоится всего лишь на определениях людей.

Для того чтобы придать правительственной иерархии достоинства иерархии священной (и тем самым утвердить примат папы), первой также необходимо было приписать богоустановленный статус. По этой причине в католицизме классификация Фомы переосмысливается в контексте трех видов священной власти Вальтера. При этом управленческая власть отождествляется с пастырской, а значит признается такой же богоустановленной, как и учительская или священническая.

129 канон действующего кодекса гласит: «Власть управления (*potestas regiminis*), существующую в Церкви по Божественному установлению и называемую также властью юрисдикции (*potestas jurisdictionis*), согласно предписаниям права способны осуществлять те, кто удостоен священного сана»¹. В этой трактовке папа как епископ Рима превосходит других епископов по властным полномочиям, является пастырем пастырей. Священный характер его власти объясняется особым положением преемника князя апостолов — призванного «пасти овец» Петра.

Итогом процесса оформления примата папы стала догматическая конституция 1870 г. *Pastor Aeternus* (Вечный Пастырь), где Церковь объявляется стадом с единственным пастырем: «власть юрисдикции папы римского, являясь епископской, непосредственна. Пастыри всех чинов и всех обрядов и верные, каждый в отдельности

¹ Кодекс канонического права. М., 2007. С. 86.

и все вместе должны находиться в иерархическом подчинении и истинном послушании в вопросах, касающихся не только веры и нравственности, но и порядка и управления Церковью»¹.

Более того, трактуемая таким образом пастырская власть папы оказывается выше не только власти других епископов, но и любой другой власти: «В отношении движения к духовной цели Папа имеет полнейшую мирскую власть над всеми правителями, и королями, и императорами» [3, с. 177]. Между Церковью и государством нет разделения функций, поскольку последнее в силу своей ограниченности не может заменить Церковь: в его распоряжении — лишь светская власть. Церковь же, обладая «двумя мечами», может обойтись и без органов государственного управления. В таком ракурсе деятельность государства имеет смысл лишь для поддержания порядка в условиях испорченного греховными наклонностями общества; благотворной она может быть только под пастырским надзором Церкви.

Содержание пастырской власти конкретизируется в 135 каноне: она «делится на законодательную, исполнительную и судебную»². Таким образом, по своим функциям она аналогична государственной власти, хотя по методам не вполне совпадает с ней. Она не предполагает мер прямого физического принуждения и основывается на заботе о пасомых, служении им, снисхождении к заблудшим и т. д. Пастырская власть осуществляет руководство не только телами, но и душами, т. е. в массовом и индивидуальном порядке регулирует все значимые проявления жизни — от постановки глобальных целей до každодневных практик. Эта власть предполагает, с одной стороны, заботу пастыря о стаде, служение, доходящее до самопожертвования, отчет за свои действия, а с другой стороны — полное и беспрекословное послушание пасомых. В ней веками оттачивались способность одних управлять и готовность других быть управляемым [15].

Пастырская власть, получившая в католической традиции развитие как власть управленческая, по мнению М. Фуко, стала основой для формирования позднейших моделей эффективного менеджмента и администрирования [15, с. 228]. В этом контексте изучение пастырской власти и ее трансформации в католицизме становится ключом

для понимания особенностей современной политической, экономической, академической власти.

У протестантских деноминаций нет консолидированной позиции по поводу церковной власти. Как правило, протестанты склонны различать священную власть и правительственную, апеллируя прежде всего к словам: «Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так» (Мк. 10: 42-43). Законодательная, судебная и исполнительная власть как несоответствующие духу христианской любви изымаются из ведения Церкви и делегируются государству с его иерархией и аппаратом насилия: «власть Церкви и власть светскую не надо смешивать и путать между собой. Власть Церкви имеет собственное предназначение — учить Евангелию и отправлять Таинства»³. Она сугубо духовна, основана на совести, а не на страхе, на любви, а не на праве. Отсюда — характерный для протестантской традиции скепсис по отношению к каноническому праву или же полное его отрицание: «Сущность права противоположна идеальной сущности Церкви. Насколько правовой порядок находится в согласии с сущностью государства, настолько же он противоречит глубочайшей сущности Церкви» [6, с. 19].

Священной властью обладает не «особая каста священнослужителей», а все члены общины, которые совокупно представляют собой «всеобщее священство». С этой позиции «пастырем, священником, пастухом является каждый» [15, с. 277]. Обязанности священнослужителя, как правило, исполняют служащие (пасторы, министры, старейшины), уполномоченные на эту роль путем «простого человеческого определения», т. е. коллегиального решения общины. Они же занимаются повседневными вопросами церковного управления, для оперативного решения которых нет необходимости прибегать к правовой регуляции.

Таким образом, церковная власть ограничивается учительской и священнической, то есть исключительно духовной властью. Административная власть служащих лишена ореола священности и ее реализация мало чем отличается от исполнения любых других профессиональных обязанностей (например, врача или преподавателя). Иерархическая вертикаль подчинения, законы и суд для большинства

¹ Pastor Aeternus // Христианское вероучение. Доктринальные тексты учительства Церкви III—XX вв. СПб., 2002. С. 261.

² Кодекс канонического права. М., 2007. С. 87.

³ Аугсбургское вероисповедание // Книга Согласия. Вероисповедание и учение Лютеранской Церкви. С. 60.

протестантов ассоциируются исключительно с государством.

В целом, *православие* следует за традицией разделения власти на священную и правительственную и согласно с тем, что церковная власть проявляется в учительстве, священнодействии и пастырстве. Однако многие исследователи не согласны со сведением пастырства к управлению.

Критикуя ценностные ориентиры католицизма, митрополит Антоний (Храповицкий) заключает: «Кажется, все важнейшие из них определяются теми началами, которые господствуют над светскою, мирскою безрелигиозною жизнью: таковы прежде всего политические, т. е. административные и экономические вопросы» [1, с. 264]. Если для католицизма пастырство — это прежде всего власть юрисдикции, то для православия — обязанность душевного врачевания. Соответственно, для католического пастырства нормы канонического права сравнимы по значимости с нормами закона, а для православного — скорее, с принципами этического кодекса.

Эта разница в подходах обусловлена различиями в интерпретации нормативности канонического права. Католическая традиция после Грациана пошла по пути кодификации, согласования и обновления правовых норм Церкви, превратив каноническое право в аналог светского. Старые нормы сменяются новыми, и пастырю в большинстве случаев нужно просто приложить готовую норму закона к ситуации. С этой позиции (и учитывая характер католической сотериологии) нормоприменение отличается высокой степенью юрицизма.

В православии древние церковные каноны сохранили свою нормативность, хотя к современной ситуации многие из них уже нельзя приложить. Поэтому епископ должен руководствоваться не столько буквой закона (принцип акривии), сколько духом канона и милосердием, направленным на спасение грешника (принцип икономии). На право епископа смягчать наказания указывал еще I Никейский собор (1 Всел. 12). Более четкий ориентир обозначен в завершающем каноне Трулльского собора, где пастырю предписывается принимать во внимание не столько форму закона, сколько качество греха и расположение согрешившего: «Ибо у Бога и приявшего пастырское водительство, все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратить, и уязвленную змеем уврачевать» (Трулл. 102). Задача права в этом аспекте — не наказать, а излечить. Хороший врач не применяет ко всем стандартную схему лече-

ния, а прописывает каждому болящему на более подходящие именно ему лекарства.

Н.А. Заозерский пишет об этом: «мы имеем полное основание пастырскую власть совершенно отличать от правительственной. ...Священник — пастырь православной церкви является на исповеди и в наложении епитимии врачом, другом кающегося, а не судиею» [5, с. 49—50].

Пастырская власть в православном понимании вполне вписывается в область священной власти. Что касается власти правительственной, то она (как и в протестантизме) оказывается за пределами этой области. Такая позиция соответствует положениям канонов: «да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим по малу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам кровью Своею Господь наш» (3 Всел. 8).

Однако (уже в отличие от протестантизма) правительственная власть все же не исключается из разряда церковной. Просто ее статус оказывается ниже в силу того, что дается она не непосредственно Богом, а Церковью как социальным институтом. Соответственно, поскольку все епископы обладают равной священной властью, выше епископа может стоять только собор епископов, но не другой епископ. Власть любого обладателя правительственной степени (от митрополита до патриарха) носит церковный, но не священный характер — она является вторичной по отношению к соборной власти.

В итоге церковная власть подразделяется на богоустановленную священную (учительскую, священническую, пастырскую) и на установленную Церковью правительственную (законодательную, исполнительную, судебную). Такой подход может рассматриваться как своеобразная «средняя» позиция, в равной мере удаленная и от католического учения (где правительственная власть инкорпорируется в священную) и от мнения протестантов (где та исключена и из священной, и из церковной власти).

Конфессиональные подходы к церковной власти предполагают разные модели взаимодействия Церкви и государства. В католической традиции любые попытки подчинить Церковь государству обычно вызвали противодействие. В целом этот подход всегда исторически тяготел к папозецаризму.

В протестантских деноминациях, напротив, все кесарево отдается кесарю и Церковь как община верных подчиняется государственной власти, по крайней мере до той поры, пока государство не начинает грубо

вмешиваться в дела духовные, ограничивая свободу совести.

Православие же тяготеет к симфонии властей, при котором духовная и светская власть пребывают в гармонии и синергии, будучи «нераздельны и неслиянны». Такая двусторонняя модель отношений требует доброй воли не только со стороны Церкви, но и государства. Поскольку такая взаимность не всегда возможна, реальность обычно мало соответствовала теории. История изобилует примерами цезаропапизма (подчинения Церкви государству в Византии или России синодального периода). Тем не менее нельзя не признать, что такое подчинение воспринималось Церковью как вынужденная мера, а к господству над государством она почти никогда всерьез не стремилась.

Анализ конфессиональных традиций демонстрирует, что различия в понимании церковной власти зависят прежде всего от представлений о миссии пастыря, которые сложились в разных культурных условиях. С этой позиции исследование пастырской власти можно рассматривать как ключевую предпосылку понимания многих дискуссионных проблем, связанных с церковной властью.

Формы церковной власти

Исходным для всех христианских конфессий признается положение, что у Церкви один глава — Иисус (Кол. 1, 18). Однако как социальный институт она требует видимого управления, а значит и оформления властных полномочий и обязанностей.

С позиции *католицизма*, поскольку Церковь земная есть образ Церкви небесной, у нее также должен быть один глава. Кроме того, раз единоначалие присутствует на епархиальном и поместном уровнях церковной правительственной иерархии, резонно предполагать, что оно должно быть реализовано и на вселенском. Наконец, без строгого единоначалия сложно прийти к общему мнению по поводу вопросов веры или дисциплинарных правил: как показывает история, без единого руководства сложно (если не невозможно) организовать собор всех поместных церквей, где такие вопросы могут разбираться. В католической традиции единоначалие в Церкви обеспечивает римский епископ.

Первенство римской кафедры (а значит и претензии ее главы на главенство) имело определенные канонические обоснования: «Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично

дали преимущества: поелику то был царствующий град» (4 Всел. 28). Однако оппоненты, не отрицая первенство Рима в эпоху Вселенских Соборов, считают его номинальным первенством чести, а не юрисдикции.

В правилах Сардийского собора указывается, что низложенный епископ имеет право подать апелляцию папе, а тот может организовать новый суд и послать на него своих легатов; при этом на время разбирательства кафедру подсудимого запрещалось занимать (Сард. 3, 4, 5) Комментаторы, впрочем, считают, что, если к папе и обращались из других областей, то не в силу признания за ним особой судебной власти, а в силу высокого авторитета кафедры «царствующего града». Кроме того, поскольку Сардикийский собор был фактически собором западной Церкви, то, согласно толкованию И. Зонары, эти положения не могут быть применимы к тем областям, которые находятся вне прямой юрисдикции папы¹.

В число общецерковных включены и правила другого западного поместного собора — Карфагенского, который был созван в том числе по причине апелляции осужденного пресвитера к папе. Пересмотрев решения прошлых соборов, епископы не обнаружили оснований для этого. В итоге было постановлено, что, если клирики «к высшему суду восхотят перенести дело, да не переносят в суды по ту сторону моря (в Италию и в Рим), но — к первенствующим епископам своих областей» (Карф. 37). Ф. Вальсамон по этому поводу отмечает: «Заметить и из этого, что напрасно величаются члены римской церкви, и говорят, что у них по праву обжалования должны решаться дела всех церквей. Ибо если не дозволяется рассматривать жалоб африканских церквей, то тем более они не должны иметь такого права над другими странами»². 139 правило того же собора запрещает и апелляцию к папе при неблагоприятном для клирика решении суда. Собор в послании к папе объясняет это тем, что, во-первых, «ни для одной области не оскудевает благодать Святого Духа» и, во-вторых, «разве есть кто-либо, который бы поверил, что Бог наш может одному только некоему вдохнуть правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшимся на Собор, откажет в оном?»³.

Католическая Церковь, впрочем, последовательно выступала против ограничения власти папы со стороны собора епископов

¹ Правила святых поместных соборов с толкованиями. М., 2000. С. 301.

² Там же. С. 469.

³ Там же. С. 776—777.

(эта соборная позиция именовалась ересью консилиаризма). Своеобразным итогом этой борьбы стало провозглашение на I Ватиканском соборе следующего канона: «Если кто-либо говорит, что Папа Римский имеет лишь обязанность контроля или указания, а не полную и верховную юрисдикцию над всей Церковью не только в том, что касается веры и нравственности, но и в том, что касается порядка и управления Церковью, распространённой по всему миру, или что он обладает лишь одной важной частью этой власти, а не всей её полнотой, или что его власть не является ни обычной, ни непосредственной над всеми Церквями и каждой в отдельности, как над всеми и каждым в отдельности пастырями и верными, да будет отлучен от сообщества верных»¹.

Это положение прописано в 331 каноне действующего кодекса. Согласно 336 канону Коллегии епископов также является субъектом верховной и полной власти, но только во главе с папой, и никогда — сама по себе. Согласно 341 канону постановления Вселенского Собора имеют обязательную силу только в случае их одобрения и утверждения папой².

Иная трактовка проблемы представлена в *протестантизме*, который возник как отрицание претензий папы на власть над всем христианским миром и единоличного принципа правления в Церкви. Ф. Меланхтон писал, что «папа не только, вопреки заповеди Христовой, узурпировал власть, но и как тиран возвысил себя над всеми царями. И в этом вопросе следует порицать не столько само деяние, сколько то, что он прикрывается властью Христа, что он перемещает Ключи в область мирского правления, что он связывает спасение с этими безбожными и отвратительными суждениями, утверждая, что для спасения необходимо, дабы люди веровали, будто владычество принадлежит ему по божественному праву» [12, с. 409].

Протестантизм не приемлет посредников между человеком и истинным главой Церкви, опираясь на слова: «Но вы — род избранный, царственное священство» (1 Петр. 2:9). Не особое духовное сословие, а каждый верующий обладает священной властью, данной непосредственно Богом. М. Лютер, обосновывая принцип «всеобщего священства» утверждал: «миряне, священники, князья, епископы, или, как они

выражаются, духовные и светские лица — в действительности не имеют никаких других существенных различий, кроме службы или занятия. По своему же достоинству они не различаются, потому что все принадлежат к духовному сословию; все они истинные священники, епископы и папы» [11, с. 59]. Соответственно, протестанты, как правило, не принимают священной иерархии. Полномочия епископа, пресвитера, диакона понимаются как функции, которые может выполнять и одно лицо, и не в силу посвящения, а в силу уполномочивания со стороны общины.

Протестантизм не предполагает единоначалия еще и в силу того, что он представляет собой совокупность общин, чьи воззрения и практики часто кардинально отличаются друг от друга. Организационно протестантизм тяготеет к конгрегационизму, то есть признанию автономии общин. Попытки их объединения имеют характер не институтов, но добровольных ассоциаций, где решения принимаются верующими и избранными ими временными лидерами. Такие ассоциации создаются для облегчения не столько управления, сколько общения. В целом плюралистическое оформление церковной власти в протестантской традиции находится к единовластию примерно в таком же отношении, как республиканская форма правления в государстве — к монархической.

Православие в единоличном управлении Вселенской Церковью усматривает опасность подчинения личности авторитету, а в отрицании священной иерархии — риск разрушения единства. В то же время оно не отрицает ни роли личности, ни значения совместно принятых решений: «Развитие соборного начала в Церкви возможно лишь с одновременным укреплением и совершенствованием иерархической власти»³.

Бремя служения в православной традиции ложится на епископат. Священная власть была передана Христом совокупно всем апостолам, а от тех — епископам. Нужды Церкви потребовали оформления и правительственных полномочий. Таким образом, в православной традиции власть не распределена между всеми верующими и не делегирована одному преемнику князя апостолов, а концентрируется в руках епископов, которые сакраментально равны друг

¹ Pastor Aeternus // Христианское вероучение. Догматические тексты учительства Церкви III—XX вв. СПб., 2002. С. 261.

² Кодекс канонического права. М., 2007. С. 156, 158, 160.

³ Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2011 года). URL: http://p2.patriarchia.ru/2011/02/02/1233346051/Doklad_AS.doc (дата обращения: 17.01.2023).

другу, а в правительственной иерархии наделены Церковью различными полномочиями.

Наделение епископов властью в качестве необходимой предпосылки предполагает высокий нравственный авторитет: «епископ должен быть непорочен» (Тим. 3:1). Этот подход примерно соответствует аристократической или меритократической формам правления в их буквальной этимологии (власть лучших, власть достойных) с той, конечно, оговоркой, что, в отличие от государственной власти, правление проявляется не как господство, а как служение.

Каноны, утвержденные до Великого раскола, сложно применить к современности. Поэтому бремя их интерпретации, применения к конкретным случаям и ложится от епископов, которые фактически занимаются нормотворчеством *ad hoc*, руководствуясь не всегда буквой, но всегда духом канонов (принцип аналогии права). Этот выбор сопряжен с особой личной ответственностью и потому невозможен без обсуждения и коллегиального разрешения проблем.

Поскольку власть принадлежит всем епископам совокупно, а сакраментально они равны, механизмом ее реализации является собор. Никодим (Милаш) в своем толковании на правило, постановившем собирать соборы дважды в год (Ап. 37), замечает: «Только в соборе епископов каждой отдельной областной церкви концентрируется полнота церковной власти данной области, точно так же, как в соборе епископов всех церквей концентрируется вся полнота церковной власти Вселенской Церкви»¹. Соборность в православной философской традиции рассматривается как гармоничное соединение единства веры и индивидуальной свободы. По мнению В. Н. Лосского, она «предстает перед нами как таинственное тождество единства и множественности, — единства, которое выражается в многообразии, и многообразия, которое продолжает оставаться единством» [9, с. 708].

Всеобщее священство, соборность и единоличное управление представлены скорее как идеальные формы реализации властных полномочий. В каноническом праве можно найти обоснования для каждой из таких форм (участия народа в церковной власти, власти Собора, личной власти). Однако всенародное правление способно привести к популизму и тирании толпы, единоличное — к авторитаризму и сервилизму, коллегиальность — к фракционности

¹ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского : в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 105.

и неспособности о чем-либо договориться. В истории развития всех конфессий были периоды, когда церковная власть приобрела искаженные формы. Соответственно, имеются и соответствующие каноны, препятствующие подобным крайностям в реализации власти.

Так, хотя апостольские правила не отрицают участия народа (*δῆμος*) в избрании священнослужителя, решение Лаодикийского Собора запрещает идти на поводу у неорганизованной толпы (*ὄχλος*): «Да не будет позволено сборищу народа избирать должностующих произвестись во священство» (Лаод. 13). Другим вектором преодоления искажений при реализации власти является ориентация на поддержание баланса между личной свободой и церковным единством. Так, 34 апостольское правило гласит, что «епископам всякого народа подобает знать первого в них, и призывать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения». С другой стороны, в том же правиле уточняется: «Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие» (Ап. 34).

Уровни церковной власти

В разработанном православно-католической комиссией в Равенне в 2007 документе выделяются три уровня церковной власти, которые изоморфны: на каждом из них сочетаются коллегиальность и первенство: «Первенство и соборность зависят друг от друга. Поэтому первенство на разных уровнях жизни Церкви — местном, региональном и вселенском — всегда должно рассматриваться в контексте соборности, а соборность, соответственно, в контексте первенства»². РПЦ не подписала документ и вступила в полемику с его тезисами, но не оспорила предложенное в нем разделение на уровни.

На местном уровне соборность проявляется в солидарности, взаимопомощи не только священнослужителей, но и всех членов общины. Однако непосредственное управление епархией осуществляется епископом: «Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах и оными да распоряжается» (Ап. 38); «пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо

² Экклесиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви. Документ Смешанной международной комиссии по богословскому диалогу между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью. Равенна (2007). URL: <https://churchby.info/bel/626> (дата обращения: 17.01.2023).

ему вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их» (Ап. 39).

На региональном уровне епископы решают все возникающие вопросы на соборах, синодах, признавая в то же время «первого среди них» (Ап. 34) — митрополита, экзарха, патриарха, обладающего широкими управленческо-административными функциями и более широкими полномочиями, чем те, кто стоит в правительственной иерархии ниже.

Решения на вселенском уровне принимаются на Вселенском Соборе. На этом уровне также существует первенство, которое отражено в таксисе — порядке следования престолов. Поскольку «престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущества» (4 Всел. 28), это первенство создателями документа признается за римской кафедрой. Фактически создатели документа, декларируя необходимость компромисса между Востоком и Западом, соборностью и приматом, приходят к выводу об особом положении папы.

В протестантской традиции священная власть признается за всеми верующими. В общине присутствует вся полнота церковного бытия, «ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Что касается административного управления, то в разных деноминациях представлены различные вариации его структурирования. В одних административные полномочия передаются государству, так что главой церкви становится глава последнего, в других они на выборной основе или на основе назначения делегируются служителям (старейшинам, министрам, пасторам и т. д.). В ряде деноминаций существуют региональные объединения общин. Имеются и различные формы ассоциаций церквей на экуменическом уровне, которые, как правило, находятся в состоянии перманентной реорганизации, не составляя какой-либо целостности и не претендуя на реальное управление всей совокупностью протестантских церквей.

Позиция Московского Патриархата по вопросу первенства отличается от католической и протестантской и основана на положении, что «на разных уровнях церковного бытия исторически сложившееся первенство имеет различную природу и различные источники»¹.

На епархиальном уровне епископ обладает первенством реализации священной

власти в силу апостольского преемства. Он в полной мере обладает и административной властью, которая принадлежит ему уже на основании соответствующих положений церковного права.

На поместном уровне собор или синод епископов, реализуя полноту своей власти, избирает предстоятеля как первого среди равных (Ап. 34), который управляет Церковью не единолично, а совместно с другими епископами. Административное первенство предстоятеля основывается на общеканонических положениях и уставных документах. То есть это первенство уже не богоустановлено, а делегировано Церковью.

Что касается вселенского уровня, то основным органом общения Церквей и принятия решений является Вселенский Собор, где все кафедры имеют равные права. Для каждого престола были определены области, где они имели преимущество (1 Всел. 6). Порядок следования патриархатов в диптихе определен первенством чести, которое до Великого раскола принадлежало Римскому престолу, а после — Константинопольскому. При этом первенство чести не имеет отношения к правительственной власти. Примат юрисдикции на этом уровне не установлен ни Богом, ни Церковью. Соответственно, «в Православной Церкви нет и никогда не было единого административного центра на вселенском уровне»².

Следствием отсутствия такого центра является отсутствие консолидированного мнения (как и действующих механизмов выработки такого мнения) по поводу вселенского первенства в православном мире. Эту позицию ставит под сомнение Константинопольский Патриархат, вполне сочувствующий идеям, высказанным в Равенском документе. Митрополит Элпидифор (Ламбриниадис) подвергает критике стремление разделять первенство на «первичное» богословское и экклесиологическое «вторичное», из-за чего Церковь сводится здесь к «сухому административному институту». Не принимается и тезис о различной природе первенства на разных уровнях — власть церкви «всегда ипостазирована в личности». При этом вселенский иерарх (власть которого уподобляется митрополитом единоначалию Отца в Святой Троице) обладает ею изначально и потому ни от кого и не должен получать первенства. Таким предстоятелем объявляется Патриарх Константинопольский, в лице которого уникальным образом совмещаются все три уровня первенства и который «как

¹ Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 17.01.2023).

² Там же.

епископ является первым «среди равных», но как архиепископ Константинопольский является первым иерархом без равных (*primus sine paribus*)» [17].

Поскольку по факту Константинополь не признается административным центром Вселенской Церкви, а Вселенским Патриарх — ее полноправным предстоятелем, в православной традиции административные полномочия реально сконцентрированы по большей части на среднем, т. е. поместном уровне. Соответственно, католицизм традиционно озабочен реализацией власти на верхнем — вселенском уровне, а протестантизм — на местном уровне (хотя для многих деноминаций вообще неуместно говорить о каких-либо четко выраженных уровнях).

Заключение

Анализ представлений о реализации власти в различных конфессиях позволяет заключить, что, во-первых, основным фактором, определяющим их различия, является *характер проведения границы между священной и правительственной властью*. Католицизм включает правительственную власть в священную наряду с учительской и сакраментальной, то есть считает ее богоустановленной. Протестантизм противопоставляет ее священной и тем самым выводит за пределы духовной жизни Церкви как общины верующих. Православие, как правило, не признает ее священной, но и не отделяет от церковной (считая ее, однако, установленной Церковью, а не Богом). Иными словами, необходимость ее признается, но, в силу иного источника, статус у правительственной власти оказывается ниже, чем у священной. Остальные различия вытекают из этих содержательных характеристик.

Во-вторых, *главенство принципа соборности* в православной традиции определяется тем, что священная власть епископов (которая богоустановлена) оценивается выше, чем статус решения предстоятеля (чьи правительственные полномочия получены от Церкви, то есть от тех же епископов). Поскольку епископы сакраментально равны, прийти к единому решению они могут исключительно соборно. Наивысшие полномочия признаются за собором, а не за Вселенским предстоятелем (назначенным Церковью) или всеми верующими (лишь малая часть которых облечена священной властью).

В-третьих, общая модель соотношения конфессиональных подходов к вопросу власти предполагает, что православие (по

крайней мере, в теории) стремится к *сбалансированной позиции*. Так, симфония властей предполагает отказ от примата светской либо духовной власти. Соборная власть епископата позиционируется как середина между единоначалием и народовластием. Административные полномочия в православных патриархатах концентрируются на среднем (поместном) уровне. Наконец, сама трактовка соотношения священной и правительственной власти выглядит как логический компромисс между попытками их совмещения или противопоставления.

Это стремление о взвешенному расуждению о власти вполне соответствует древнехристианской традиции, удерживаемой православием. Исторически она устанавливалась и развивалась в борьбе с крайностями, в которые были склонны впадать новообращенные, как из-за интеллектуального скепсиса, так и из чрезмерного энтузиазма. Поэтому древние каноны были направлены на маркирование подобных крайностей как отклонений от нормы. Кроме того, каноны обговаривались и принимались соборно, а не единолично, а значит в них закреплялись прежде всего те позиции, с которыми могло согласиться разумное большинство, а не радикально настроенные меньшинства. По крайней мере, анализ положений, высказываемых представителями разных христианских конфессий по поводу церковной власти, дает основания заключить, что православная традиция тяготеет к защите позиции, равноудаленной от полярных мнений.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44239.

1. Антоний (Храповицкий), еп. Два пути пастырства — латинский и православный / Антоний (Храповицкий), еп. // Полное собрание сочинений : в 3 т. Т 2. — Казань, 1900. — С. 255—281.

2. Божественная власть, церковная иерархия и духовный авторитет в раннехристианской латинской традиции / под ред. Г. Е. Захарова. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2016.

3. Витория, Ф., де. Первая лекция о церковной власти / Ф. де Витория // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13. — № 3. — С. 136—192.

4. Ермилов, П. В. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха / П. В. Ермилов // Вестник ПСТГУ.

Серия I: Богословие. Философия. — 2014. — Вып. 1 (51). — С. 36—53.

5. Заозерский, Н. А. О церковной власти / Н. А. Заозерский. — Сергиев Посад : Тип. А. И. Снегиревой, 1894.

6. Зом, Р. Церковный строй в первые века христианства / Р. Зом. — СПб. : Издательство О. Абышко, 2005.

7. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин. — М. : Изд-во РГУ, 1997.

8. Кристиан, Р. Некоторые соображения о церковном авторитете в Римо-Католической Церкви / Р. Кристиан // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. — 2010. — Вып. 1 (29). — С. 79—94.

9. Лосский, В. Н. О третьем свойстве Церкви / В. Н. Лосский / Боговидение. — М. : АСТ, 2006. — С. 698—709.

10. Лютер, М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства / Лютер М. Избранные произведения. — СПб. : Андреев и согласие, 1994. — С. 55—119.

11. Лютер, М. О светской власти / Лютер М. Избранные произведения. — СПб. : Андреев и согласие, 1994. — С. 131—163.

12. Меланхтон, Ф. О власти и главенстве папы / Ф. Меланхтон // Книга Согласия. Вероисповедание и учение Лютеранской Церкви. — Макомб : LHF, 2018. — С. 400—422.

13. Суворов, Н. С. Характеристика католицизма и протестантизма в их отношениях к государству / Н. С. Суворов // Юридический вестник. — 1887. — Том XXVI. — Кн. 3. — № 11. — С. 492—504.

14. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. — Киев : Ника-Центр, 2011.

15. Фуко, М. Безопасность. Территория. Население / М. Фуко. СПб. : Наука, 2011.

16. Шишков, А. В. Структура церковного управления в евхаристической экклезиологии / А. В. Шишков // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. — 2015. — Вып. 1 (57). — С. 25—38.

17. Элпидофор (Ламбринадис), митрополит. Первый без равных. — URL: http://krotov.info/libr_min/12_/am/brianidis.htm (дата обращения: 17.01.2023).

18. Campenhausen, H. von. Ecclesiastical Authority and Spiritual Power in the Church of the First Three Centuries / H. von. Campenhausen. — Peabody : Hendrickson Pub., 1997.

19. Giles de Rome. On ecclesiastical power: A Medieval Theory of World Government / Giles de Rome. — New York : Columbia University Press, 2004.

20. Walter, F. Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen / F. Walter. — Bonn : Adolph Marcus, 1856.

References

1. Antonij (Hrapovickij), bish. (1900) *Dva puti pastyrstva — latinskij i pravoslavnyj* [Two ways of pastoral care — Latin and Orthodox] in Antonij (Hrapovickij), ep. *Collected Works*: in 3 vol. Vol 2. Kazan', pp. 255—281 [in Rus].

2. Zakharov G.E. (ed.) (2016) *Bozhestvennaia vlast', tserkovnaia ierarkhiia i dukhovnyi avtoritet v rannekhristsianskoi latinskoi traditsii* [Divine Authority, Church Hierarchy, and Spiritual Authority in the Early Christian Latin Tradition]. Moscow, PSTGU Press [in Rus].

3. Vitoria F., de. (2014) Pervaia leksiia o tserkovnoi vlasti [The First Lecture on Ecclesiastical Power]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2014, vol. 13, no. 3, pp. 136—192 [in Rus].

4. Ermilov P.V. (2014) Proiskhozhdenie teorii o pervenstve Konstantinopol'skogo patriarkha [The Primacy of the Patriarch of Constantinople: The Origin of Theory]. *Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofii*, Issue 1 (51), pp. 36—53. DOI: 10.15382/sturl201451.36-53 [in Rus].

5. Zaozerskii N. A. (1894) *O tserkovnoi vlasti* [On Ecclesiastical Power]. Serгиеv Posad, Tip. A. I. Snegirevoi [in Rus].

6. Sohм R. (2005) *Tserkovnyi stroi v pervye veka khristianstva* [Church Order in the First Centuries Of Christianity]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo O. Abyshko [in Rus].

7. Calvin J. (1997) *Nastavlenie v khristianskoi vere* [Institutes of the Christian Religion], in 3 vol. Moscow, Izd-vo RGGU [in Rus].

8. Kristian R. (2010) Nekotorye soobrazheniia o tserkovnom avtoritete v Rimo-Katolicheskoi Tserkvi [Some Thoughts Concerning Authority in the Roman Catholic Church] *Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofii*, vyp. 1 (29), pp. 79—94 [in Rus]

9. Losskii V.N. (2006) O tret'em svoistve Tserkvi [On the third property of the Church], in *Bogovidenie* [Divine Vision]. Moscow, AST, pp. 698—709 [in Rus].

10. Luther M. (1994a) K khristianskomu dvorianstvu nemetskoj natsii ob ispravlenii khristianstva [Towards the Christian nobility of the German nation about the correction of Christianity] in Luther M. *Izbrannye proizvedeniia* [Collected Works]. Saint Petersburg, Andreev i soglasie, pp. 55—119 [in Rus].

11. Luther M. (1994b) O svetskoi vlasti [On secular power] in Luther M. *Izbrannye proizvedeniia* [Collected Works]. Saint Petersburg, Andreev i soglasie, pp. 131—163 [in Rus].

12. Melanchton Ph. (2018) O vlasti i glavenstve papy [On the power and supremacy of the pope] in *Kniga Soglasii* [Book of Concord]. Makomb, LHF, pp. 400—422 [in Rus].

13. Suvorov N. S. (1887) Kharakteristika katolitsizma i protestantizma v ikh otnosheniiakh k gosudarstvu [Characteristics of Catholicism and Protestantism in their relationship to the state] *Iuridicheskii vestnik*, vol XXVI, book 3, no. 11, pp. 492—504 [in Rus].

14. Thomas Aquinas (2011). *Summa teologii* [Summa Theologiae], part II-II, questions 1-46. Kiev, Nika-Tsentr [in Rus].

15. Fuko M. (2011) *Bezopasnost'. Territoriya. Naselenie* [Safety. Territory. Population]. Saint Petersburg, Nauka [in Rus].

16. Shishkov A. V. (2015) Struktura tserkovnogo upravleniia v evkharisticheskoi ekkleziologii [The structure of church authority in Eucharistic ecclesiology], *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofii*, Issue 1 (57), pp. 25—38. DOI: 10.15382/sturi201557.25-38 [in Rus].

17. Elpidophoros (Lambriniadis), metropolitan. (2014) *Pervyi bez ravnykh* [Primus sine paribus], available at: http://krotov.info/libr_min/12_1/am/brianidis.htm (17.01.2023) [in Rus].

18. Campenhausen H., von. (1997) *Ecclesiastical Authority and Spiritual Power in the Church of the First Three Centuries*. Peabody, Hendrickson Pub. [in Eng].

19. Giles de Rome. (2004) *On ecclesiastical power: A Medieval Theory of World Government*. NY, Columbia University Press [in Eng].

20. Walter F. (1856) *Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen*. Bonn, Adolph Marcus [in Germ.].

Статья поступила в редакцию 19.01.2023

For citing: Sychev, A. A. Confessional models of church authority (philosophical and canonical analysis) / A. A. Sychev // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 61—73. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73. — EDN BTKRKN.

UDC 348.031

EDN BTKRKN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-61-73

CONFESSIONAL MODELS OF CHURCH AUTHORITY (PHILOSOPHICAL AND CANONICAL ANALYSIS)

Andrey A. Sychev,

National Research Mordovia State University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Saransk, Russia.
ORCID: 0000-0003-3757-4457
E-mail: sychevaa@mail.ru

Abstract

Introduction. Judgments on church authority have been transformed depending on the changing position of the Church in society and its relationship with the state. In the process of rethinking, there have developed special traditions of its understanding, which reflected the specifics of the existence of Christian communities in different cultural and legal conditions.

The purpose of the study is to outline the traditions of understanding church authority in three Christian denominations and offer grounds for

their comparison in the philosophical and canonical aspect.

Methods. A comparative method is used on the basis of analyzing philosophical literature and canon-legal sources.

Scientific novelty of the research. The article for the first time systematizes confessional differences in interpreting the form, content and levels of church authority.

Results. It is shown that the decisive factor determining the differences between confessional traditions in the understanding of church authority is the nature of the boundary between the sacred and government authorities. Catholicism, considering the governmental power established by God, includes it in the sacred, along with the teaching and sacramental. Protestantism, on the contrary, radically opposes it to the sacred, recognizing it as the prerogative of the state. Orthodoxy, as a rule, does not recognize government power as sacred, but it does not separate it from the church.

Conclusions. An analysis of the positions expressed by representatives of various Christian denominations regarding church authority makes it possible for us to conclude that the Orthodox tradition tends to defend a position equidistant from polar opinions.

Keywords:
church authority,
Christianity,
religious traditions,
canon law,
philosophy of religion

Для цитирования: Кирчанов, М. В. Восприятие Чемпионата мира по футболу 2022 г. в Катаре в арабской либеральной аналитике как форма политики памяти / М. В. Кирчанов // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 74—84. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-74-84. — EDN EDSULU.

УДК 323.232:930(=411.21)(045)

EDN EDSULU

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-74-84

ВОСПРИЯТИЕ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2022 г. В КАТАРЕ В АРАБСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ КАК ФОРМА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Кирчанов Максим Валерьевич,

Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран,
доцент кафедры истории зарубежных стран
и востоковедения,
доктор исторических наук,
Воронеж, Россия.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Введение. Автор анализирует информационный дискурс Чемпионата мира по футболу 2022 г. в Катаре через призму коллективной исторической памяти. Предполагается, что катарский Чемпионат оказался одновременно спортивным и политическим событием. В статье выделены основные проблемы, которые формировали информационную повестку дня, а также векторы и траектории интерпретации и восприятия Чемпионата либеральными аналитиками и экспертами.

Цель. Целью статьи является анализ основных направлений либерального восприятия Чемпионата мира по футболу в Катаре в информационном дискурсе «Al-Agaby Al-Jadeed» через призму политики памяти.

Методы. Автор использует методы, предложенные в рамках мемориального поворота в современной междисциплинарной историографии, позволяющие выявить и систематизировать особенности трансформации коллективной исторической памяти арабских обществ через призму спорта, актуализированные Чемпионатом в Катаре.

Научная новизна. Статья является одной из немногочисленных попыток интерпретации исторической политики памяти в современном обществе в контекстах восприятия спорта как элемента мемориальной культуры и исторического опыта арабских обществ Ближнего Востока.

Результаты. В статье проанализированы основные векторы и траектории использования спорта для политизации и идеологизации исторической памяти. Предполагается, что Чемпионат стимулировал политические и идеологические противоречия между арабскими экспертами по вопросам коллективного исторического и политического опыта, а также его отражения в мемориальных культурах. Автор полагает, что арабские аналитики использовали формально спортивные события для актуализации политических, социальных и экономических проблем и противоречий Ближнего Востока через призму исторической памяти, визуализируя травмы колониального и ориенталистского наследия.

Выводы. Показано, что Чемпионат актуализировал политические противоречия в восприятии исторического опыта, визуализируя линии идеологического разграничения между арабскими интеллектуалами, которые активно использовали спорт как информационный повод для обсуждения проблем исторической политики и политики коллективной памяти, включая восприятие места и роли авторитаризма, демократии и прав человека в современных мемориальных культурах. Автор полагает, что реакция элит на попытки либеральных средств массовой информации превратить спорт в пространство мемориальных конфликтов и войн памяти была минимальной, так как элиты сфокусированы на сохранении контроля и получении экономических дивидендов от проведения Чемпионата мира. Показано, что политизация спорта стала вкладом современных либеральных СМИ в обострение войн памяти как формы мемориальных конфликтов в арабском мире.

Ключевые слова:

Катар,
футбол,
Чемпионат мира по футболу 2022 г.,
арабские государства,
историческая политика,
политика памяти,
войны памяти,
спорт как пространство памяти,
панарабизм

Введение

На современном этапе развития общества историческая политика превратилась в универсальный инструмент, который используется политическими элитами для формирования необходимых для них версий о коллективном историческом прошлом. Политика памяти или историческая политика поэтому стала инструментом политической, как правило, предвыборной, мобилизации потенциального электората. Вместе с тем следует принимать во внимание, что не только политические элиты являются активными участниками исторической политики и участвуют в спекуляциях с историческим прошлым.

Политически и идеологически мотивированные комментарии, оценки и интерпретации, будучи зависимыми от актуальной конъюнктуры и повестки дня, предлагаются и другими представителями современного общества. Активную роль в исторической политике играют средства массовой информации, а также политически ангажированные эксперты и аналитики, которые могут представлять различные точки зрения по тем или иным вопросам национального прошлого, политической и государственной истории. В современном мире историческая политика стала настолько универсальным явлением, что проблема памяти актуализируется неизбежно не только в случае обсуждения собственно исторических проблем, связанных с политическим опытом тех или иных обществ, но и в рамках разного рода спортивных мероприятий.

Чемпионат мира по футболу в Катаре в 2022 г. (далее: Чемпионат), несмотря на его формально спортивный характер, стал стимулом для идеологических дискуссий, в том числе — в исторической политике Ближнего Востока. Спорт может восприниматься как одна из форм функционирования мемориальной культуры и исторической политики. Более того, в случае обострения политических и идеологических конфликтов спортивные аналитики становятся участниками исторической политики, а спортивные комментарии превращаются в арену не менее ожесточенных войн памяти и мемориальных конфликтов чем публичные, общественные и политические пространства.

Комментарии различных экспертов либеральной ориентации относительно Чемпионата обнажили многочисленные исторические травмы Ближнего Востока. Эксперты были вынуждены актуализировать травмы колониализма и ориентализма, которые иг-

рает особую роль в современной политической идентичности и исторической памяти ближневосточных арабских обществ. Исторические экскурсы спортивных и политических комментаторов во время Чемпионата мира по футболу актуализировали не менее важные противоречия, связанные с национальными версиями исторических памятней арабских обществ Ближнего Востока, так как неизбежно визуализировали проблемы прав человека, авторитаризма и демократии, поводом и фоном для обсуждения которых стал матч различных национальных сборных в рамках проведения Чемпионата.

Целью статьи является анализ основных направлений либерального восприятия Чемпионата в информационном дискурсе «Al-Araby Al-Jadeed» через призму исторической политики памяти и одновременно, параллельного соразвития различных мемориальных культур. Подобно тому, как «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования» [19, р. 60], роль современного спорта в мемориальной политике также изучена крайне незначительно. В число задач автора входит изучение того, каким образом исторический опыт арабских стран и проблемы исторической коллективной памяти оказывались в центре идеологических дебатов, вдохновленных проведением Чемпионата, который превратил спортивных и политических комментаторов Ближнего Востока в участников политики памяти, ответственных как за пересмотр, так и формирование мемориальных канонов и культур.

Чемпионат как фактор усиления арабской солидарности и национализма

Историческая память, как полагает А. И. Макаров, представляет собой «многоуровневую информационную систему, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надиндивидуальной памяти» [2, с. 8], представленные в современном обществе потребления самыми разнообразными сферами. Среди последних особое место занимает спорт, который обладает значительным мобилизационным ресурсом, будучи центром формирования и развития различных субкультур, в том числе — и мемориальных.

Чемпионат мира в либеральном информационном поле воспринимается как стимул, содействующий росту и укреплению национальной идентичности и панарабизма,

так как власти Катара, по мнению турецкого эксперта Мохамеда Мустафы Коксо, смогли продемонстрировать миру свой образ как страны, которая сохраняет и уважает «арабскую идентичность и толерантные исламские ценности»¹. Джавад Аль-Анани, иорданский эксперт, несколько конкретизирует это допущение, подчёркивая, что Чемпионат в Катаре [13] содействовал большей визуализации в мире «национальной, этнической и религиозной идентичности»² именно этой арабской страны.

Несмотря на наличие множественных диспропорций и противоречий между арабскими странами Саид Зидани полагает, что «политические и идеологические разногласия между арабскими странами и внутри них» и «диссонанс арабских правителей» не смогли повлиять на восприятие Чемпионата как свидетельства «единства чувств и предубеждений, проистекающих, главным образом, из арабо-исламской культурной идентичности, укорененной в душах, и ставшей тем камнем, о который разбиваются стрелы высокомерия Запада... всепоглощающей арабской радости, которая простирается, как стая голубей от Машрика до Магриба и даже дальше»³.

В связи с этим, египетский эксперт Ахмед Махер полагает, что Чемпионат стал стимулом, актуализировавшим новую версию арабизма, который «существует в сердцах арабских народов... панарабизм был разорван руками арабских правителей, а не из-за якобы заговоров. У каждого, кто бредил национализмом и единством, был свой проект лидерства и свои заблуждения, поэтому арабский мир разрывался между несколькими проектами, противоречащими друг другу... арабизм — более широкое и всеобъемлющее понятие, лишённое политических амбиций, в арабизме мы видим указание на идентичность, язык, общую культуру»⁴. Подобные актуализации и визу-

ализации образа арабизма в комментариях на формально спортивную тему в 2022 г. не только продолжили более ранние попытки интеграции спорта и арабского национализма [15], но и фактически содействовали его возвращению в политическую повестку дня. Актуализация, точнее — реанимация, идей арабизма и панарабизма в контекстах исторической и политической памяти со стороны идеологически ангажированных комментаторов Чемпионата мира стала фактически попыткой подвергнуть ревизии официальный дискурс культуры памяти современного Ближнего Востока.

Фактически реактуализация арабизма в целом может быть описана в рамках категориального аппарате, предложенного немецким историком национализма С. Цвиклински, который полагает, что «если за пределами официального дискурса возникают неформальные объединения, то они влияют на написание и изучение истории», но идеи критиков и оппонентов государственно санкционированной модели памяти «не в состоянии поколебать силу официального дискурса» [3, с. 364—365]. Подобная модель социальной и политической консолидации, которая оказалась востребованной либеральными арабскими средствами массовой информации, оказалась основана, в том числе, и на выражении чувства солидарности во время Чемпионата с палестинцами. Проявлением последней стало неоднократное вывешивание палестинских флагов во время матчей болельщиками из арабских стран⁵.

Комментируя такую форму панарабизма, Махмуд Аль-Рахби, оманский писатель, полагает, что моменты, «связанные с поднятием палестинского флага были призваны напомнить цивилизованному миру о том, что есть проблема, о которой нельзя забыть, так как у нее не существует срока давности, ибо народ, чья земля была оккупирована, все еще ждет, чтобы получить свои права»⁶. В этом контексте спорт актуализирует свою функцию как одного из пространств развития исторической памяти, так как в современном обществе «применение истории не

(дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁵ Палестинский флаг — привычное зрелище на чемпионате мира по футболу в Катаре // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 13. URL: <https://www.alaraby.co.uk/society/aleilmu-alfilastiniu-mashhadimaluf-fi-mundial-qatar> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁶ Махмуд аль Рахби, Марокканская магия // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 19. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/alsahari-almaghribiu> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

¹ Мухаммад Мустафа Коксо, Катар забивает больше голов на ЧМ // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 19. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/qtr-thrzmzydaan-mn-alahdaf-fy-kas-alealm> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

² Джавад Аль-Анани, Чемпионат мира и мягкая сила // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 22. URL: <https://www.alaraby.co.uk/economy/ka'as-alealmiwalquatu-alnaaeima> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

³ Саид Зидани, Великая арабская радость // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 18. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/alfarah-alearbi-alkabir> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁴ Ахмед Махер, Арабизм и Чемпионат мира // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 30. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/aleurubat-walmundial>

ограничивается изучением только прошлого... история может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором», что стимулирует «общественное конструирование исторических восприятий и идентичностей» [20, S. 3—4] не только через призму формализованных академических пространств, но и сегментов массовой культуры общества потребления, включая спорт.

Поэтому, подобно тому, как в авторитарных обществах XX века «дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры» [1, с. 157], на современном Ближнем Востоке мемориальный дискурс функционирует в условиях усиления тенденций, содействующих его миграции и перетеканию из общественных и публичных пространств в сферы общества потребления, включая спорт. Палестинский аналитик Раби Эйд, позитивно оценивший подобные проявления арабской солидарности и вовсе выдвинул лозунг «Filastin hi al-fayizat fi kas al-ealam lihadha al-eami» («Палестина — победитель чемпионата мира в этом году»¹), апеллирующий не только к солидарности, но и актуализирующий ожидание реальной поддержки со стороны арабского мира.

Чемпионат усилил новую версию арабизма, основанную на спорте, так как «футбол — это больше, чем просто игра, это мягкая сила, которая может объединять больше, чем разделять»², чем не преминули воспользоваться и некоторые средства массовой информации, которые попытались использовать спортивный успех как ресурс для арабской консолидации. Комментируя эту ситуацию, сирийский журналист Башир аль-Бакр, подчеркивает политическую важность спорта в целом и футбола в частности, указывая на то, что последний показал свою способность «воспламенить общественное мнение, возрождать идентичность до такой степени, что люди начинают поднимать флаг Палестины на стадионах в знак солидарности с борьбой палестинского народа»³.

Столь откровенно политические попытки актуализации травмированной исторической коллективной памяти в публичных

и общественных пространствах Катара во время проведения Чемпиона мира подтверждают правоту тех авторов, которые полагают, что «история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами» [18, р. 470], что и подчеркнули попытки фанатов ввести Палестину в информационную повестку дня мундиаля, хотя последняя формально и фактически не являлась участницей мероприятия. В сложившейся ситуации сфера политически и идеологически мотивированного использования и применения прошлого постепенно расширяется. Поэтому не только «школы и учебники становятся важными звеньями в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее» [14, р. 3].

Наряду с традиционными каналами популяризации прошлого и визуализации истории в публичных и общественных пространствах, не менее важную роль в актуальной политике памяти начинает играть спорт. Проявление солидарности с палестинцами для либеральных средств массовой информации стали поводом для актуализации принципов арабского национализма, основанного на антизападном нарративе. По мнению аналитиков, успех Марокко, где политические элиты использовали ресурс спорта на укрепления национальной идентичности [5] и, как следствие, консолидации мемориальной культуры, имеет важное значение для арабского мира, так как существенно улучшит образ этой страны на Ближнем Востоке, так как элиты недовольны его сближением с Израилем. Более того, сами игроки национальной сборной были замечены с палестинскими флагами, что воспринималось аналитиками как проявление их несогласия с политикой элит, которые общеарабские интересы воспринимают как менее важные в сравнении с собственными.

В этой ситуации успешное выступление национальной сборной становится для марокканских элит важным элементом политики «мягкой силы»⁴. Некоторыми авторами 2022 год определяется как «год

¹ Раби Эйд, Палестина и Кубок мира в Катаре // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 25. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/mundial-filastin-fi-qatar> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

² Ханан Аль-Нубли, Мы имеем право мечтать // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 09. URL: <https://www.alaraby.co.uk/society/mun-hiqna-'an-nahlum> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

³ Башир аль Бакр, Страновой след // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 23. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/albasmatu-alqataria> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁴ Марокко стремится инвестировать в достижения своей национальной сборной на чемпионате мира 2022 года, чтобы усилить свою мягкую силу // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 21. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/almaghrib-ytimh-lastithmar-'iinjazi-muntakhabih-bmundial-2022-ltaezziiza-quatih-alnaaeima> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

славы марокканского футбола»¹. В заслугу элитам Марокко, в связи с этим, ставят то, что они смогли создать условия для игроков марокканского происхождения играть в Чемпионате за национальную сборную, а не иностранные спортивные клубы. Марокканский журналист Аиша Басри, с одной стороны, в заслугу сборной Марокко ставит то, что она своим участием в Чемпионате актуализировала «идею гражданства, подав пример и объединив своих членов, арабов, берберов, европейцев и африканцев вокруг марокканского флага, национального гимна и национальных цветов, став символом принадлежности к многоязычной родине»². В современном мире не только «история может использоваться для консолидации политических режимов» [10, Р. 533], но исторические рефлексии, облакаемые к политике памяти, проникают в публичные пространства, затрагивая все большее число общественных сфер, включая спорт.

Спорт воспринимается в качестве ресурса, который периодически используется арабскими элитами [7] для укрепления собственной легитимности и той мемориальной культуры, на которой последняя может основываться. Эксперты подчеркивают уникальность спортивного опыта Марокко с политической точки зрения, так как страна оказалась первым арабским государством, которое стало четвертым по итогам Чемпионата, проиграв Хорватии³. Значительную роль в такой консолидации нации вокруг футбольной команды, как полагает, сыграли женщины Марокко⁴, которые поддерживали участников национальной сборной, что, в первую очередь, относится к матерям иг-

¹ 2022 год — год славы марокканского футбола // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 09. URL: <https://www.alaraby.co.uk/sport/2022-eam-almijdi-lilkurati-almaghribia> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

² Аиша Басри, Уроки гражданства от марокканской сборной, которая не поддержала пережитки колониализма // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 22. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/dirusmin-almuntakhabi-almaghribi-limi-yлтаqitaha-fluli-aliastemar> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

³ Марокко переписывает историю футбола для арабов и выходит в полуфинал ЧМ в Катаре // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 10. URL: <https://www.alaraby.co.uk/sport/almghrb-yueyd-ktabtarykh-krt-aldqm-wyтаhl-'ila-nsf-nhayy-mwndyal-qtr> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁴ Гада Шейх, Марокканская команда и клятвы арабских матерей // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 14. URL: https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/almuntakhabi-almaghribi-wnwdhur-al'umahati-alearabiaat (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

роков, которые регулярно оказывались в центре внимания СМИ. Успех сборной Марокко на Чемпионате актуализировал проблемы марокканской идентичности, так как некоторые эксперты предпочитали описывать национальную сборную как «команду североафриканских амазигов, неарабскую и неисламскую команду»⁵.

В этом отношении Чемпионат в Катаре не только стал фактором политизации спорта, но и стимулировал новую волну политической активности в странах Ближнего Востока, в основе которой лежали попытки реанимации арабизма и панарабизма, основанного не на воле политических элит, но воспринимавшегося как проявление гражданской активности.

Чемпионат в контексте либеральной критики ориентализма, сионизма и неоколониализма

Проведение Чемпионата в Катаре воспринимается арабскими экспертами как фактор роста национального самосознания и политизации спорта, что в целом соотносится с современной междисциплинарной историографией [12], в рамках которой пространства функционирования памяти и конструирования, основанных на ней идентичностей, все больше переносятся в сферу спортивных предпочтений общества потребления [8]. Комментируя последнюю Исса Аль Шуайби, иорданский журналист, иронично замечает, что «спорт — это пальто, под которым скрыта легкая политическая рубашка»⁶.

Примером политической мобилизации и идеологизации спорта признается стратегия элит Марокко. Марокканский журналист Аиша Басри, в связи с этим, подчеркивает, что западные страны были вынуждены пересмотреть свое фактически колониальное отношение к арабам, которые проявили как «мусульманскую идентичность», так и общепарабскую солидарность перед лицом критики, исходившей с Запада. Публикации за-

⁵ Мохамед Беназиз, Об идентичности сборной Марокко на ЧМ: вопрос для обсуждения // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 18. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/en-hwyт-almntkhhb-almghrb-yf-almwndyal> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁶ Исса Аль Шуайби, Спорт и политика — две стороны одной медали? // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 20. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/hil-alriyadat-walsiyasatu-wjhan-lieumlati-wahidatun> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

падных средств массовой информации были направлены на продвижение негативного образа арабов, что, например, относится к попыткам некоторых европейских и американских авторов обвинять игрока национальной сборной Марокко Закарию Абу Халила в том, что он «является салафитом, который придерживается экстремистской идеологии и намеренно проник в марокканскую сборную»¹.

В связи с этим подчеркивается, что Чемпионат в Катаре усилил ксенофобские настроения в Европе в отношении арабов², а также визуализировал проявления западного колониального мышления, формой чего, по мнению ряда арабских авторов, стало высмеивание западными СМИ бишта как части катарского национального костюма³. По мнению ряда историков, «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставлены под контроль и управление» [17, p. 189]. В случае с современными арабскими странами этот перечень может быть расширен за счет спорта, который фактически становится пространством функционирования коллективной памяти — не только официальной, но и альтернативной. В этой ситуации «фанатичных фанатов европейского футбола» («fanatical fans of European soccer» [11]), по определению англо-американского политолога Д. Эллува, становятся основной группой, от которой начинается исходить запрос на изменения в обществе, включая — ревизию коллективной исторической памяти и связанного с ней мемориального канона.

Само проведение Чемпионата в Катаре определяется экспертами в качестве «моральной победы, которая восстановила наше чувство принадлежности» именно к арабскому миру⁴. Такое восприятие Чемпи-

оната, в целом, интегрируется в интерпретационную модель, предложенную в современной историографии, согласно которой восприятие спорта в обществе политически и идеологически обусловлено, будучи связанным и легитимизируемым национализмом [4], укорененным в пространстве в форме «мест памяти» [16], что превращает наиболее массовые его виды, включая футбол, не только в мощный ресурс «мемориализации» и формирования новых мемориальных культур [9], но и в инструмент пропаганды, содействуя комментирования формально спортивных событий через фактически политические призмы коллективной исторической памяти, отягощенные разного рода травмами [21] — от колониализма до авторитаризма — в одинаковой степени актуальными для современных мемориальных культур Ближнего Востока.

Арабские эксперты солидарны в том, что сам факт проведения Чемпионата в Катаре стимулировал рост антиарабских настроений на Западе. Ахмед Аль-Марзуки, марокканский писатель и правозащитник, объясняет это тем, что «высокомерие западных стран в отношении Катара как арабской и исламской страны было слишком велико»⁵. Палестинский журналист Насер Аль-Сахли, комментируя изменение отношения к Ближнему Востоку среди европейских и американских аналитиков, выделяет несколько моментов, которые формируют идейную повестку современной версии ориентализма, основанной на продвижении «западносионистских нелепостей», включая определение арабской национальной одежды как отличительной черты исламизма. Насер Аль-Сахли полагает, что рост антиарабизма стал следствием не только деятельности израильского лобби, но и реакцией на то, что чемпионат фактически актуализировал новый, более гуманный, образ арабского мира⁶, что, по его мнению, противоречит интересам Запада.

Рост негативного отношения Запада в отношении арабов со стороны западных СМИ объясняется через призму роста

¹ Адель Наджди, Широкая полемика после того, как веб-сайт марокканского игрока был обвинен в публикации «салафизма» // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 26. URL: https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/jadil-wasieu-bieid-atihama-muqae-iilikuruni-lilaeibi-maghribi-binshir-alsalafia (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

² Жасмин аль Азрак, Франция и игроки-иммигранты // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 26. URL: <https://www.alaraby.co.uk/blogs/firansa-wiallaaeibun-almuhajirun> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

³ Ламис Андони, «Бишт» и эскалация расистского ориентализма // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 25. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/albishtwanflat-alastshraq-alensry> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁴ Надия аль Азми, Успех объединил нацию // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 25. URL: <https://www.alaraby.co.uk/blogs/njah-whad-am> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁵ Ахмед Аль-Марзуки, Впечатления от чемпионата мира // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 29. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/aintibaeatu-min-almundial> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁶ Насер Аль-Сахли, Гуманизация арабов: фобия Европы и сионизма // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 23. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/ansinatu-alearbi-fubya-uwrubiyati-sihyunia> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

национального самосознания граждан ближневосточных стран, открыто проявляющих свою именно арабскую идентичность, основанную на религиозной, этнической и языковой близости. Малик Ванус, палестинский журналист, полагает, что именно это и вызвало резко негативную реакцию со стороны Израиля, которого, как считает эксперт, возрождение идей арабизма, получившего уникальный исторический шанс после нескольких десятилетий кризиса и упадка вернуться на политическую арену в качестве народной и общественной, а не направляемой и контролируемой государством, инициативы¹.

Либеральные эксперты предостерегают от спекуляций относительно того, что проведение Чемпионата в арабской стране может стать стимулом для роста исламизма². Проведение Чемпионата мира на Ближнем Востоке и успех марокканской команды, сборной независимой страны, как полагают эксперты, санкционировал в западном информационном дискурсе рост антиисламских и антиарабских настроений, превратив футбол в «дверь, которая открыла обсуждение присутствия ислама и связанной с ним идентичности» в мире спорта³. В самом же Марокко подобные успехи воспринимаются позитивно в контексте укрепления «национального единства перед лицом внутренних и внешних угроз» [6], которыми являются коллективные страхи Запада, направленные против арабов и мусульман. Усиление антиарабских фобий, как полагает палестинский эксперт Бээил Талузи, сформулировавший в значительной степени провокационный вопрос «Нужен ли футбол для арабского единства?»⁴, стало ответной реакцией на попытки реанимации панарабизма на Ближнем Востоке.

Критика со стороны Запада самого факта проведения Чемпионата в Катаре воспри-

нимается как продолжение традиции европейского ориентализма. Именно поэтому Ясир Абу Хилала, иорданский журналист, полагает, что актуальное восприятие событий «восходит к взглядам западных востоковедов на то, что относится к арабам, мусульманам и к Востоку в целом, а также к стране размером с Катар в частности»⁵. В этом отношении проведение Чемпионата мира в Катаре в значительной степени содействовало росту арабской солидарности и усилению национализма, основанного, в том числе, и на актуализации образа Другого, универсальным кандидатом на статус которого в конце 2022 г. в арабском мире оказался Запад.

Выводы

Проведение Чемпионата мира по футболу в Катаре в 2022 г. стало не только спортивным, но и политическим событием, которое подчеркнуло идеологические противоречия, в том числе — в восприятии прошлого арабского мира. Формально спортивные мероприятия стали стимулом для обострения мемориальных конфликтов, стимулируя «войны памяти» между западными и арабскими странами. Основные противоречия пролегли в сфере восприятия относительно недавней истории, так как та отягощена травмами ориентализма и колониализма. Чемпионат мира в арабской стране стал стимулом для исторической и политической рефлексии среди интеллектуалов и аналитиков Запада и Ближнего Востока одновременно. Если для восприятия чемпионата со стороны первых в большей или меньшей степени были характерны рецидивы и проявления колониального мышления, то для вторых не меньшую роль играла ответная протестная реакция, направленная как против ориентализма, так и колониализма.

В арабском интеллектуальном дискурсе скептическое отношение Запада к способности Катара организовать и провести столь масштабное событие как Чемпионат мира воспринималось одновременно как пережиток колониализма, свидетельство колониального стиля мышления, воспроизводства негативного образа арабского Ближнего Востока в западных СМИ. Проведение Чемпионата в 2022 г. неизбежно стимулировало

¹ Мохамед Ахмед Беннис, Другой арабизм // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 22. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/aleurubati-al'ukhraa> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

² Абдул Рахман Халали, Тот самый религиозный популизм на фестивале ЧМ // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 21. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/tilika-alshaebawati-aldiyaniati-fi-mahrajani-ka'as-alealam> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

³ Абдулла Хадари, Сборная Марокко и глобальные амбиции // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 28. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/muntakhabialmaghribi-wqafzati-altimuhi-alealamia> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁴ Бээил Талузи, Матч за арабское единство // Al-Araby Al-Jadeed. 2023. Yanayir 01. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/mubaratu-lilwahdati-alearabia> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

⁵ Ясир Абу Халала, От «пурдаха» до «бишта» на величайшем чемпионате мира // Al-Araby Al-Jadeed. 2022. December 23. URL: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/mn-alburdt-'ila-albsht-fy-aezm-mwndyal> (дата обращения: 12.01.2023) (на арабском языке).

арабских аналитиков и экспертов проводить параллели с историческим опытом, так как в силу действия негативного колониального наследия арабы не только не принимали до 2022 г. столь значимых спортивных турниров, но и не достигали сопоставимых успехов и результатов на других соревнованиях. Отсутствие реальных социальных и экономических достижений значительной части стран Ближнего Востока объяснялась арабскими авторами через призму истории, отягощенной наследием колониализма и влиянием ориентализма, которые сформировали неверные, на их взгляд, образы Северной Африки и Леванта.

Столкновение различных точек зрения обострилось и в силу наличия третьей стороны, представленной Израилем, на который арабские интеллектуалы склонны возлагать меньшую ответственность за проблемы и трудности Ближнего Востока чем на Запад. Действие этих факторов в комплексе, представленных западным неприятием, сопряженным, по мнению арабских экспертов, с израильским сионизмом, фактически актуализировало игнорируемое измерение Чемпионата как современной формы мемориального конфликта и войн памяти.

Последние в комментариях и экспертных оценках арабских авторов обрели два измерения. Речь идет о мемориальной войне с Западом, который воспринимается как фактор, определивший отставание стран Ближнего Востока путем институционализации его зависимого и колониального статуса в прошлом. Чемпионат мира актуализировал состояние множественности и гетерогенности собственно арабских исторических и политических памятей, так как участие / неучастие тех или иных государств региона поставило перед экспертами проблемы отношения с местными элитами, ассоциируемыми с авторитарными режимами. Чемпионат стал поводом напомнить не только об исторической травме колониального наследия в исторической памяти, но и подчеркнуть зависимость арабских мемориальных культур от политической и идеологической конъюнктуры на национальном уровне.

Чемпионат в Катаре актуализировал транснациональность как измерение исторической памяти, что выразилось в попытках ревизии идеологии арабизма, воспринимаемой как не только форма идентичности, но и как пространство бытования другой версии коллективной исторической памяти, которая в меньшей степени искажена и подвержена манипуляциям со стороны

национальных политических элит, которые, используя различные национализмы — египетский, ливийский, сирийский и другие — стремились деконструировать коллективную память арабского мира в целом. Комментарии некоторых экспертов, которые были склонны апеллировать к ценностям именно арабизма, подчеркнули потенциал ревизионизма в пересмотре сложившихся мемориальных культур.

Проведение Чемпионата мира по футболу в 2022 г. в Катаре подчеркнуло универсальность исторической коллективной памяти, основанной на различных мемориальных культурах, показав, что спорт может являться эффективной формой политической мобилизации в рамках войн памяти, отягощенных взаимными претензиями, связанными с опытом ориентализма и колониализма, негативный эффект которых продолжает оказывать влияние на функционирование идентичностей арабского Ближнего Востока.

1. Варнавский, П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 — 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. — 2003. — № 1. — С. 149 — 176.

2. Макаров, А. И. Историческая память: конструкция или реконструкция? / А. И. Макаров // Историческая экспертиза. — 2014. — № 1. — С. 4 — 10.

3. Цвиклински, С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // *Ab Imperio*. — 2003. — № 2. — С. 361 — 392.

4. Allison, L. Sport and nationalism / L. Allison // *Handbook of sports studies* / eds. J. Coakley, E. Dunning. — L. : Sage Publisher, 2000. — P. 344 — 355.

5. Amara, M. Makhzanat Arriadah: Korat El-Kadam Namoudhajan: Makhzenization of Sport in Morocco: case study of football / M. Amara // *International Journal of the History of Sport*. — 2012. — Vol. 29. — № 15. — P. 2200 — 2203.

6. Amara, M. Sport and Political Leaders in the Arab World / M. Amara // *Histoire et Politique*. — 2014. — № 2 (23). — P. 142 — 153.

7. Amara, M. When the Arab World was mobilised around the FIFA 2006 World Cup / M. Amara // *The Journal of North African Studies*. — 2007. — Vol. 12. — № 4. — P. 417 — 438.

8. Bandyopadhyay, K. Defining moments in the history of soccer / K. Bandyopadhyay,

S. Naha // *Soccer and Society*. — 2019. — Vol. 20. — № 7 — 8. — P. 897 — 902.

9. Camino, M. "Red Fury": Historical memory and Spanish football / M. Camino // *Memory Studies*. — 2014. — Vol. 7. — № 4. — P. 500—512. — DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698014531594> (дата обращения: 16.01.2023).

10. Coakley, J. Mobilizing Past: nationalist images of history / J. Coakley // *Nationalism and Ethnic Politics*. — 2004. — Vol. 10. — № 4. — P. 531 — 560.

11. Ellwood, D. Geopolitics, sport, soft power: soccer and the Arab Gulf / D. Ellwood // USC Center on Public Diplomacy Blog. — 2020. — June 23. — URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/geopolitics-sport-soft-power-soccer-and-arab-gulf> (дата обращения: 16.01.2023).

12. Giulianotti, R. Football events, memories and globalization / R. Giulianotti // *Soccer and Society*. — 2019. — Vol. 20. — № 7 — 8. — P. 903—911.

13. Griffin, Th. National identity, social legacy and Qatar 2022: the cultural ramifications of FIFA's first Arab World Cup / Th. Griffin // *Soccer and Society*. — 2019. — Vol. 20. — № 7—8. — P. 1000—1013.

14. Hein, L. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. — Armonk — New York ; London : M.E. Sharpe, 2000. — P. 2 — 14.

15. Henry, J. P. Sport, Arab Nationalism and the Pan-Arab Games / J. P. Henry, M. Amara, M. Al-Tauqi // *International Review for the Sociology of Sport*. — 2003. — Vol. 38. — № 3. — P. 295 — 310.

16. Howard, J. On Sport, Public History, and Public Sport History / J. Howard // *Journal of Sport History*. — 2018. — Vol. 45. — № 1. — P. 24 — 40. — DOI: <https://doi.org/10.5406/jsporthistory.45.1.0024> (дата обращения: 16.01.2023).

17. Outhwaite, W. Modernity, Memory and Postcommunism / W. Outhwaite, L. Ray // *Social Theory and Postcommunism* / eds. W. Outhwaite, L. Ray. — L. — NY. : Blackwell Publishing Ltd, 2005. — P. 176 — 197.

18. Rottier, P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // *Ab Imperio*. — 2004. — № 1. — P. 467 — 486.

19. Smith, A. D. Nationalism and the Historians / A. D. Smith // *International Journal of Comparative Sociology*. — 1992. — Vol. 33. — № 1 — 2. — P. 58 — 80.

20. Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen und Vergangenheitspolitik

im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. — 304 s.

21. Vincze, T. Historical Exercises: Hungarian Sports Films As Political Commentary and Historical Memory / T. Vincze // *Apparatus. Film, Media and Digital Cultures of Central and Eastern Europe*. — 2018. — № 7. — URL: <https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/view/127>. DOI: <https://doi.org/10.17892/app.2018.0007.127> (дата обращения: 16.01.2023).

References

1. Varnavskiy P. (2003). Granitsy sovetskoj burjatskoj natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926 — 1929 gg. v proektah natsional'noj intelligentsii i natsional-bol'shevikov [The borders of the Soviet Buryat nation: national and cultural construction in 1926 — 1929. in the projects of the national intelligentsia and the national Bolsheviks]. *Ab Imperio*. no 1, pp. 149 — 176 [in Rus].

2. Makarov A.I. (2014). Istoricheskaja pamjat': konstruksija ili rekonstruksija? [Historical memory: construction or reconstruction?]. *Istoricheskaja ekspertiza*. no 1, pp. 4—10 [in Rus].

3. Tsviklinski S. (2003). Tatarizm vs bulgarizm: «pervyi spor» v tatarskoj istoriografii [Tatarism vs Bulgarianism: "the first dispute" in Tatar historiography]. *Ab Imperio*, no 2, pp. 361—392 [in Rus].

4. Allison L. (2000). Sport and nationalism. Coakley J., Dunning E. (2000). *Handbook of sports studies*. L., Sage Publisher, pp. 344—355 [in Eng].

5. Amara M. (2012). Makhzanat Arriadah: Korat El-Kadam Namoudhajan: Makhzenization of Sport in Morocco: case study of football. *International Journal of the History of Sport*. vol. 29, no. 15, pp. 2200—2203 [in Eng].

6. Amara M. (2014). Sport and Political Leaders in the Arab World. *Histoire et Politique*. no 2, pp. 142—153 [in Eng].

7. Amara M. (2017). When the Arab World was mobilised around the FIFA 2006 World Cup. *The Journal of North African Studies*. vol. 12, no 4, pp. 417— 438 [in Eng].

8. Bandyopadhyay K., Naha S. (2019). Defining moments in the history of soccer. *Soccer and Society*. vol. 20, no 7—8, pp. 897—902 [in Eng].

9. Camino M. (2014). "Red Fury": Historical memory and Spanish football. *Memory Studies*. vol. 7, no 4, pp. 500—512. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698014531594> [in Eng].

10. Coakley J. (2004). Mobilizing Past: nationalist images of history. *Nationalism and*

Ethnic Politics. vol. 10, no. 4, pp. 531 — 560 [in Eng].

11. Ellwood D. (2020). Geopolitics, sport, soft power: soccer and the Arab Gulf. *USC Center on Public Diplomacy Blog*. June 23, available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/geopolitics-sport-soft-power-soccer-and-arab-gulf> (accessed 16.01.2023) [in Eng].

12. Giulianotti R. (2019). Football events, memories and globalization. *Soccer and Society*. vol. 20, no 7 — 8, pp. 903—911 [in Eng].

13. Griffin Th. (2019). National identity, social legacy and Qatar 2022: the cultural ramifications of FIFA's first Arab World Cup. *Soccer and Society*. vol. 20, no 7 — 8, pp. 1000—1013 [in Eng].

14. Hein L., Sekden M. (2000). The Lessons of War, Global Power and Social Change. Hein L., Sekden M. (2000). *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States*. Armonk — New York ; London : M.E. Sharpe, pp. 2 — 14 [in Eng].

15. Henry J.P., Amara M., Al-Tauqi M. (2003). Sport, Arab Nationalism and the Pan-Arab Games. *International Review for the Sociology of Sport*. vol. 38, no 3, pp. 295 — 310 [in Eng].

16. Howard J. (2018). On Sport, Public History, and Public Sport History. *Journal of Sport History*. vol. 45, no. 1, pp. 24 — 40. DOI:

<https://doi.org/10.5406/jsporhistory.45.1.0024> [in Eng].

17. Outhwaite W., Ray L. (2005). Modernity, Memory and Postcommunism. Outhwaite W., Ray L. (2005). *Social Theory and Postcommunism*. New York ; London : Blackwell Publishing Ltd, pp. 176 — 197 [in Eng].

18. Rottier P. (2004). Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland. *Ab Imperio*. no 1, pp. 467—486 [in Eng].

19. Smith A.D. (1992). Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. vol. 33, no 1—2, pp. 58—80 [in Eng].

20. Bock P., Wolfrum E. (1999). *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 304 s. [in Ger].

21. Vincze T. (2018). Historical Exercises: Hungarian Sports Films As Political Commentary and Historical Memory. *Apparatus. Film, Media and Digital Cultures of Central and Eastern Europe*, no. 7, available at: <https://www.apparatusjournal.net/index.php/apparatus/article/view/127> DOI: <https://doi.org/10.17892/app.2018.0007.127> (accessed 16.01.2023) [in Eng].

Статья поступила в редакцию 16.01.2023

For citing: Kirchanov, M. V. Perception of the 2022 FIFA World Cup in Qatar in Arab liberal analytics as a form of politics of memory / M. V. Kirchanov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 74—84. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-74-84. — EDN EDSULU.

UDC 323.232:930(=411.21)(045)

EDN EDSULU

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-74-84

PERCEPTION OF THE WORLD FOOTBALL CUP 2022 IN QATAR IN ARAB LIBERAL ANALYTICS AS A FORM OF MEMORIAL POLITICS

Maksym W. Kyrchanoff,

Voronezh State University,
Faculty of International Relations,
Associate Professor of the Department of Regional
Studies and Foreign Countries Economies,
Associate Professor of the Department of History
of Foreign Countries and Oriental Studies,
Doctor of Historical Sciences.
Voronezh, Russia.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author analyzes the informational discourse of the World Cup in Qatar through the prism of collective historical memory. It is assumed that the Qatari Championship turned out to be both a sporting and political event. The article highlights the main problems that formed the information agenda, as well as the vectors and trajectories of the interpretation and perception of the Championship by liberal analysts and experts. **Goal.** The purpose of the article is to analyze the main directions of the liberal perception of the World Cup in Qatar in the information discourse of "Al-Araby Al-Jadeed" through the prism of the historical politics of memory.

Methods. The author uses the methods proposed within the memorial turn in modern interdisciplinary historiography, which make it possible to identify and systematize the features of the transformation of the collective historical memory of Arab societies through the prism of sports, actualised by the 2022 World Cup in Qatar.

Scientific novelty. The article is one of the few attempts to interpret the historical politics of memory in modern society in the context of the perception of sports as an element of the memorial culture and historical experience of the Arab societies of the Middle East.

Results. The article analyzes the main vectors and trajectories of the use of sports for the politicization and ideologization of historical memory. It is assumed that the Championship stimulated political and ideological contradictions between Arab experts on the issues of collective historical and political experience, as well as its reflection in memorial cultures. The author believes that Arab analysts formally used sports events to update the political, social and economic problems and contradictions of the Middle East through the prism of historical memory, visualizing the trauma of the colonial and orientalist heritage.

Conclusions. It is shown that the Championship actualized political contradictions in the perception of current historical experience, visualizing the lines of ideological demarcation between Arab intellectuals who actively used sports as an information occasion for discussing the problems of historical politics and the politics of collective memory, including the perception of the place and role of authoritarianism, democracy and human rights in contemporary memorial cultures. The author believes that the reaction of the elites to the attempts of the liberal media to turn sport into a space for memorial conflicts and wars of memory was minimal, as the elites were focused on maintaining control and receiving economic dividends from the World Cup. It is shown that the politicization of sports has become the contribution of modern liberal media to the aggravation of wars of memory as a form of memorial conflicts in the Arab world.

Keywords:

Qatar,
football,
World Cup 2022,
Arab states,
historical politics,
politics of memory,
wars of memory,
sport as a space of memory,
pan-Arabism

Для цитирования: Логачева, Н. М. Картографический анализ обеспечения доступности амбулаторно-поликлинических организаций городов-миллионников УрФО / Н. М. Логачева, О. К. Тихонова // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 85—99. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-85-99. — EDN KZGJGE.

УДК 332.132, 332.145

EDN KZGJGE

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-85-99

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ АМБУЛАТОРНО- ПОЛИКЛИНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОРОДОВ- МИЛЛИОННИКОВ УРФО

Логачева Наталья Модестовна,
Челябинский филиал Института
экономики УрО РАН,
ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0001-7008-0446
E-mail: logacheva.nm@uiec.ru

Тихонова Ольга Константиновна,
Челябинский филиал Института
экономики УрО РАН,
младший научный сотрудник.
Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-7157-7451
E-mail: tikhonova.ok@uiec.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена выявлению особенностей пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций в городах-миллионниках и оценке степени соответствия/отклонения нормативам пешеходно-транспортной доступности.

Методы. Теоретической и методологической основой исследования являются научные представления в области региональной экономики, пространственного и нормативного анализа.

Научная новизна исследования заключается в оценке обеспеченности и насыщенности территорий амбулаторно-поликлиническими организациями, в контексте особенностей их пространственного размещения с учетом установленных нормативных требований.

Результаты. Определено место городов-миллионников УрФО среди мегаполисов России по условиям, влияющим на доступность амбулаторно-поликлинических организаций для населения. При осуществлении картографического анализа пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций в Екатеринбурге и Челябинске установлены районные особенности исследованных городов, что дало возможность определить существующие проблемные территории, для которых характерен дисбаланс в уровне доступности объектов инфраструктуры относительно нормативных требований. Показана неравномерность покрытия зонами обслуживания поликлиник, что снижает для горожан пешеходно-транспортную доступность при получении медицинских услуг. Выявлены особенности и различия территориальной локализации поликлиник в активно застраиваемых районах Екатеринбурга и Челябинска.

Выводы. Полученные результаты могут найти применение в рамках определения приоритетов осуществления пространственных преобразований исследованных территорий и принятия решений органами власти в целях повышения доступности медицинских услуг.

Ключевые слова:

здравоохранение,
социальная инфраструктура,
медицинские услуги,
доступность,
пространство,
картографический анализ,
город

Введение

«Обеспеченность жителей городов, особенно мегаполисов, объектами социальной инфраструктуры — одна из наиболее значимых проблем, так как затрагивает все слои населения вне зависимости от уровня дохода» [8]. Состав объектов, формирующих социальную инфраструктуру, не является устоявшимся и отличается в работах разных исследователей, при этом инфраструктура здравоохранения всегда является обязательным элементом классификаций [7, с. 70—71; 10, с. 17; 13, с. 1065—1066]. Это связано с тем, что здоровье населения — важнейшая компонента качества жизни, влияющая на социально-экономическое развитие регионов и городов [17].

В целом «улучшение и защита здоровья также имеют центральное значение для общего развития человечества» [21], а обеспечение равного доступа к медицинским услугам — важнейшая цель многих систем здравоохранения.

В России законодательно закреплены гарантии на предоставление медицинской помощи гражданам страны¹, что, в свою очередь, предполагает создание условия для повышения ее качества и доступности. Такая цель заявлена также в «Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»².

Для того чтобы обеспечить доступность к медучреждениям, особое внимание нужно уделить «развитию первичной медицинской помощи, а в рамках этой работы — амбулаторно-поликлиническим организациям, которые являются основным звеном здравоохранения» [19].

Доступность по М. Годдарду и П. Смигу характеризуется как «возможность предоставить требуемый набор услуг определенного уровня качества при минимальном личном неудобстве и затратах в условиях ограниченной информации, имеющейся у потребителя» [20].

Доступность объектов социальной инфраструктуры — полидетерминированная проблема, так как формируется под влиянием комплекса факторов.

Многокомпонентность как свойство доступности затрудняет анализ, поскольку требуется учесть: 1) наличие объекта на территории и его локализацию (что задает пространственно-временной компонент доступности); 2) спектр и качество предоставляемых услуг в конкретном медицинском учреждении (медицинская база, кадры и пр.); 3) демографическую структуру и динамику населения (т. к. они формируют запрос на медицинские услуги).

При этом дополнительно стоит задача «формирования и развития социальной инфраструктуры, которая удовлетворяла бы двум критериям: доступность для населения и экономическая целесообразность» [4]. Это стремление приводит к возникновению норм и нормативов, связанных с территориальной доступностью³, а также рекомендаций по численности обслуживаемого населения на одну организацию⁴, что задает нормативные контуры и оказывает влияние на особенности пространственного размещения объектов инфраструктуры.

Изучению различных аспектов пространственного развития посвящено много исследований [9; 11; 22 и др.]. Амбулаторно-поликлинические организации в России распределены согласно территориальному признаку и являются базовым уровнем медицинского обслуживания населения, а терапевтическая помощь считается более широким вариантом врачебной помощи [2].

Цель данной работы состоит в обзорном картографическом исследовании пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций в городах-миллионниках УрФО в сопоставлении с утвержденными нормативами доступности для выявления проблемных террито-

³ СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (Докипедия: СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*).

⁴ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 27 февраля 2016 г. № 132н «О Требованиях к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения исходя из потребностей населения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71260614/> (дата обращения: 15.01.2023).

¹ Ст. 41. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c815f376c72a61b3df7905bb5aae9f144d2cb0d/ (дата обращения: 08.01.2023).

² Ст. 26. Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326419#1pclZTTSyhqkji8> (дата обращения: 10.01.2023).

риальных зон и повышения внимания к ним органов власти.

Планирование структурно-территориальных преобразований и корректировки пространственного размещения возможно с учетом понимания сложившейся ситуации. В связи с этим актуальность подобных исследований высока.

Методы и материалы

Выбор методов исследования предопределили особенности исследуемых объектов.

Одним из методов оценки пространственного размещения является картографический анализ. Он достаточно широко используется в научных исследованиях для оценки разнообразных аспектов (медицинских, демографических, градостроительных и пр.) [5; 16; 18].

Для целей исследования нами были использованы возможности сервиса Яндекс.Карты, которые позволяют визуально представить текущую ситуацию по размещению объектов социальной инфраструктуры.

Особенность объектов здравоохранения (в частности, амбулаторно-поликлинических организаций) состоит в том, что они не только территориально локализованы (за исключением мобильных пунктов), но и имеют зоны обслуживания. Данные зоны определяются на основе нормативов, которые неодинаковы у объектов инфраструктуры в силу предположений относительно того, как добирается потребитель (пешком или на транспорте). При определении нормативов для амбулаторно-поликлинических организаций предполагается возможность использовать транспорт, поэтому устанавливается норматив, характеризующий пешеходно-транспортную доступность.

В рамках нормативного анализа доступности амбулаторно-поликлинических организаций в работе использованы нормативные документы, регламентирующие зоны обслуживания (в частности, Свод правил 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»).

Для оценки обеспеченности амбулаторно-поликлиническими организациями (по числу и мощности) использованы официальные статистические данные, представленные в статистическом сборнике «Основные социально-экономические показатели городов Российской Федерации с численностью населения более 1 млн человек за 2021 год».

В статье анализ обеспечения доступности и оценка пространственного размеще-

ния поликлиник реализован на примере городов-миллионников УрФО (Екатеринбург, Челябинск).

В данной статье совместно использованы картографический и нормативный анализ, поскольку в основе исследования лежит оценка пространственной удаленности амбулаторно-поликлинических организаций от получателей медицинских услуг, проживающих в городах-миллионниках (Екатеринбург, Челябинск), и поиск территорий в районах городов, имеющих отклонение размещенных объектов от утвержденных нормативных значений зон обслуживания.

Логика исследования строилась следующим образом:

1. Проведение компаративного анализа обеспеченности амбулаторно-поликлиническими организациями г. Екатеринбурга и г. Челябинска на основе статистических данных;
2. Построение картографических изображений с визуальными данными, характеризующими фактическое размещение амбулаторно-поликлинических организаций и нормативно установленных зон обслуживания;
3. Анализ особенностей пространственного размещения объектов и отклонений от нормативов территориальной доступности.

Результаты и обсуждение

Мегаполисы имеют высокую нагрузку на социальную инфраструктуру, в том числе инфраструктуру здравоохранения из-за высокой плотности населения и роста численности населения.

Данные таблицы показывают место Екатеринбурга и Челябинска по представленным показателям среди городов-миллионников РФ.

Екатеринбург по площади территории занимает 2-е место после Москвы, при этом имея один из самых низких параметров плотности населения. Челябинск территориально расположен более компактно, как в сравнении с Екатеринбургом, так и некоторыми другими мегаполисами, что приводит к более высокой плотности населения. Эти особенности важны для понимания возможностей и ограничений пространственного размещения объектов социальной инфраструктуры, в том числе амбулаторно-поликлинических организаций, по числу которых ситуация в исследуемых городах тоже различна.

Так, в Челябинске все параметры, характеризующие количественные возможности

Показатели, характеризующие плотность населения и состояние амбулаторно-поликлинических организаций городов-миллионников РФ, 2021 год

Город	Площадь территории, гектар	Плотность населения, человек на гектар	Число амбулаторно-поликлинических организаций, единиц	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену	
				всего	на 10 000 человек населения
Волгоград	85 935	11,7	185	34 482,8	344
Воронеж	59 651	17,6	141	32 136	306,4
Екатеринбург	114 289	13,3	228	49 491	324,4
Казань	61 416	20,5	229	36 016	286,0
Красноярск	35390	31,2	209	36 050	326,6
Москва	256 150	49,3	1 308	448 053,4	354,6
Нижний Новгород	46 0001	41,462	286	40 082,3	318,5
Новосибирск	50 032	32,4	230	54 657	337,1
Омск	56 686	19,9	146	34 293,0	304,5
Пермь	79 968	13,0	197	29 415	282,1
Ростов-на-Дону	34 850	32,6	140	37 973	334,7
Самара	54 194	21,0	217	35 415,0	311,6
Санкт-Петербург	144 7153	38,4	708	201 211,1	374,2
Уфа	70 793	16,1	137	44 371	387
Челябинск	50 091	23,5	233	51 027	432,7

¹ Данные с официального сайта Нижнего Новгорода. URL: <https://нижнийновгород.рф/Dlya-razbora-struktury-/Obshchie-svedeniya> (дата обращения: 08.01.2023).

² Данные с сайта Союза «Торгово-промышленная палата Нижегородской области». URL: <https://nnov.tpprf.ru/ru/region/> (дата обращения: 08.01.2023).

³ Правительство Санкт-Петербурга URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/06/27/05/Доклад_2022_собранный.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

Примечание: Таблица составлена авторами по данным: Основные социально-экономические показатели городов Российской Федерации с численностью населения более 1 млн человек за 2021 год: статистический бюллетень / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — Екатеринбург, 2022. — 23 с. Отсутствующие данные по Нижнему Новгороду и Санкт-Петербургу представлены на основе дополнительных источников, указанных в ссылках.

амбулаторно-поликлинических организаций выше, чем в Екатеринбурге. В частности, по показателю мощности амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек населения Челябинск не просто превосходит Екатеринбург, но и обгоняет все города-миллионники.

1. Пространственное размещение амбулаторно-поликлинических организаций в г. Челябинске

Важно отметить, что само по себе наличие объекта инфраструктуры в городе не позволяет судить о доступности без учета его пространственного размещения по отношению к местам проживания жителей, поэтому, используя картографический инструментарий¹, рассмотрим насыщенность территорий амбулаторно-поликлиническими

¹ Для построения всех рисунков использован сервис Яндекс.Карты.

организациями. Результаты по г. Челябинску представлены на рис. 1.

Визуализация данных на карте позволяет выявить неравномерность зон покрытия амбулаторно-поликлинических организаций. Большое их сосредоточение в центральной части города, а также в районах города, исторически давно сформировавшихся. Тогда как новые районы города испытывают острую нехватку поликлиник.

Изучим более детально ситуацию в отдельных районах города. Картографическое представление пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций в Центральном районе г. Челябинска представлено на рис. 2, 3. Здесь и далее радиус окружностей, залитых цветом, равен 1000 м показывает область, которая соответствует установленному нормативу зоны обслуживания, определяющую пешеходно-транспортную доступность.

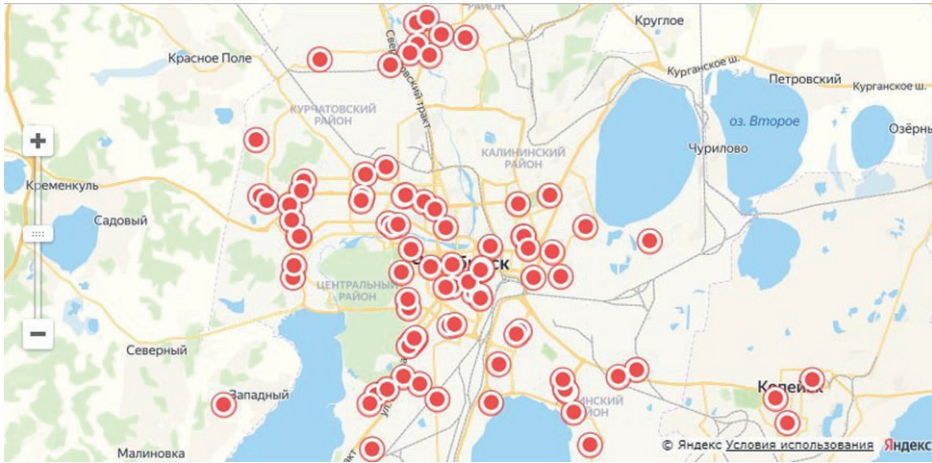

Рис. 1. Насыщенность территории г. Челябинска амбулаторно-поликлиническими организациями

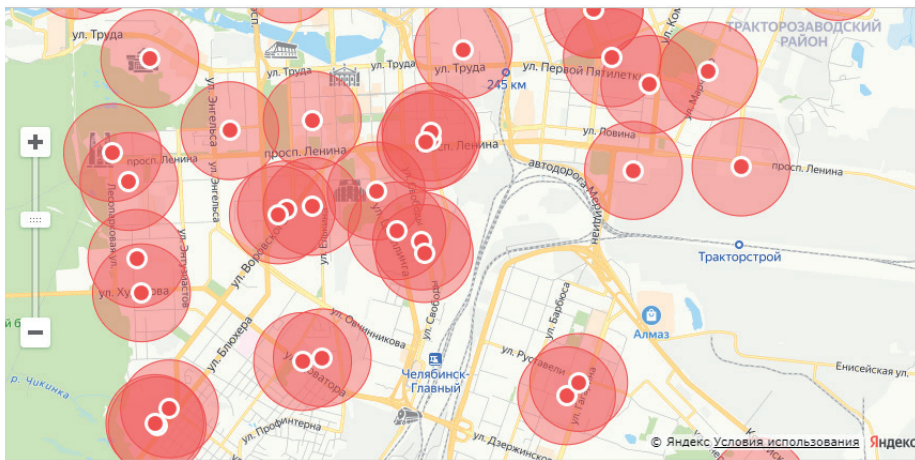

Рис. 2. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Центрального района в г. Челябинск

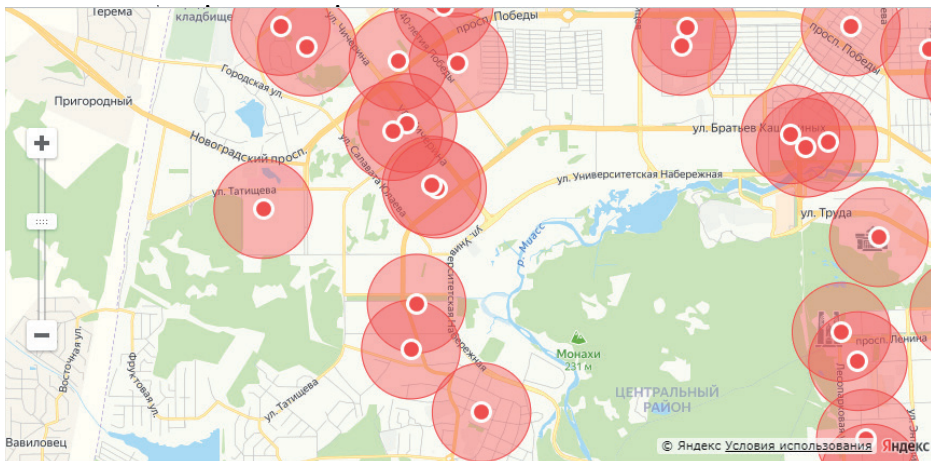

Рис. 3. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Центрального района в г. Челябинск (вторая часть района, граничащая с Северо-Западным районом)

Опираясь на визуальный анализ, мы видим пересечение зон обслуживания амбулаторно-поликлинических организаций. Учитывая, что в центральной части города преобладает низкоэтажная застройка, невысокая плотность населения на 1 кв. км, можно сделать вывод о том, что территориальная доступность амбулаторно-поликлинических организаций для населения достаточно высока. При этом, учитывая многофункциональные и многопрофильные характеристики данных организаций, возрастает нагрузка на их деятельность вследствие притока населения с других районов города и области с целью получения услуг в данных амбулаторно-поликлинических организациях. Это может способствовать росту нагрузки на транспортные сети города, а также увеличению нагрузки на персонал в амбулаторно-поликлинических организациях Центрального района.

Пространственное размещение амбулаторно-поликлинических организаций в Metallургическом районе г. Челябинска, представленное на рис. 4, характеризуется концентрацией поликлиник в центральной части района. Радиусное обозначения зоны, соответствующей нормативной доступности амбулаторно-поликлинических организаций, дает нам возможность оценить обеспеченность объектами инфраструктуры для качественного покрытия потребности населения в получении амбулаторно-поликлинических услуг. Следует сказать, что в данном районе многоэтажная застройка преобладает как раз в центральной части, на границах района распространено одноэтажное размещение населения с ведением подсобного хозяйства, соответственно, плотность населения в районе неравномерна, что находит отражение в территориальной локализации поликлиник.

Тракторозаводский район г. Челябинска активно растет и расширяется благодаря горизонтальной застройке. На рис. 5 показано, что в районе Чурилово, который активно застраивается многоэтажными жилыми домами, находятся две амбулаторно-поликлинические организации, радиусы, показывающие нормативную зону обслуживания, которых пересекаются, при этом значительная часть территории не имеет поликлиник. Учитывая неразвитую транспортную сеть данной территории, можно сделать вывод о недостаточной обеспеченности объектами, а следовательно, о наличии ограничений для горожан по вопросам получения амбулаторно-поликлинических услуг.

Северо-Западный район г. Челябинска, который включает в себя Калининский и

Курчатовский районы, также активно застраивается жилыми кварталами на ранее пустовавших территориях, что приводит к его территориальному разрастанию. Рис. 6 содержит картографическое представление пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций в этом районе.

Можно отметить высокую степень пересечения и наложения зон обслуживания амбулаторно-поликлинических организаций, и, в отличие от Metallургического района, наоборот, их концентрацию ближе к периферийной части Северо-Западного района, где начинается активная массовая жилищная застройка.

Принимая во внимание не только горизонтальное расширение границ районов, наблюдается вертикальный рост застройки города, целесообразно учитывать этот факт при анализе [4; 6].

Администрацией г. Челябинска ведется работа по обеспечению устойчивого градостроительного развития территории города в соответствии с основными принципами законодательства о градостроительной деятельности. За 2020 год в г. Челябинске введено в эксплуатацию за счет всех источников финансирования 660,7 тыс. кв. м жилья, в том числе 89,7 тыс. кв. м — индивидуальные жилые дома, построенные населением, из них 45,6 тыс. кв. м, построенные на земельных участках, предназначенных для ведения садоводства¹.

При освоении новых территорий важно соблюдать принцип комплексности застройки, то есть одновременное жилищное строительство и строительство объектов социального значения, культурно-бытового обслуживания, создание инженерно-транспортной инфраструктуры, целесообразно учитывать полученные в результате исследования данные для повышения уровня пешеходно-транспортной доступности амбулаторно-поликлинических организаций в районах города.

2. Пространственное размещение амбулаторно-поликлинических организаций в г. Екатеринбурге

Екатеринбург является не только городом-миллионником, но и самым большим по занимаемой площади городом УрФО, что является значимым фактором при решении вопросов пространственного размещения объектов социальной инфраструктуры.

¹ Инвестиционный паспорт г. Челябинска 2021 г. URL: <https://cheladmin.gov74.ru/files/upload/adminchel/Управление%20по%20стратегическому%20планированию,%20экономике%20и%20инвестициям/Паспорт%202021>.

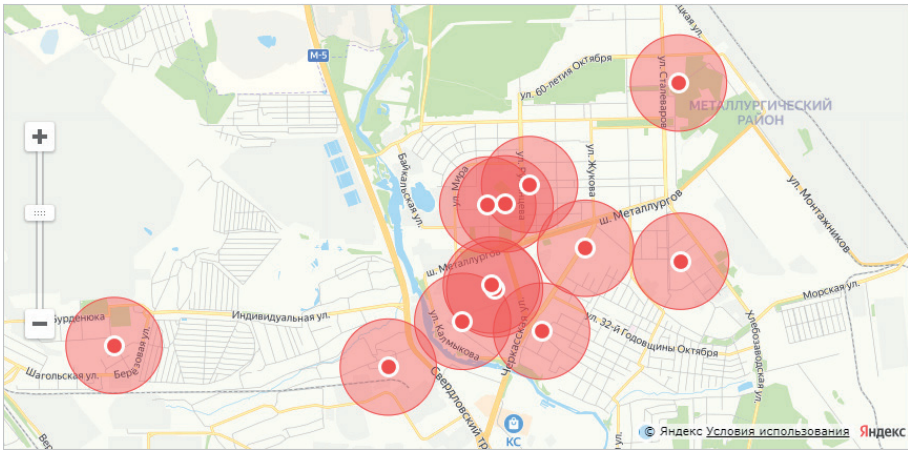

Рис. 4. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Металлургического района в г. Челябинск

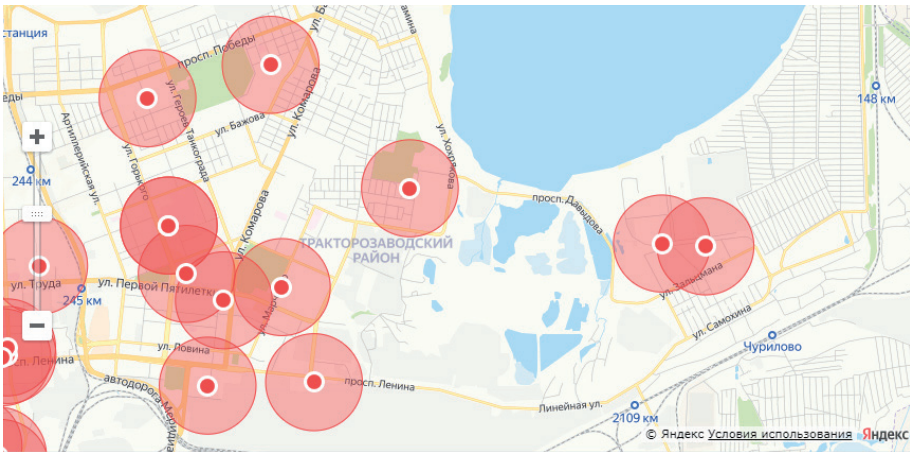

Рис. 5. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Тракторозаводского района в г. Челябинске

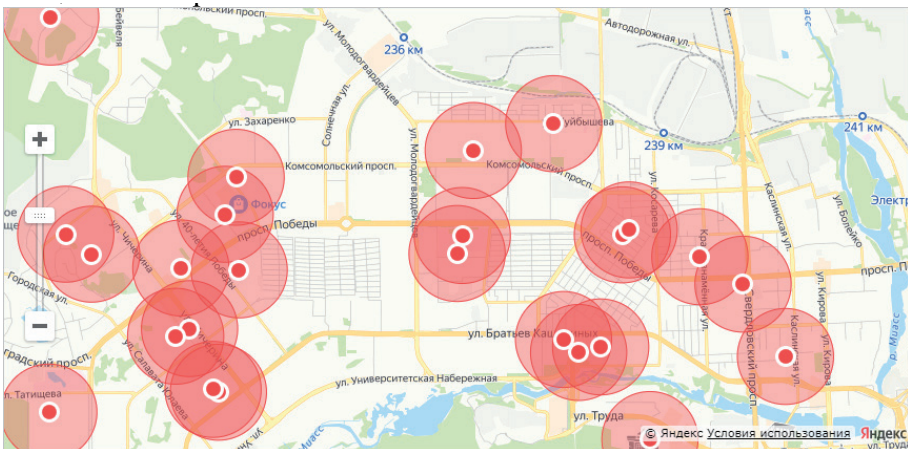

Рис. 6. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Северо-Западного (Курчатовский и Калининский районы) района в г. Челябинске

Картографический анализ радиусного покрытия зон обслуживания поликлиник г. Екатеринбурга (рис. 7) позволяет выявить их неравномерное и неравноудаленное расположение друг от друга.

Картографический анализ обеспеченности населения поликлиниками по районам г. Екатеринбурга, представленный на рис. 7 позволяет более наглядно увидеть несоответствие установленным градостроительным нормам и нормативам, установленным согласно Своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»¹.

Для детального исследования обратимся к картам отдельных районов города. Рис. 8 демонстрирует сложившуюся ситуацию в Верх-Исетском и Ленинском районах.

Обозначенные радиусы показывают зону, в рамках которой амбулаторно-поликлинические организации должны осуществлять свою деятельность. Пространственное размещение амбулаторно-поликлинических организаций Верх-Исетского района отличается скученностью объектов (на карте видны не просто пересечения, а наложения радиусов обслуживания). В Ленинском районе наблюдается более равномерное размещение, при этом имеет место отсутствие амбулаторно-поликлинических организаций для некоторых территорий, как в одном, так и во втором районе.

Для углубления анализа было бы интересно в дальнейшем изучить, насколько услуги, предоставляемые населению данными амбулаторно-поликлиническими организациями, дублируются, а также провести анализ по востребованности разных услуг в каждой организации с целью более эффективного их возможного перераспределения. Такой всесторонний и многофакторный анализ возможен при успешном внедрении цифровых платформ в социальную сферу, на основе которого можно будет планировать деятельность амбулаторно-поликлинических организаций, а также быстро и оперативно реагировать на возможные изменения влияния факторов, тем самым воздействуя на оперативное и стратегическое управление покрытия потребности населения в получении медицинских услуг.

Картографический анализ пространственного размещения амбулаторно-поликли-

нических организаций Кировского и Железнодорожного районов г. Екатеринбурга (рис. 9) показывает схожую ситуацию относительно наличия пересекающихся радиусов, а в случае метро Динамо — их наложения друг на друга.

Учитывая, что установленный норматив 1000 м не просто территориальное ограничение, но характеризует пешеходно-транспортную доступность, очевидно, что близость размещения поликлиник к метро способствует повышению доступности объекта для горожан.

Исследование пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций Кировского района (рис. 9) позволило выявить их существенную рассредоточенность и удаленность, что снижает территориальную доступность объектов инфраструктуры и затрудняет получение медицинских услуг для жителей района.

Картографический анализ зон обслуживания амбулаторно-поликлинических организаций Академического района г. Екатеринбурга (рис. 10) показал большие по площади территории, не попадающие в нормативный радиус доступности поликлиник. На рис. 10 наблюдается высокая концентрация объектов в одной зоне и неравномерность покрытия на остальной территории района.

Чкаловский район г. Екатеринбурга, представленный на рис. 11, не имеет зон высококонцентрированного скопления амбулаторно-поликлинических организаций. Картографический анализ показывает наличие больших расстояний в данном районе между радиусами обслуживания амбулаторно-поликлинических организаций, что нарушает установленные нормативы² и требует внимания органов власти к сложившейся ситуации.

Орджоникидзевский район Екатеринбурга, визуально представленный в центральной части рис. 12, также имеет ограничение по доступности амбулаторно-поликлинических организаций для жителей района, что подтверждается на карте. Пространственное размещение поликлиник характеризуется радиусным пересечением и наложением нормативных зон обслуживания одновременно с полным отсутствием амбулаторно-поликлинических организаций в центральной части района.

¹ СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (Докипедия: СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*).

² СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (Докипедия: СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*).

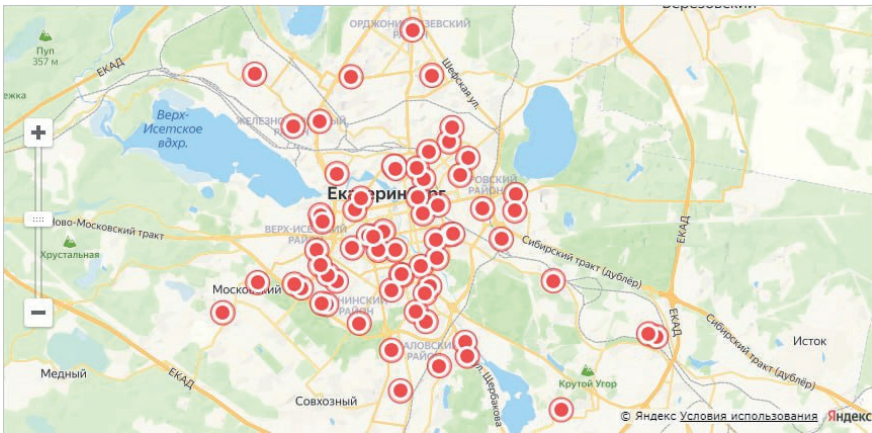

Рис. 7. Насыщенность территории г. Екатеринбурга амбулаторно-поликлиническими организациями

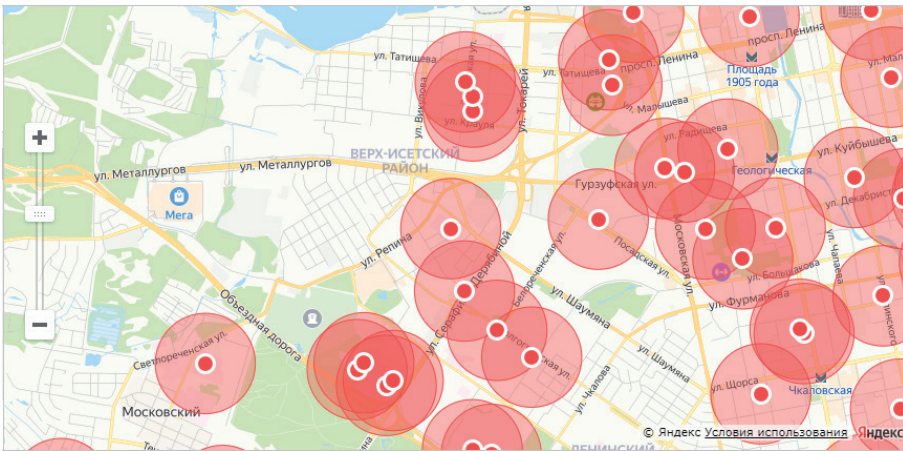

Рис. 8. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями в Верх-Исетском, Ленинском районах г. Екатеринбурга

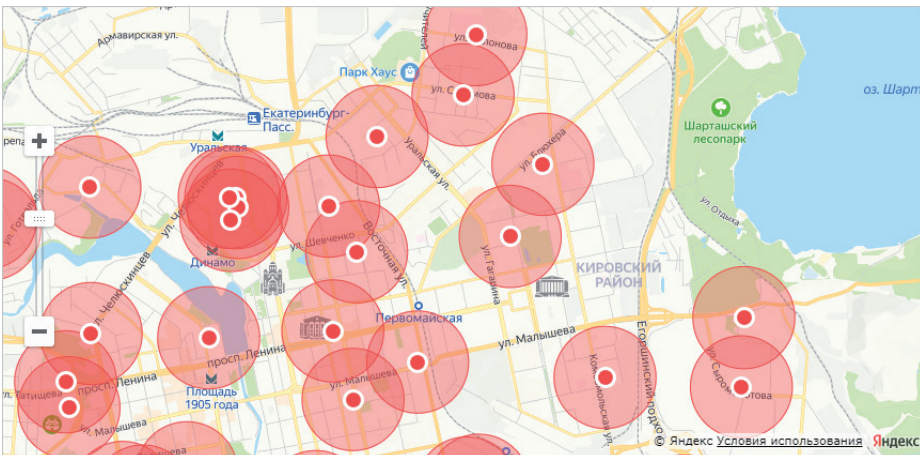

Рис. 9. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями в Железнодорожном и Кировском районах г. Екатеринбурга

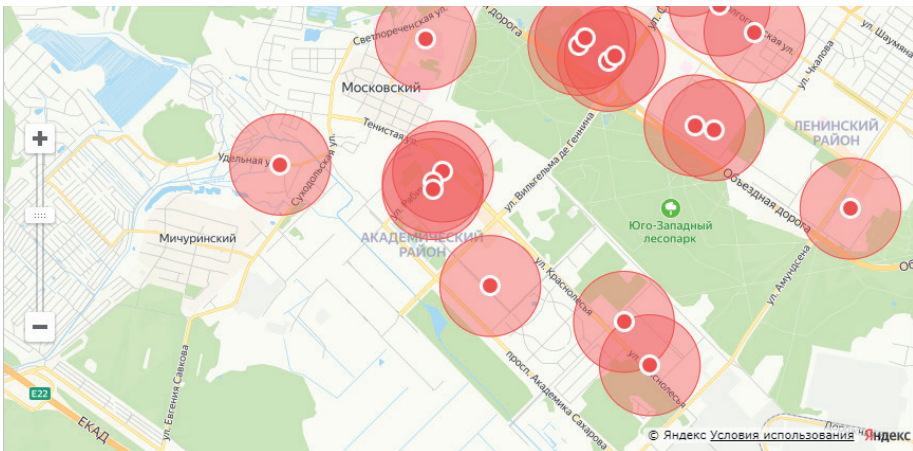

Рис. 10. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Академического района г. Екатеринбурга

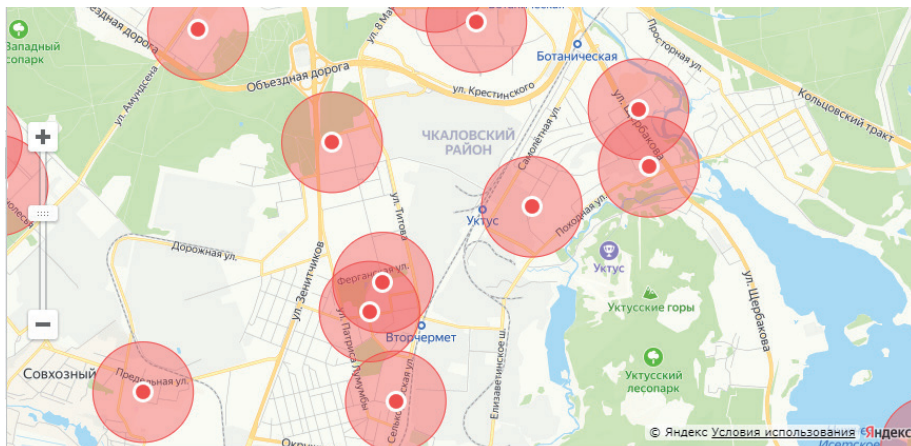

Рис. 11. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Чкаловского района г. Екатеринбурга

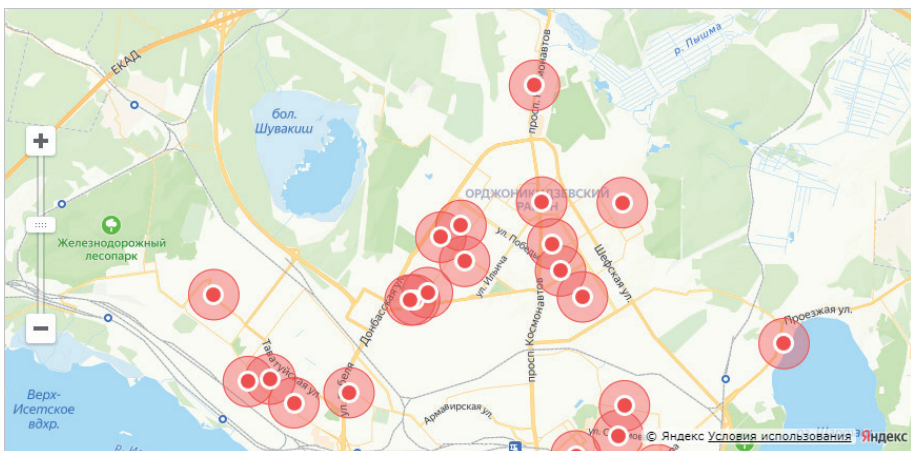

Рис. 12. Обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями Орджоникидзеvского района г. Екатеринбурга

Особенности размещения амбулаторно-поликлинических организаций состоят в том, что каждая из них может предоставлять медицинские услуги в ограниченной количестве (по объёму и перечню имеющихся возможностей), но при этом должны размещаться с учетом предпочтений клиентов (территориально-пространственного места проживания населения).

Существуют исследования, где показано, что в сельских территориях имеет место существенная дифференциация пешеходно-транспортной доступности [1, с. 331]. Проведенное нами исследование доказывает, что проблема неравномерности пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций актуальна и для городов-миллионников.

Следующим этапом исследования авторы видят многофакторную оценку эффективности пространственной организации медицинских учреждений и оптимизацию их пространственного размещения. Представляется целесообразным использование геоинформационных систем и средств геоинформатики при поиске территорий для размещения амбулаторно-поликлинических организаций [3].

Заключение

Выявленные в результате картографического анализа проблемы обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими организациями в городах Екатеринбург и Челябинск необходимо решать комплексно, учитывая многофакторное воздействие на их деятельность. Визуализация данных на карте позволяет выявить неравномерность зон обслуживания объектами инфраструктуры, но при планировании пространственного размещения объектов социальной инфраструктуры, в том числе амбулаторно-поликлинических организаций, важно учитывать всплески заболеваемости (опыт последних лет, связанный в пандемией, доказывает этот факт), «демографические взрывы и ямы» [14], миграционную составляющую динамики численности населения, поскольку потребность в медицинских услугах может значительно возрастать или снижаться, а «возможности выбора участков для размещения в условиях сложившейся застройки ограничены, что неизбежно приводит к нарушению нормативов пешеходно-транспортной доступности» [8, с. 21]. Это наиболее актуально для городов-миллионников.

Важно учитывать, что для вновь проектируемых территорий решить вопрос раз-

мещения важных социальных объектов проще, чем в условиях сложившейся застройки, а это значит, что особое внимание органов власти должно быть направлено на новые, активно застраиваемые районы.

Проведенный авторами анализ позволил выявить уровень обеспеченности территории городов-миллионников (Екатеринбурга и Челябинска) амбулаторно-поликлиническими организациями, установить особенности их пространственного размещения в районах исследованных городов, что дало возможность определить уже существующие проблемные территории, для которых характерен дисбаланс в уровне доступности объектов инфраструктуры относительно нормативных требований.

В качестве направлений дальнейших исследований авторы определяют поиск путей и методов оптимизации пространственного размещения амбулаторно-поликлинических организаций городов с учетом сложившейся ситуации. Такая задача является многоаспектной и требует привлечение дополнительных методов исследования [15].

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2021—2023 гг.

1. Артамонов, И. В. Доступность инфраструктуры здравоохранения: пространственный аспект / И. В. Артамонов, К. Н. Калашников // Научный журнал Дискурс. — 2018. — № 12(26). — С. 319—333.

2. Ганжа, С. Д. Особенности пешеходной доступности учреждений медицинского обслуживания города Новосибирска / С. Д. Ганжа, В. А. Захаренок // Творчество и современность. — 2019. — № 3—4(11). — С. 30—40.

3. Глотов, А. А. Медицинская ГИС — основа интегральной оценки благополучия региона / А. А. Глотов // GEOMATICS. — 2013. — № 3. — С. 45—49.

4. Дианов, С. В. Поиск путей оптимального пространственного размещения объектов инфраструктуры здравоохранения: обзор методического инструментария / С. В. Дианов, К. Н. Калашников, В. А. Ригин // Проблемы развития территории. — 2021. — Т. 25. — № 2. — С. 108—127. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.7.

5. Епринцев, С. А. Геоинформационное картографирование урбанизированных территорий как механизм пространственной оценки социально-экологических факто-

ров / С. А. Епринцев, С. В. Шекоян // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2019. — Т. 5 (15). — № 3. — С. 109-115.

6. Есикова, В. О. ГИС-анализ социально-экономических процессов региона / В. О. Есикова // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. — 2019. — № 4. — С. 29-33.

7. Макаp, С. В. Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура / С. В. Макаp, Ю. А. Симагин, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 67-75. DOI 10.19181/population.2020.23.1.6.

8. Максимов, С. О. Факторы, влияющие на оценку потребности населения в объектах социальной инфраструктуры / С. О. Максимов, В. В. Ленев, А. В. Долгушин // Промышленное и гражданское строительство. — 2021. — № 11. — С. 19—23. DOI: 10.33622/0869-7019.2021.11.19-23.

9. Моделирование пространственно-го развития территорий / И. В. Наумов, Н. Л. Никулина, Д. В. Сиротин, О. П. Смирнова [и др]. Монография. — Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2021. — 243 с. — ISBN 9785946466554.

10. Найден, С. Н. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала / С. Н. Найден, М. А. Грицко, Н. С. Буревая // Власть и управление на Востоке России. — 2020. — № 2(91). — С. 16—29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29.

11. Наумов, И. В. Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований / И. В. Наумов, В. М. Седелников, Л. М. Аверина // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 383-398. DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-2.12.

12. Пономарев, Г. А. Особенности территориального размещения аптечных организаций на примере Орджоникидзевского района города Екатеринбурга / Г. А. Пономарев, Г. Н. Андрианова // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. Материалы VI Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов, посвященной году науки и технологий. — 2021. — С. 1086-1090.

13. Скоробогатова, Т. Н. Некоторые теоретические и практические положения, касающиеся социальной инфраструктуры / Т. Н. Скоробогатова, И. Ю. Мараховская // Региональная экономика: теория и практика. — 2020. — Т. 18. — № 6(477). — С. 1063-1078. DOI 10.24891/re.18.6.1063.

14. Страшнова, Ю. Г. Социально-демографические аспекты формирования соци-

альной инфраструктуры города Москвы / Ю. Г. Страшнова, И. Е. Макарова // Строительство: наука и образование. — 2018. — № 8. — С. 55—74.

15. Трофименко, А. С. Моделирование оптимизации сети медицинских учреждений в условиях реструктуризации здравоохранения / А. С. Трофименко // SCI-ARTICLE. RU. — 2015. — № 17. — URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1419161781> (дата обращения: 08.01.2023).

16. Шарапова, О. В. Картографический анализ показателей заболеваемости и смертности от болезней системы кровообращения населения Российской Федерации (2010—2019 гг.) / О. В. Шарапова, Д. И. Кича, Л. И. Герасимова, О. В. Рукондайный, Р. В. Фомина, А. В. Евзерихина, Е. В. Барсукова // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 56-68.

17. Щепин, О. П. Здоровье населения региона и приоритеты здравоохранения в России / О. П. Щепин, В. А. Медик. — М. : ГЕОТАР-Медиа, 2010. — 384 с.

18. Хаванская, Н. М. Геоинформационно-картографические методы в исследовании динамики сельского населения / Н. М. Хаванская // Природные системы и ресурсы. — 2021. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoinformatsionno-kartograficheskie-metody-v-issledovanii-dinamiki-selskogo-naseleniya> (дата обращения: 18.01.2023).

19. Gerasimova, L. Medical and Social Efficiency of Outpatient Service at the Regional Level / L. Gerasimova, A. Ivanov // Public Health Research. — 2014; 4(4): 129-135. doi:10.5923/j.phr.20140404.04. — URL: <http://article.sapub.org/10.5923.j.phr.20140404.04.html> (дата обращения: 08.01.2023).

20. Goddard, M. Equity of access to health care services: Theory and evidence from the UK / M. Goddard, P. Smith // Social Science & Medicine. — 2001. — Nov. 53(9). — P.1149-1162. DOI: 10.1016/s0277-9536(00)00415-9. PMID: 11556606. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953600004159?via%3Dihub> (дата обращения: 08.01.2023).

21. Kankana, D. Social Infrastructure: Urban&Rural Health and Education / D. Kankana // Journal of Infectious Diseases & Epidemiology. — 2017. — 1(1). — P. 7-13. DOI:10.00000/jide.2017.102. — URL: https://www.researchgate.net/publication/316165467_Social_infrastructureurban_and_rural_health_education (дата обращения: 08.01.2023).

22. Lavrikova, Ju. G. Spatial aspects of regional infrastructure distribution (the case of

Sverdlovsk region) / Ju. G. Lavrikova, A. V. Suvorova // R-economy. — 2019. — 5(4). — Pp: 155—167. doi: 10.15826/recon.2019.5.4.016.

References

1. Artamonov I.V., Kalashnikov K.N. (2018) Dostupnost' infrastruktury zdavoohranenija: prostranstvennyj aspekt [Availability of health infrastructure: the spatial aspect]. *Nauchnyj zhurnal Diskurs*, no. 12(26), pp. 319-333 [in Rus].

2. Ganzha S.D., Zaharenok V.A. (2019) Osobennosti peshehodnoj dostupnosti uchrezhdenij medicinskogo obsluzhivaniya goroda Novosibirsk [Features of pedestrian availability of citizens of Novosibirsk, before the medical service establishments]. *Tvorchestvo i sovremennost'*, no. 3-4(11), pp. 30-40 [in Rus].

3. Glotov A.A. (2013) Medicinskaja GIS — osnova integral'noj ocenki blagopoluchija regiona [Medical GIS is the basis for an integral assessment of the well-being of the region]. *GEOMATICS*, no. 3, pp. 45—49 [in Rus].

4. Dianov S.V., Kalashnikov K.N., Rigin V.A. (2021) Poisk putej optimal'nogo prostranstvennogo razmeshhenija ob#ektov infrastruktury zdavoohranenija: obzor metodicheskogo instrumentarija [Search for ways of optimal spatial placement of healthcare infrastructure facilities: a review of methodological tools]. *Problemy razvitiya territorii*, t. 25, no. 2, pp. 108—127 DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.7 [in Rus].

5. Eprincev S.A., Shekojan S.V. (2019) Geoinformacionnoe kartografirovanie urbanizirovannyh territorij kak mehanizm prostranstvennoj ocenki social'no-jekologicheskikh faktorov [Geoinformation mapping of urbanized territories as a mechanism for spatial assessment of socio-environmental factors]. *Geopolitika i jekogodinamika regionov*, t. 5 (15), no. 3, pp. 109-115 [in Rus].

6. Esikova V.O. (2019) GIS-analiz social'no-jekonomicheskikh processov regiona [GIS analysis of socio-economic processes of the region]. *Jekologija. Jekonomika. Informatika. Serija: Geoinformacionnye tehnologii i kosmicheskij monitoring*, no. 4, pp. 29-33 [in Rus].

7. Makar S.V., Simagin Ju.A., Jarasheva A.V. (2020) Demograficheskaja situacija v Rossii i social'naja infrastruktura [Demographic situation in Russia and social infrastructure]. *Narodonaselenie*, t. 23, no. 1, pp. 67-75. DOI 10.19181/population.2020.23.1.6 [in Rus].

8. Maksimov S.O., Lenov V.V., Dolgushin A.V. (2021) Faktory, vlijajushhie na ocenku potrebnosti naselenija v ob#ektah social'noj

infrastruktury [Factors influencing the assessment of the population's need for social infrastructure facilities]. *Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo*, no. 11, pp. 19-23. DOI: 10/33622/0869-7019.2021.11.19-23 [in Rus].

9. Naumov I.V., Nikulina N.L., Sirotin D.V., Smirnova O.P. [i dr] (2021) Modelirovanie prostranstvennogo razvitiya territorij / [Modeling of spatial development of territories]. Monografija. Ekaterinburg, Ije URO RAN, 243 s. ISBN 9785946466554 [in Rus].

10. Najden S. N., Gricko M. A., Burevaja N. S. (2020) Razvitie social'noj infrastruktury kak uslovie rosta chelovecheskogo kapitala [Social infrastructure development as a condition of human capital growth]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 2(91), pp. 16-29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29 [in Rus].

11. Naumov I. V., Sedel'nikov V.M., Averina L.M. (2020) Jevoljucija teorij prostranstvennogo razvitiya: principial'nye osobennosti i sovremennye zadachi issledovanij [Evolution of the spatial development theories: principal features and modern objectives of research]. *Zhurnal jekonomicheskoy teorii*, t.17, no. 2, pp. 383-398. DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-2.12 [in Rus].

12. Ponomarev G.A., Andrianova G.N. (2021) Osobennosti territorial'nogo razmeshhenija aptechnyh organizacij na primere Ordzhonikidzevskogo rajona goroda Ekaterinburga [Features of territorial accommodation of pharmacy organizations on the example of Ordzhonikidze district of Yekaterinburg city]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdavoohranenija. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchjonyh i studentov, posvjashhennoj godu nauki i tehnologii*, pp. 1086-1090 [in Rus].

13. Korobogatova T. N., Marahovskaja I. Ju. (2020) Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie polozenija, kasajushiesja social'noj infrastruktury [Some reflections on social structure: theoretical and practical aspects]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, t. 18, no. 6(477), pp. 1063-1078. DOI 10.24891/re.18.6.1063 [in Rus].

14. Strashnova Ju.G., Makarova I.E. (2018) Social'no-demograficheskie aspekty formirovanija social'noj infrastruktury goroda Moskvy [The socio-demographic aspects of building social infrastructure in the city of Moscow]. *Stroitel'stvo: nauka i obrazovanie*, no. 8, pp.55-74 [in Rus].

15. Trofimenko A.S. (2015) Modelirovanie optimizacii seti medicinskih uchrezhdenij v uslovijah restrukturizacii zdavoohranenija

[Modeling of optimization of a network of medical institutions in the context of healthcare restructuring]. *SCI-ARTICLE.RU*, no. 17, available at: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1419161781> (accessed 08.01.2023) [in Rus].

16. Sharapova O.V., Kicha D.I., Gerasimova L.I., Rukodajnyj O.V., Fomina R.V., Evzerihina A.V., Barsukova E.V. (2022) Kartograficheskiy analiz pokazatelej zaboлеваemosti i smernosti ot boleznej sistemy krovoobrashhenija naselenija Rossijskoj Federacii (2010-2019 gg.) [Map analysis of morbidity and mortality from blood circulatory system diseases of the population of the russian federation (2010-2019)]. *Kompleksnye problemy serdechno-sosudistyh zabolevanij*, t. 11, no. 1, pp. 56-68 [in Rus].

17. Shhepin O.P., Medik V.A. (2010) Zdorov'e naselenija regiona i priority zdravoohranenija v Rossii. [The health of the population of the region and the priorities of healthcare in Russia.]. Moscow, GEJeOTAR-Media, 384 p. [in Rus].

18. Havanskaja N.M. (2021) Geoinformacionno-kartograficheskie metody v issledovanii dinamiki sel'skogo naselenija [Geoinformation and cartographic methods in the research of the rural population dynamics]. *Prirodnye sistemy i resursy*, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoinformatsionno-kartograficheskie-metody->

[v-issledovanii-dinamiki-selskogo-naseleniya](#) (accessed 18.01.2023) [in Rus].

19. Gerasimova L., Ivanov A. (2014) Medical and Social Efficiency of Outpatient Service at the Regional Level. *Public Health Research*, no. 4(4), pp. 129-135. doi:10.5923/j.phr.20140404.04, available at: <http://article.sapub.org/10.5923.j.phr.20140404.04.html> (accessed 18.01.2023) [in Eng].

20. Goddard M., Smith P. (2001) Equity of access to health care services: Theory and evidence from the UK // *Social Science & Medicine*, no. 53(9), pp. 1149-1162. DOI: 10.1016/s0277-9536(00)00415-9. PMID: 11556606, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0277953600004159?via%3Dihub> (accessed 18.01.2023) [in Eng].

21. Kankana D. (2017) Social Infrastructure: Urban&Rural Health and Education. *Journal of Infectious Diseases & Epidemiology*, no. 1(1), pp. 7-13. DOI:10.00000/jide.2017.102, available at: https://www.researchgate.net/publication/316165467_Social_infrastructureurban_and_rural_health_education (accessed 18.01.2023) [in Eng].

22. Lavrikova Ju. G., Suvorova A. V. (2019) Spatial aspects of regional infrastructure distribution (the case of Sverdlovsk region). *Reconomy*, no. 5(4), pp: 155—167. Doi: 10.15826/recon.2019.5.4.016 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 23.01.2023

For citing: Logacheva, N. M. Cartographic analysis of ensuring availability of outpatient organizations of million-plus cities of the Ural Federal District / N. M. Logacheva, O. K. Tikhonova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — P. 85—99. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-85-99. — EDN KZGJGE.

UDC 332.132, 332.145

EDN KZGJGE

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-85-99

CARTOGRAPHIC ANALYSIS OF ENSURING AVAILABILITY OF OUTPATIENT ORGANIZATIONS OF MILLION-PLUS CITIES OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Natalya M. Logacheva,

Chelyabinsk branch of the Institute of
Economics, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Leading Researcher,
Doctor of Economics, Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0001-7008-0446
E-mail: logacheva.nm@uiec.ru

Olga K. Tikhonova,

Chelyabinsk branch of the Institute of
Economics, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Junior Researcher.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-7157-7451
E-mail: tikhonova.ok@uiec.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to identifying features of spatial placement of health clinics in megacities and assessing the degree of compliance/deviation with standards of pedestrian accessibility.

Methods. The theoretical and methodological basis of the research is scientific ideas in the field of regional economics, spatial and normative analysis. Scientific novelty of the research consists in assessing availability and saturation of territories by health clinics, in the context of features of their spatial placement, taking into account the established regulatory requirements.

Results. The place of the megacities of Ural Federal District among the megacities of Russia has been determined according to the conditions affecting availability of health clinics for the population. When carrying out a cartographic analysis of spatial placement of health clinics in Yekaterinburg and Chelyabinsk, district features of the cities studied were established, which made it possible to identify the existing problem areas characterized by an imbalance in the level of infrastructure facilities accessibility in relation to the regulatory requirements. The authors show the uneven coverage of clinic service areas, which reduces pedestrian and transport accessibility for citizens when receiving medical services. The features and differences of territorial localization of clinics in the actively built-up areas of Yekaterinburg and Chelyabinsk are revealed.

Conclusions. The results obtained can be applied in the framework of determining priorities for implementing spatial transformations of studied territories and the authorities' decision-making in order to increase medical services availability.

Keywords:
healthcare,
social infrastructure,
medical services,
availability,
space,
cartographic analysis,
city

Для цитирования: Минченко, А. Н. Культурный разрыв: к проблеме определения феномена и его основных признаков / А. Н. Минченко // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 100—108. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108. — EDN LGVMXW.

УДК 130.2

EDN LGVMXW

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108

КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА И ЕГО ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ

Минченко Андрей Николаевич,

Челябинский государственный институт культуры, аспирант кафедры философии и культурологии. Челябинск, Россия.
E-mail: ma-n@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется одно из качественных состояний культуры, называемое культурным разрывом, — феномен амбивалентного свойства, — с одной стороны, порождающий большинство разрушительных конфликтов в истории человечества, а с другой стороны, при конструктивном преодолении противоречий, побуждающий созидательные преобразования.

Цель. Формирование определения культурного разрыва с выделением существенных отличительных признаков, обнаруживаемых при анализе любых эмпирически фиксируемых его проявлений, для последующего осмысления на предельно общем уровне рефлексии.

Методы. В качестве методологической основы исследования применяются философско-антропологический, системный, аксиологический, историко-философский и диалектический подходы, позволяющие рассматривать феномен культурного разрыва в различных аспектах.

Научная новизна исследования. Анализ основных направлений научного дискурса в рассматриваемой предметной области позволяет заключить, что феномен культурного разрыва изучается в рамках социально-гуманитарного знания, но преимущественно применительно к анализу конфликтных ситуаций и переломных моментов в истории. Само словосочетание

«культурный разрыв» начинает вводиться в научный оборот, однако, зачастую вне устоявшегося понятийного аппарата, в узком контексте и без содержательного раскрытия, что и обуславливает научную необходимость обращения к формирующемуся предметному полю исследования феномена и определения значения соответствующего термина.

Результаты. В результате проведенного исследования выявлены существенные признаки феномена культурного разрыва, состоящие в утрате целостности определенных областей культуры вследствие разнородного развития ее частей, критически значимом прерывании на уровне структуры и содержания универсалий культуры в обеспечиваемых ею глубинных ценностных и смысловых взаимосвязях, поддерживающих взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование людей. В качестве не менее значимых признаков также можно обозначить поляризацию и абсолютизацию культурных противоречий, обуславливающих возникновение антагонистических отношений между представителями социокультурных общностей, раздельных прерыванием данных взаимосвязей.

Выводы. Определение культурного разрыва, сформированное на основе существующих вариантов интерпретаций и осмысления данного феномена, его сущностных и контекстуальных признаков, обусловлено онтологической и семантической неоднозначностью некоторых его аспектов, в силу чего оно выходит за рамки строгой дефиниции и носит отчасти проективный характер, содержащий значительный научно-исследовательский потенциал. Реализация данного потенциала посредством функциональных возможностей философской антропологии и философии культуры позволит определить основные подходы к выявлению, предупреждению и преодолению культурных разрывов, в том числе к формированию новых мировоззренческих смыслов и ценностей, способных обеспечить гармоничное сосуществование между людьми различных культур в современных условиях.

Ключевые слова:

культурный разрыв, культурные различия, культурные противоречия, культурное многообразие, культурные основания

Введение

Культурное многообразие является неотъемлемым свойством человеческого бытия, общества, культуры, во многом определяющим процессы и закономерности их развития. Различные культуры порождают разнообразные достижения, например в научной и духовной сферах, обогащая ими друг друга при последующем культурном обмене. Вместе с тем накопление культурных различий и их восхождение до степени противоречия, согласно диалектическим закономерностям, может приводить к формированию определенного качественного состояния культуры, называемого культурным разрывом, — феномена амбивалентного свойства, который, с одной стороны, является основанием бесчисленных конфликтов любого масштаба, вплоть до самых разрушительных войн, а с другой стороны, при конструктивном преодолении противоречий способен побуждать созидательные преобразования, например, такие как научные революции. Данный феномен в различных аспектах изучается в рамках культурологии, социологии и философии культуры, преимущественно применительно к анализу конфликтных ситуаций [17] и переломных моментов в истории [3], предпринимаются попытки количественной оценки ситуаций культурного разрыва на основе статистических методов [18], а само словосочетание «культурный разрыв» начинает вводиться в научный оборот, однако, вне устоявшегося понятийного аппарата, зачастую лишь в узком контексте и без содержательного раскрытия [7]. Формирование определения культурного разрыва позволит вывести его осмысление на предельно общий уровень рефлексии, лишенный предметной конкретности, с выделением существенных отличительных признаков, обнаруживаемых при анализе любых эмпирически фиксируемых его проявлений.

Результаты и обсуждение

При определении понятия культурного разрыва, в том числе исходя из обобщения практики его использования в социальных и философских науках [7], необходимо учитывать ряд ключевых признаков, неотъемлемо свойственных исследуемому феномену.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на то, что феномен культурного разрыва в качестве необходимого свойства предполагает критически значимое прерывание некоей *целостности*. В онтологическом смысле, на предельно общем уровне понимания, разрыв происходит в «непрерывности» культуры, в её «едином теле» надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения (исходя из определения культуры В. С. Степина [14]) как нарушение целого, в том числе как результат рассогласования и нарушения соответствия между его частями. При этом прерываются (нарушаются) критически важные, коренные, глубинные, обеспечиваемые культурой ценностные и смысловые связи, поддерживающие взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между индивидами либо социальными общностями данной культуры (или «*единые культурные основания*»).

Часть и целое при этом можно рассматривать в качестве философских категорий, «выражающих отношение между совокупностью предметов и объективной связью, которая их объединяет и приводит к появлению новых свойств и закономерностей. Эта связь выступает как целое, а предметы в качестве его частей» [4]. При этом, например, с позиции холизма свойства целого несводимы к свойствам его частей. Если к анализу культуры подходить с точки зрения системного подхода, то ее следует отнести к интегративным системам, являющимся органичным целым, которые приобретают новые свойства по сравнению с входящими в них предметами, придают своим элементам новые свойства, не присущие им вне системы, а связи между элементами таких систем имеют законосообразный характер [8]. Согласно рационалистической диалектике, целостность обусловлена кооперативным эффектом, взаимовлиянием и взаимопроникновением частей, которые «изменяя друг друга, образуют внутри своего множества такого единого для них посредника, который пронизывает незримо каждую часть и в то же время отличается от каждой части своим качеством» [10].

С позиции теории культуры академика В. С. Степина, целостность культуры обеспечивается универсалиями культуры (мировоззренческими универсалиями, концептами, категориями культуры), которые выступают системообразующими основаниями каждого конкретного типа культуры [2] и являют собой категориальные формы, посредством которых закрепляется и передается социально-исторический опыт [12]. Универсалии культуры не локализованы в какой-либо ее сфере, они пронизывают все ее пространство, проявляя себя во всем многообразии человеческой деятельности. В содержательно-смысловой структуре универсалий автор выделяет несколько уровней смыслов: общечеловеческий, инвариантно фиксирующий основания человеческого бытия в любой культурной традиции; уровень смыслов, отражающий особенности культуры конкретной исторической эпохи; уровень, «выражающий личностные и социально-групповые интерпретации универсалий культуры, репрезентирующий мировоззренческие установки личности и социальных групп (классов, сословий, кланов и т. п.)» [11].

В этой связи *единые культурные основания* уместно отнести к категории универсалий культуры, в той части структуры данных универсалий и их содержания, которая обеспечивает взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между представителями одной исторически определенной культуры, либо более узкой социокультурной общности.

Академик отмечает, что содержание и сам набор универсалий культуры меняются в процессе исторического развития общества, с расщеплением первичных универсалий под воздействием новых видов деятельности, поведения и общения, и формированием новых, впоследствии укореющихся универсалий (например, разделение категорий «истина» и «правда» в отечественной культуре) [13, с. 11]. Наиболее масштабные из подобных изменений происходят в периоды переломных состояний общества, когда «ранее

сложившиеся смыслы универсалий культуры не способны обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных видов и способов деятельности, поведения и общения людей», что можно проиллюстрировать словами В. Шекспира «распалась связь времен», при этом «люди не знают, что взять из прошлого, что адресовать будущему, чему учить детей, на какие образцы поведения и деятельности ориентироваться» [11]. В данном случае В. С. Степин говорит о кризисе культуры на сломе исторических эпох, но рассматриваемый механизм изменения структуры и содержания универсалий культуры, в том числе обусловленный противоречием между традицией и новацией, очевидно, действует и в любой момент настоящего, прежде всего, в отношении универсалий более «частного» уровня, репрезентирующих мировоззренческие установки личности и социальных групп.

Как было показано нами ранее, при рассмотрении ситуаций прерывания единящих культурных оснований в социально-гуманитарных науках исследователями используются термины «культурный разрыв», «культурный перелом», «разлом культуры» [20], «межкультурный разлом» [19], «культурный шок» [21], «культурно-исторический разрыв» [1], «культурная травма» [15] и др., которые при недостаточной оформленности определений, вероятно, соответствуют различным аспектам рассмотрения одного и того же феномена, в том числе относительно причинно-следственных связей его формирования и влияния [7]. Представляется целесообразным в качестве базового термина предметной области ситуаций прерывания единящих культурных оснований использовать именно понятие «культурный разрыв». Понятие «разрыв», на наш взгляд, обладает более точным семантическим содержанием, поскольку означает промежуток, образовавшийся вследствие разделения целого на части, а также нарушение связи, согласованности между чем-либо [9].

Анализируя причинно-следственную обусловленность различных процессов образования культурных разрывов, можно сделать вывод, что утрата целостности культуры, проявляющаяся как прерывание (нарушение, рассогласование) системообразующих связей на уровне структуры и содержания универсалий культуры, происходит по причине *разнородного развития* (в том числе асинхронного, разнонаправленного) неких первоначально составлявших единое целое частей (областей) культуры, сопровождающегося количественным накоплением и качественным усилением *культурных различий* между данными областями. Культурные различия являются одними из наиболее очевидных предпосылок культурных разрывов, зачастую отражаясь в названии ситуаций наиболее характерного их проявления (например, «межнациональная рознь», «религиозное противостояние»).

Разнородность развития разных областей культуры может быть обусловлена различными причинами: как внешними по отношению к этим областям, например, в результате возникновения между субъектами культуры неких границ (в том числе географических, вследствие

миграции населения, разделения государств; социально-экономических, обусловленных формированием социальных классов, политических партий, ограниченной доступностью нового знания, новых технологий), так и внутренними, например, как результат первоначально единичных и впоследствии генерализованных расхождений во мнениях, взглядах, мировоззрениях (например, появление новых религиозных конфессий по причине личной неудовлетворенности их основателей и последователей собственным духовным поиском), либо как следствие разнородности динамических свойств различных областей культуры (например, в отношении статичной традиции и развивающейся новации).

В частности, разнородность развития может приводить и к чрезмерному усложнению отдельных областей культуры, обуславливая прерывание единящих культурных оснований невозможностью понимания содержания данных областей без узкоспециальных знаний. Характерным примером является противостояние сциентистов и антисциентистов, в том числе и в его современных формах в виде общественных движений против вакцинации, против индустриального развития и пр. Другим примером является восприятие в общественном сознании отношений власти, целесообразности которых была очевидна на заре человечества, когда функции вождя и самых опытных охотников были понятны всем членам общин с первобытным экономическим укладом, в отличие от ситуации современности, когда всеобщее понимание комплекса аналогичных функций по обеспечению жизни социума почти невозможно вследствие крайней усложнённости причинно-следственной обусловленности действий, необходимых для их исполнения. Например, бюрократические процедуры воспринимаются предпринимателями и широкими кругами населения в качестве ущемления собственных целей и интересов (в виде «пустой траты времени»), тогда как в действительности данные процедуры предназначены для обеспечения устойчивости системы государственного управления и снижения риска операционных сбоев, обусловленных ошибками или сторонними интересами.

Следует отметить, что части разрушенного целого могут одновременно являться частями *иного целого*, по-прежнему их объединяющего. Например, народы, конфликтующие на основании национальных различий, могут оставаться объединенными общим вероисповеданием. В этой связи особую значимость приобретает вектор внимания индивидуального или общественного сознания: нацелено оно на возникший разрыв разрушенного целого, либо наоборот, удерживается на единящих основаниях сохранившегося целого.

Вместе с тем культурный разрыв не сводим к простой совокупности культурных различий. Как следует из ранее проведённого нами анализа использования понятия «культурный разрыв», а также близких по содержанию и значению понятий и терминов в научном дискурсе [7], с культурным разрывом исследователи связывают некий значимый *потенциал неразрешенных противоречий*, преимущественно негативного, конфликтогенного свойства. То есть культур-

ный разрыв означает возникновение нового качества вследствие диалектического перехода количественных изменений в качественные, выражающегося в количественном накоплении культурных различий, их восхождении до культурных противоречий, и абсолютизации значения этих противоречий вплоть до антагонизма, либо полного взаимоотрицания. При этом, наряду с объективностью указанного диалектического процесса, придание противоречиям абсолютного значения может являться результатом субъективного процесса интерпретации, предполагающего наличие субъекта-интерпретатора, действующего с определенной целью.

В свою очередь, культурный разрыв не сводим и к некоему объему культурных противоречий, которые даже при накоплении в значительном количестве, в случае их разрозненности, разнонаправленности и хаотичности могут не породить искомого нового качества. Новое качество культуры, соответствующее феномену культурного разрыва, возникает при концентрации, сонаправленности и поляризации культурных противоречий, которые, выстраиваясь подобно железным опилкам в магнитном поле, формируют два «полюса» — два *новых целых*, антагонистически противостоящих друг другу. Поэтому в ситуациях сформировавшегося культурного разрыва наиболее очевидно и ярко для исследователя или наблюдателя предстает прежде всего не некое множество культурных противоречий, а противостояние самих этих взаимоотрицающих «полусов»: религиозных конфессий, этносов, рас, «западников» и «славянофилов», сциентистов и антисциентистов, субкультур, поколений и пр. И сам характер противостояния между представителями этих «полусов» трансформируется от несогласия и дискуссий вокруг конкретных противоречивых ценностей и смыслов до взаимоотрицания друг друга, в том числе в форме представлений (в индивидуальном или общественном сознании) о нежелательности существования (как явления вообще, либо в границах конкретной территории, государства) противостоящего полюса — конкретной конфессии, национальности, расы, социального класса и пр. Самые крайние примеры реализации таких представлений — войны и террористические акты на религиозной или национальной почве.

Достаточно наглядно процесс данной «поляризации» культурных противоречий прослеживается на примере распада СССР. Если в советский период народы различных национальностей и традиционной религиозной принадлежности сосуществовали относительно гармонично, несмотря на массу культурных различий, то в постсоветский период можно говорить об образовании новых антагонистически противостоящих друг другу «полюсов», возникших под воздействием сепаратистских идеологий, нацеленных на разделение и территориальное обособление ресурсов и властных полномочий между соседствующими народами, достигшее предельной степени в форме терактов и гражданских войн того периода.

Кроме того, обострение противостояния между частью исламского мира и христианским миром, происходящее с конца 1990-х по настоящее

время, также проявившееся в ряде терактов и войн, с нагнетанием негативного информационного фона относительно «исламистской угрозы» в западных средствах массовой информации и поп-культуре, зачастую стало приводить к предвзятым суждениям о террористических намерениях любых сограждан, носящих традиционные мусульманские одежды. Например, в теракте в Петербургском метрополитене 2017 года первоначально был ошибочно заподозрен человек по причине его облика приверженца ислама, который впоследствии испытывал гонения несмотря на оправдание¹. Иными словами, данное противостояние, исторически вызревшее на религиозной почве, в общественном сознании отчасти утратило акцент на самих религиозных противоречиях и под влиянием поляризующей воздеи западной идеологии в какой-то момент трансформировалось в несоответствующие действительности представления о злонамеренных устремлениях любых представителей конкретной религиозной культуры.

Следует отметить, что термин «поляризация» уже используется социальной психологией в аналогичном смысле применительно к ситуациям конфликтогенных противоречий и межгрупповых конфликтов. Так, например, профессор Гарвардского университета Касс Санстейн выделяет феномен групповой поляризации, проявляющийся в том, что, когда люди обсуждают некую проблему в группе единомышленников, их суждения особенно часто усиливаются до экстремальной степени, а разнородность мнений по данной проблеме внутри группы резко снижается. Если же обсуждение происходит между группами, придерживающихся противоположных мнений, особенно если эта дискуссия целенаправленно и профессионально «подогревается» отдельными участниками, конфликт может перейти в самые радикальные формы, включая физическую агрессию [16]. Допустимо утверждать, что данный механизм может действовать и применительно к ситуациям культурных разрывов.

Таким образом, говоря о сонаправленности и поляризации множества противоречий в культуре, свойственных для возникновения культурного разрыва, мы указываем не только на простую сумму сил, порождённых этими противоречиями, которая действительно возрастает согласно математическим законам: при изменении ранее разнонаправленного хаотичного положения векторов этих сил — на параллельное и направленное в одну сторону. Речь идёт о качественно новом состоянии: появлении противостоящих друг другу полюсов, которые, в терминах синергетической парадигмы, выступают аттракторами, выстраивая определённым образом и усиливая ранее существовавшие противоречия в культуре, и формируя множество новых.

Вместе с тем, феномен культурного разрыва следует характеризовать не как состояние культуры в целом, а как состояние некоторой ее *области*, отличающейся высокой концентрацией,

¹ Богоманшина Ю., Султанов А., Шиков Д. Как живет ошибочно обвиненный в петербургском теракте Ильяс Никитин // ТВ Центр. 2017. <https://www.tvc.ru/news/show/id/113664>.

сонаправленностью и поляризацией антагонистических культурных противоречий, отраженных в структуре и содержании универсалий культуры соответствующего уровня. Так, например, даже для масштабных культурных разрывов, связанных с национальными и религиозными противоречиями, противостоящие стороны разделяют большинство общечеловеческих ценностей, руководствуясь во многом тождественными моральными нормами, и преобладающее множество существующих между ними культурных различий может не восходить до степени противоречия и взаимоотрицания. Иными словами, преобладающая часть культуры может оставаться незатронутой поляризованными противоречиями, составляющими культурный разрыв.

Еще один ключевой признак, который необходимо выделить в отношении исследуемого феномена, состоит в следующем. Несмотря на то что культурный разрыв онтологически не является формой отношения, а представляет собой область критического прерывания единящих культурных оснований, с учетом вышеуказанной поляризации культурных различий и противоречий можно говорить об образовании сторон культурного разрыва в процессе его формирования, состоящих из антагонистически противостоящих друг другу представителей различных культур (индивидов, социокультурных общностей), отношения противоречия между которыми обусловлены возникшим прерыванием единящих культурных оснований.

При этом именно возникновение отношений антагонистического противоречия между сторонами уместно принять в качестве неотъемлемого признака возникновения культурного разрыва, определяющего восхождение прерывания единящих культурных оснований до критически значимой степени.

Вместе с тем, не следует сводить понимание культурного разрыва лишь к отношениям противоречия, сопровождающимся разрывом связи между сторонами («разрывом отношений»), к невозможности взаимодействия между ними. Подобная изолированная разобщенность сторон может являться частным проявлением культурного разрыва, однако, она почти недостижима в современных условиях социально-экономической кооперации, в эпоху мультикультурализма и информатизации, с учетом нараставших до недавнего времени процессов глобализации. Так, например, между социальными слоями чиновников, предпринимателей и широким кругом населения существуют очевидные культурные разрывы, основанные на представлениях о противоречии целей, интересов и ценностей сторон, однако, в процессе экономической деятельности данные стороны находятся в теснейшем взаимодействии между собой. Кроме того, культурный разрыв не тождествен отдельным ситуациям антагонистического противоречия или разрыва отношений. Он может являться основанием для таких отношений — устойчивым состоянием некоей области культуры, способным многократно воспроизводить отношения противоречия, зачастую даже через смену многих поколений, тогда как сами по себе отношения противоречия, лишённые такого

основания, отраженного в культуре, не способны устойчиво воспроизводиться.

Тем не менее некая впервые возникшая продолжительная масштабная ситуация антагонистического противоречия, например, изначально основанная не на культурных различиях, а на конфликте из-за ресурсов, может «укорениться» в культуре посредством отражения отношений противоречия в ее семиотических системах и начать устойчиво воспроизводиться, порождая культурные различия и культурные противоречия между противостоящими сторонами, тем самым становясь предпосылкой для зарождения культурного разрыва. В этом случае подобная ситуация противостояния или конфликта выступает в роли упоминавшейся ранее границы между областями культуры, обуславливающей разнородность их последующего развития, а сами сформировавшиеся отношения противоречия несомненно являются «катализатором» и «движущей силой» умножения культурных различий и противоречий. Однако данная причинно-следственная обусловленность в виде «первичности» противоречия является лишь одной из вариаций механизма образования культурного разрыва, не отменяющей его общей закономерности.

Принадлежность индивида к одной из сторон культурного разрыва устанавливается в результате его *идентификации* в отношении культур, соответствующих данным сторонам. Идентичность здесь выступает как категория, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Идентичность есть не свойство (то есть нечто присущее индивиду изначально), но отношение, которое формируется (закрепляется, переопределяется) в ходе социального взаимодействия [5]. При этом если индивид идентифицирует свою принадлежность к одной из сторон культурного разрыва, то представителей другой стороны он относит к категории Чужой, Чуждый, в том числе с антагонистическими коннотациями. И здесь появляется возможность точнее охарактеризовать рассмотренные выше сонаправленность и поляризацию культурных противоречий, а именно как процесс генерализации и абсолютизации данных противоречий относительно культурной идентичности представителей противоположных сторон культурного разрыва, в том числе и как выработку в общественном сознании каждой из культур генерализованного представления о «чуждой» культуре и ее носителях. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на терминологическую фиксацию описываемого феномена как длящегося явления, в котором важно подчеркнуть самое начало процесса перенаправления векторов противоречий, когда хаотичные векторы только начинают «со-направляться», когда поляризация едва зарождается и появляются лишь ее первые признаки, но прерывание единящих оснований уже произошло, и культурный разрыв уже появился. Именно такого рода процесс на стадии его зарождения ниже мы намерены обозначать в терминах не «сонаправленности», а «со-направления».

Важно отметить, что универсалии культуры определяют не только рациональное постижение,

но и переживание, эмоциональную оценку человеком воспринимаемой действительности. Смыслы универсалий в этой связи выступают базисными ценностями культуры [11]. Формирование человеком эмоциональных реакций вследствие столкновения его базисных ценностей с противоречивыми чуждыми ценностями, влекущее отступление рациональности на второй план, очевидно соотносится с вероятным механизмом абсолютизации культурных противоречий и выработки генерализованных суждений.

В случае если индивид идентифицирует свою принадлежность к культурам обеих сторон культурного разрыва, культурный разрыв «помещается» во внутренний мир индивида, переходит на уровень индивидуального бытия. С практической точки зрения этот процесс можно описать как усвоение индивидом новых культурных ценностей, которые в процессе своей инкультурации на индивидуальном уровне вступают в противоречие с ранее усвоенными ценностями. Разрыв такого «внутреннего» свойства представляет собой одно из перспективных направлений для исследования, и далее будет именоваться *разрывом индивидуальной культуры*, в отличие от понятия *культурного разрыва*, сторонами которого подразумеваются различные индивиды или социокультурные общности как субъекты социокультурных отношений разного вида.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание в исследовании культурного разрыва в аспекте его понимания как критического прерывания единящих культурных оснований, это две области формирующей обозначенное прерывание совокупности культурных различий и культурных противоречий. Первая охватывает культурные различия и культурные противоречия, непосредственно воспринимаемые сторонами культурного разрыва (индивидами, социокультурными общностями) как критически значимые, абсолютные, антагонистические. Во вторую область можно включить культурные основания, определяющие возникновение и обострение отношений антагонистического противоречия в сознании сторон (в том числе в отношении фигур Чужого, Чуждого), не имеющие прямой связи с предметной областью внешне проявляющихся культурных различий и культурных противоречий.

Здесь и далее предлагается называть эти области *культурным разрывом первого и второго типа* соответственно, подразумевая, что каждый конкретный культурный разрыв содержит в себе сочетание рассматриваемых типов в некоей пропорции.

Ярким примером преобладания культурного разрыва первого типа являются исторические факты крайних степеней межрелигиозного противостояния: крестовые походы, борьба с язычеством в период крещения Руси, распространение ислама на Востоке с искоренением христианских, буддийских и языческих верований. Основанием антагонизма в рассматриваемых случаях явились конкретные культурные противоречия — указания в религиозных догматах о категорической недопустимости существования иных вероисповеданий.

В качестве наглядного примера преобладания культурного разрыва второго типа можно привес-

ти ситуации конфликтов между футбольными болельщиками. Внешне проявляющимися культурными различиями здесь выступает специальная атрибутика, символизирующая принадлежность индивидов к группам болельщиков конкретных футбольных команд. При этом сами болельщики практически не влияют на исход футбольных состязаний, они лишь зрители, зачастую проживающие в одной стране, разделяющие общее вероисповедание, относящиеся к одному поколению, национальности, социальному классу, роду занятий. Более того, лишь наличие соперничающих на достойном уровне футбольных команд позволяет существовать футболу как шоу, порождающему в зрителях бурю эмоций широкого спектра. Иными словами, исходя из рациональных соображений, болельщикам различных команд следовало бы благодарить друг друга за саму возможность ярких переживаний от наблюдения за футбольными турнирами. Однако в реальности, вследствие наличия культурных оснований, никак не связанных с футбольной игрой, болельщики соперничающих команд нередко переходят к состоянию взаимной агрессии, от негативной коммуникации до нанесения физического ущерба, а внешне проявляющиеся культурные различия (футбольная атрибутика) здесь играют скорее роль «триггера», нежели определяют существо отношения антагонизма.

Культурные разрывы второго типа особенно ярко иллюстрируют рассмотренный выше эффект сонаправления и поляризации культурных противоречий, выраженный в процессе генерализации и абсолютизации таких относительно культурной идентичности сторон.

Заключение

Таким образом, исходя из перечисленных неотъемлемых признаков предмета нашего исследования, понятие феномена культурного разрыва может быть определено как критически значимая утрата целостности некоторой области культуры вследствие разнородного развития ее частей, характеризующаяся прерыванием единящих культурных оснований, нарастанием, сонаправлением, поляризацией и абсолютизацией культурных противоречий, обуславливающая возможность возникновения антагонистических отношений между представителями социокультурных общностей, разделенных указанным прерыванием.

При этом под единящими культурными основаниями следует понимать обеспечиваемые на уровне структуры и содержания универсалий культуры глубинные ценностные и смысловые взаимосвязи, поддерживающие взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между представителями одной исторически определенной культуры либо более узкой социокультурной общности.

Предлагаемое определение понятия культурного разрыва, на наш взгляд, позволяет систематизировать основные подходы к предупреждению и преодолению исследуемого феномена.

С одной стороны, это сохранение целого, в том числе посредством обеспечения однородности и сонаправленности развития его частей (например, путем перенастройки социальных институтов),

либо укрепления (сохранения, усиления, обновления, актуализации) обеспечиваемых культурой смысловых взаимосвязей, поддерживающих взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование людей, например, как результат формирования культуры согласия [6]. Либо в ином варианте — это предотвращение (прекращение) со-направления, поляризации и абсолютизации культурных противоречий. Возможными способами здесь являются снижение степени антагонизма и значимости противостоящих «полюсов», перенаправление суммирующего вектора, например, вследствие введения дополнительных «полюсов», снижение воздействия «поляризующих» сил. С другой стороны, это восстановление утраченного целого либо создание нового целого, в частности путем переопределения ценности в общественном сознании в отношении тех или иных единящих культурных оснований. И самый очевидный, лежащий на поверхности в конфликтных ситуациях путь — это поиск возможностей преодоления самих наиболее острых культурных противоречий, который, однако, может и не привести к искомому эффекту без урегулирования прочих вышеупомянутых аспектов культурного разрыва.

Таким образом, предлагая определение культурного разрыва на основе уже существующих рефлексий в отношении данного феномена, мы постарались отразить его сущностные и контекстуальные признаки, что стало возможным, благодаря уже вполне заявившему о себе исследовательскому и терминологическому пространству. При этом учитывая, что некоторые аспекты культурного разрыва (например, такие как единящие культурные основания, сонаправленность и поляризация культурных противоречий, их генерализация и абсолютизация и др.) в настоящее время онтологически и семантически пребывают в неоднозначном состоянии, в силу чего трудно поддаются фиксации и аналитике, предложенное определение феномена не может уместиться в рамки строгой дефиниции и на настоящий момент носит скорее проективный характер с перспективным междисциплинарным научно-исследовательским заделом.

1. Грицков, Ю. В. Феномен страдания в ситуации культурно-исторического разрыва / Ю. В. Грицков // Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis? / Материалы XV Международной научно-практической конференции Гуманитарно-го университета. — 2012. — С. 175—179.

2. Запесоцкий, А. С. Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае—сентябре 2010 года / А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2010. — 112 с.

3. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. — 427 с.

4. Кикель, П. В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. 2-е изд. — Минск: БГПУ, 2008. — 266 с.

5. Малахов, В. С. Идентичность / В. С. Малахов // Новая философская энциклопедия. В. С. Степин (ред.). — М.: Мысль, 2000—2001.

6. Меняева, М. П. Культура согласия — стаби-

лизационный и инновационный потенциал современной культуры М. П. Меняева // Ценности и смыслы. — 2014. — №5 (33). — С. 125—133.

7. Минченко, А. Н. Феномен культурного разрыва: формирование проблематики в социально-гуманитарном познании и основания философского осмысления А. Н. Минченко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. — С. 66—74. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209.

8. Никифоров, А. Л. Часть и целое / А. Л. Никифоров // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000—2001.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.

10. Пивоваров, Д. В. Часть и целое / Д. В. Пивоваров // Современный философский словарь. — М., 1998. — 1060 с.

11. Степин, В. С. Конструктивные и прогностические функции философии / В. С. Степин // Вопросы философии. — 2009. — № 1. — С. 5—10.

12. Степин, В. С. Философия и универсалии культуры / В. С. Степин. СПб., 2000. 20 с.

13. Степин, В. С. Философский анализ универсалий культуры / В. С. Степин // Гуманитарные науки. — 2011. — № 1. — С. 8—15.

14. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

15. Яхьяева, А. Х. Культурная травма в этногенезе народа / А. Х. Яхьяева // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. — 2018. — С. 37—38.

16. Sunstein, Cass R. Going to extremes: how like minds unite and divide / Cass R. Sunstein. Oxford: Oxford University Press, Inc. 2009. — 387 p.

17. Cultural divides: understanding and overcoming group conflict. — New York: Russell Sage Foundation. 2001. — 508 p.

18. Desmet, K. The Cultural Divide / K. Desmet, R. Wacziarg // NBER Working Paper. — 2018. — No. 24630. May. — 53 p.

19. Ferrada-Noli, M. A cross-cultural breakdown of Swedish suicide / M. Ferrada-Noli // Acta Psychiatrica Scandinavica. — 1997. — Vol. 96, iss. 2. — Pp. 108-116.

20. Fox, R. Editorial: The Breakdown of Culture / R. Fox. — URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/ca.36.1.2744219> (accessed 01 October 2021).

21. Toffler, A. Future Shock / A. Toffler. — Moscow: AST, 2002.

References

1. Grickov Ju. V. (2012) Rossiiskii chelovek v «razlome jepoh»: quo vadis? [The Russian Man in “the Fault of the Age”: quo vadis?]. *Materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoj konferencii Gumanitarnogo universiteta*. Pp. 175—179 [in Rus].

2. Zapesockii A. S. (2010) Teoriya kul'tury akademika V. S. Steпина: lekciony, pročitannye studentam SPbGUP v mae—sentjabre 2010 goda [Theory of culture academician V. S. Stepin: lectures

given to students of SPbSU in May-September 2010]. Saint Petersburg, SPbGUP, 112 p. [in Rus].

3. Ionin L. G. (2004) Sociologija kul'tury [The sociology of culture]. Moscow, Izd. dom GU VShJe, 427 p. [in Rus].

4. Kikel' P. V., Soroko Je. M. (2008) Kratkij jenciklopedicheskij slovar' filosofskih terminov [Brief encyclopedic dictionary of philosophical terms]. 2-e izd. Minsk, BGPU, 266 p. [in Rus].

5. Malahov V. S. (2000—2001) Identichnost' [The Identity]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija*. V.S. Stepin. (red.). Moscow, Mys' [in Rus].

6. Menjaeva M. P. (2014) Kul'tura soglasija — stabilizacionnyj i innovacionnyj potencial sovremennoj kul'tury [Culture of harmony — stabilization and innovation potential of modern culture]. *Cennosti i smysly*, no.5 (33), pp. 125 — 133 [in Rus].

7. Minchenko A. N. (2022) Fenomen kul'turnogo razryva: formirovanie problematiki v social'no-gumanitarnom poznanii i osnovanija filosofskogo osmyslenija [The phenomenon of cultural divide: problem-setting in social and human knowledge and foundations of philosophical understanding]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2 (460). *Filosofskie nauki*. Vyp. 63, pp. 66—74, doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209 [in Rus].

8. Nikiforov A.L. (2000—2001) Chast' i celoe [The part and the whole]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija*. V.S. Stepin (red.). Moscow, Mys' [in Rus].

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. (1997) Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian Language Dictionary]. Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moscow, Azbukovnik, 944 p. [in Rus].

10. Pivovarov D. V. (1998) Chast' i celoe [The part and the whole]. *Sovremennyj filosofskij slovar'*. Kemerov V.E. (red.), 1060 p. [in Rus].

11. Stepin V. S. (2009) Konstruktivnye i prognos-

ticheskie funkcii filosofii [Constructive and Predictive Functions of Philosophy]. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 5—10 [in Rus].

12. Stepin V. S. (2000) Filosofija i universalii kul'tury [Philosophy and the universals of culture]. Saint Petersburg, 20 p. [in Rus].

13. Stepin V. S. (2011) Filosofskij analiz universalij kul'tury [Philosophical analysis of the universals of culture]. *Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 8—15 [in Rus].

14. Stepin V. S. (2011) Civilizacija i kul'tura [Civilization and culture]. Saint Petersburg, SPbGUP, 408 p. [in Rus].

15. Jah'jaeva A. H. (2018) Kul'turnaja travma v jetnogeneze naroda [The cultural trauma at ethnogenesis of people]. *Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: perspektivy razvitija*. *Sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Pp. 37—38 [in Rus].

16. Sunstein Cass R. (2009) Going to extremes: how like minds unite and divide. Oxford, Oxford University Press, Inc. 387 p. [in Eng].

17. Cultural divides: understanding and overcoming group conflict (2001). New York, Russell Sage Foundation, 508 p. [in Eng].

18. Desmet K., Wacziarg R. (2018) The Cultural Divide. *NBER Working Paper*, no. 24630, May, 53 p. [in Eng].

19. Ferrada-Noli M. (1997) A cross-cultural breakdown of Swedish suicide. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, vol. 96, iss. 2, pp. 108—116 [in Eng].

20. Fox R. Editorial: The Breakdown of Culture. available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/ca.36.1.2744219> (accessed 01 October 2021) [in Eng].

21. Toffler A. (2002) Future Shock. Moscow, AST [in Rus].

Статья поступила в редакцию 23.01.2023

For citing: Minchenko, A. N. Cultural gap: to the problem of defining the phenomenon and its main features / A. N. Minchenko // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 100—108. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108. — EDN LGVMXW

UDC 130.2

EDN LGVMXW

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108

CULTURAL GAP: TO THE PROBLEM OF DEFINING THE PHENOMENON/ AND ITS MAIN FEATURES

Andrey N. Minchenko,

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Cultural Studies.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ma-n@bk.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes one of the qualitative states of culture, called the cultural gap, which is a phenomenon of ambivalent properties, on the one hand, generating most of the destructive conflicts in the history of mankind, and on the other hand, in constructive overcoming of contradictions, prompting creative transformations.

The purpose of the study is to give a definition of a cultural gap with the allocation of significant distinctive features found when analyzing any empirically fixed manifestations of it, for subsequent understanding at the ultimate general level of reflection.

Methods. Philosophical-anthropological, systemic, axiological, historical-philosophical and dialectical approaches are used as the methodological basis of the research, making it possible to consider the phenomenon of cultural gap in various aspects.

Scientific novelty of the research. An analysis of the main directions of scientific discourse in the subject area under consideration makes it possible for us to conclude that the phenomenon of a cultural gap is studied within the framework of social and humanitarian knowledge, but mainly in relation

to the analysis of conflict situations and turning points in history. The phrase "cultural gap" itself is beginning to be introduced into scientific circulation, however, often outside the established conceptual apparatus, in a narrow context and without meaningful disclosure, which makes it scientifically necessary to address the emerging subject field of studying the phenomenon and determining the meaning of the corresponding term.

Results. As a result of the study, the author identifies significant signs of the phenomenon of a cultural gap, consisting in the loss of the integrity of certain areas of culture due to the heterogeneous development of its parts, a critically significant interruption at the level of structure and content of the universals of culture in the deep value and semantic relationships provided by it, supporting mutual understanding and conflict-free coexistence of people. As no less significant signs, one can also designate the polarization and absolutization of cultural contradictions that result in antagonistic relations between representatives of sociocultural communities, separated by the interruption of these relationships

Conclusions. The definition of a cultural gap, formed on the basis of existing options for interpreting and comprehending this phenomenon, its essential and contextual features, is due to the ontological and semantic ambiguity of some of its aspects, due to which it goes beyond a strict definition and is partly projective in nature, containing significant research potential. The realization of this potential through the functional capabilities of philosophical anthropology and philosophy of culture will make it possible to determine the main approaches to identifying, preventing and overcoming cultural gaps, including the formation of new worldview meanings and values that can ensure harmonious coexistence between people of different cultures in modern conditions.

Keywords:
cultural gap,
cultural differences
cultural contradictions,
cultural diversity,
cultural grounds

Для цитирования: Прилукова, Е. Г. Смыслы репрезентации социальной реальности в субкультуре креолизованного текста (на примере российского музыкального жанра шансона) / Е. Г. Прилукова, Д. В. Раковский // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 109—116. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116. — EDN APGYVY.

УДК 101.1+316.33+32

EDN APGYVY

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116

СМЫСЛЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СУБКУЛЬТУРЕ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ЖАНРА ШАНСОНА)

Прилукова Екатерина Григорьевна,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
профессор кафедры философии.
Челябинск, Россия.
E-mail: prilukova74@gmail.com

Раковский Денис Вадимович,
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова,
аспирант кафедры философии.
Магнитогорск, Россия.
E-mail: rakovsky_auto@mail.ru

Аннотация

Введение. Стремительная динамика мира настоящего времени ведет к его усложнению и конструированию. Реальность оказывается сотканной из множества фрагментов-цитат, представляя собой коллаж, который человек творит и постигает через призму различных текстов. На первый план выходят постоянно трансформируемые формы, и, как следствие, допускается множественность смыслов. Непрерывно порождаются модели мира, замещающие актуальную реальность множеством зрелищных симулякров. Отмечается поиск путей осмысления реальности через выявление маркеров ее трансформаций и понимание становится основой онтологии и одним из доминант сознания последней четверти XX и первой — XXI столетия. Одним из маркеров

трансформаций социальной реальности становятся знаки и символы субкультуры, детерминированные контекстом культуры и предьявляемые различными средствами.

Цель. Показать маркеры трансформации социума тотальной коммуникации.

Методы. Методологические рамки — герменевтический подход Г. Гадамера и положения социальной семиотики М. Халлидзя к кодированию/декодированию смыслов операторов-маркеров социальных трансформаций. Кроме того, использованы в работе и другие методы — методы аналогии, анализа и синтеза. Фрагменты исследования, посвященные изучению шансона как креолизованного текста, потребовали применения системного метода.

Научная новизна исследования. Авторами выявлена специфика шансона как креолизованного текста. Представлено понимание субкультуры как маркера трансформаций социальной реальности, которая манифестируется знаково-символическими формами непрерывно порождаемых креолизованных текстов благодаря технике и технологиям коммуникации.

Результаты. Маркеры трансформаций социальной реальности репрезентируют их в формате креолизованных текстов. Транслируемое в них наполняется человеком и, следовательно, нарастает его ответственность за их содержание. Семиотическая методология на основе синтеза интеллектуального капитала герменевтики и лингвистики позволяет рассматривать их как продукт знаково-символической деятельности человека и декодировать содержание.

Выводы. Специфика человеческого бытия детерминирована существованием человека в языковом аспекте окружающего его мира — мир дан языком, что предполагает поиски смысла и понимания мира. Мышление и язык онтологически связаны: смысл выражается языковыми средствами. Хотя природа маркеров трансформаций социальной реальности различна, тем не менее она предьявлена и оформлена как текст, понимание которого один из способов постижения социальной реальности.

Ключевые слова:

реальность,
текст,
понимание,
смысл,
маркер

Введение

В условиях стремительной динамики мира настоящего времени как мира развития техники и технологий коммуникации он существенно усложняется и становится все более и более многомерным, мозаичным и конструируемым. Реальность признается и осознается сотканной из множества фрагментов-цитат, представляя собой коллаж, который человек творит и постигает через призму различных текстов, поскольку «нет ничего, существующего вне текста» [1, с. 15]. Происходит стремительное «расчеловечивание», на первый план выходят и остаются постоянно трансформируемые формы, меняющие беспрестанно утрачивающее смысл их содержание. Как следствие, допускается множественность смыслов. Непрерывно порождающиеся модели мира оказались способными оспаривать актуальную реальность, замещая ее множеством зрелищных симулякров. Это не могло не отразиться на поисках путей осмысления реальности, являя маркеры ее трансформаций.

Понимание стало основой онтологии и одним из доминант сознания последней четверти XX и первой — XXI столетий. Огромный лавинообразный поток информации, репрезентирующий в различных формах реальность, потребовал непрерывной работы мысли в поисках ее (реальности) понимания и подходов к нему. Понимание современной реальности может быть осуществлено при использовании социальной семиотики М. Халлидэя и герменевтики Г. Гадамера, позволяющих приоткрывать «тайны» реальности через возможность выделять, означать и интерпретировать смыслы ее маркеров, одними из которых становятся знаки и символы субкультуры, детерминированные контекстом культуры [2, с. 550; 18, р. 192].

Методы и материалы

Основными методами исследования выступают герменевтический, семиотический, аналогии, анализа и синтеза, а также системный.

Материалом исследования служит шансон как один из операторов-маркеров репрезентации субкультуры.

Обсуждение и результаты исследования

Термин «hermeneutics» (греч. ἑρμηνευτική) получил широкое употребление с XVII в.,

хотя традиции герменевтики или толкования и понимания лингвистических и внелингвистических структур уходят в глубокую древность, когда формируется на нее социальный заказ. Причем периоды наибольшего интереса к ней приходились на переломные — «смутные» — времена, когда жизнь общества, достигая пика неопределенности, манифестируется переменами в политической и экономической сферах организации его (общества) жизнедеятельности. Политизация духовной жизни находит свое отражение в требовании осмысления нового и поиска новых подходов к нему. Наблюдается «взрыв» мысли, ведущий к новым векторам исследований, придавая новый смысл даже ранее известному, возникают новые отношения к тому, *какие* имеются маркеры изменений, *что* и *как* они отображают о социальной реальности и кому о ней говорят (курсив авторов — Е. Г., Д. В.). При этом важно помнить, что понимание сложно, многогранно и не завершено, ибо смысл постигается и порождается как бытие возможного [2; 3; 18].

Г. Гадамер развернул в своей концепции герменевтики два важных для нашего анализа момента: временность или историческую контекстуальность понимания, конструктивность смыслов и интерпретативность, обусловленных самой природой человека.

Первый показывает нам особенность существования человека, что «мы не просто живем в истории, мы и есть сама история» [2, с. 325]. Следовательно, понимание подвержено воздействию определенной традиции осмысления или *пред-понимания*, одним из компонентов которого являются *пред-рассудки* (или *предварительные рассуждения*) как нечто происходящее до рассуждения, лежащее в основе понимания и помогающие ему. Благодаря чему устанавливается связь человека с миром и определяется его место в нем. Эти предварительные рассуждения при поиске смыслов *пред-заданы* социокультурной динамикой. Однако человек, будучи в обществе, пытается не только подчиниться ему, но и влиять на него даже фактом своего собственного существования, он — потенциал общества (не случайно термин «человеческий капитал» сегодня широко распространен не только в социально-гуманитарном знании). Поэтому герменевтический опыт личности важен в понимании.

Второй указывает, что смыслы производит человек, фиксируя, закрепляя и транслируя их языком, образуя тем самым некую

(особую) среду, «в которой объединяются или, вернее, предстают в своей исконной принадлежности «Я» и мир» [2, с. 548]. Происходит реализация цели понимания — не столько «воспроизведение», сколько «производство» смысла, т.е. его конструирование. Основным инструментом чего выступает язык [9, с. 329; 18, р. 113]. Значит, всякое понимание есть проблема языковая, и оно (понимание) достигается в медиуме языковости [3, с. 43]. Мысль невозможно ухватить и осмыслить, если она не выражена в языке, поскольку «не только процедура понимания людьми друг друга, но и процесс понимания вообще представляет собой событие языка — даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах» [3, с. 44] (курсив наш — Е. Г., Д. В.). Ведь язык предстает не только и не столько как запечатление и оформление текста в слове (особенно современный).

Положение теории социальной лингвистики М. Халлидея о языке как «потенциале означивания» (a meaning potential), а не системе жестких требований позволяют нам видеть в нем маркер трансформаций, как социальной системы в целом, так и отдельных ее элементов [18, р. 39]. Время настоящего в организации социума отчетливо демонстрирует возможности использования семиотических систем в социальной практике — от продвижения ценности жизни до приемов признания ценностью отказа от жизни. Социальный семиозис — динамический процесс, меняющий природу самого знака — от фиксации и отражения реальности к инструменту властвования и создания картины реальности [10].

В современном обществе, во многом благодаря техникам и технологиям коммуникации, сформировался новый язык — язык образов, сочетающий в себе различные по своей природе знаки и символы (вербальные и невербальные, преимущественно визуальные). Сегодня в восприятии мира доминирует зрительное. Однако невербальный (несловесный) язык обладает всеми языковыми атрибутами и механизмы его восприятия мозгом такие же, как и языковые. Объект понимания раскрывается на уровне рациональности и иррациональности. В процессе понимания синтезируются смысловой и эмоциональный компоненты, существенно влияющие на выбор, той или иной модели интерпретации. Язык несет в себе культурные коды и культурный опыт, зафиксированный в них, одновременно является собой нечто, способное вмещать истину бытия — души «причастны к общему для них смыслу» [2; 3]. Он форма реализации

социальных отношений, т. к. «посредством повседневных актов означивания люди обнаруживают/обнажают социальную структуру, подтверждая свои статусы и роли, утверждая и передавая общепринятую систему ценностей и знаний» [18, р. 2].

Понимание, таким образом, предстает перед нами всегда как сложный диалог в разворачивании опыта осмысления в историчности — «осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности» [13, с. 15]. В силу того, что человек и мир в своем постоянном взаимодействии меняются, мысль никогда не будет звучать окончательно как истина в последней инстанции — новое при встрече с человеком предполагает и его переосмысление, т. е. интерпретацию. Тем самым порождают новые смыслы.

Завершая теоретический раздел, отметим, что синтезирование положений герменевтики Г. Гадамера и социальной лингвистики М. Халлидея о понимании указывает, что знаки и символы языка способны, фиксируя и передавая означиваемое, дополнять его новым содержанием. Это позволяет выявлять маркеры транзита социальной реальности в условиях ее трансформации. Одним из таких маркеров является субкультура, отражающая под углом *своего* видения социальную реальность и продуцирующая *свой* текст о ней. Текст, который становится быстро воспринимаемым и принимаемым частью общества, и задающий свои образцы и стандарты поведения.

Формирование и нарастание числа субкультур в обществе явно показывает его изменения, что не может не найти отражения и в попытках их осознания [7; 12 и др.]. Субкультура сегодня — одно из довольно часто встречающихся понятий, позволяющих описывать, осмысливать, понимать и прогнозировать ориентиры и интересы той или иной группы, определяющей стиль жизни, стандарты мышления и образцы поведения ее обладателей [4; 6; 10 и др.]. Обычно субкультуры на начальном этапе своего формирования стремятся к замкнутости и изоляции и в дальнейшем начинают самопредъявлять себя различными формами — от протестных действий и ухода «в тень» до обретения статуса общего признания, отражая различные мировоззренческие позиции и установки общества и человека. Способы презентации субкультур обществу оказываются в фокусе внимания исследователей [4; 6; 10; 13; и др.]. Одним из таких способов становится, по

нашему мнению, шансон в различных своих жанровых и текстовых ипостасях.

Термин «шансон», восходящий к французскому слову «chanson», в буквальном значении — народная или жанровая песня, возникшая в эпоху позднего Средневековья — эпоху Возрождения [8] — приобрел сегодня и другие смысловые оттенки (к нему относят авторскую и блатную песни, песни автора в его исполнении и т. п.). Мы под ним рассматриваем популярную песню с четким (преимущественно одним) сюжетом и лаконичной законченностью фраз, сопряженной с исполнением. Иными словами, шансон — текст, несущий смыслы, произрастающие из его понимания как онтологически первичного отношения человека к миру как понятие опыта, связанного с природой и спецификой языка. Обусловлено это тем, что «всякая встреча с языком — это встреча с незамкнутым событием и даже частью этого события» [2, с. 144], а «одно из его предназначений — служить людям» [18, р. 4].

Анализ шансона начался в рамках изучения субкультур в 60-х годах прошлого столетия в социально-гуманитарном знании. Первыми к нему обратились лингвисты (использование специфической лексики), музыковеды (жанры исполнения) и юристы (форма репрезентации и продвижения отклоняющегося поведения). Сегодня можно говорить даже о становлении «шансоноведения», хотя границы предмета его изучения достаточно дискуссионны [9, с. 81]. В нашей стране шансон как объект исследовательских интересов относительно молод. Сам шансон формировался в основном на «изломе» эпох (от Российской империи к Советскому Союзу и от СССР к Российской Федерации). Общество осуществляло переход (транзит) из одного состояния в другое, демонстрируя кризис стабильности. Все многообразие проявлений шансона, по нашему мнению, можно обозначить терминами «исполняемый различно-мотивированный креолизованный текст» о жизни человека в повседневности.

Начало процессов «перестройки, гласности и демократии» накануне распада Советского Союза вывели шансон из тени — запретные темы стали незапретными. Наоборот, они манили к себе и провоцировали начало новых перемен. Рухнул идеократический саркофаг — публикация «ЧП районного масштаба» в январской «Юности» Ю. Полякова (1985), «Дети Арбата» А. Рыбакова в «Дружбе народов» (1987), закрытого доклада о разоблачении культа И. Сталина на страницах третьего номера

возрожденных «Известий ЦК КПСС» (1989) и т. д. Доносились отовсюду песни И. Талькова, В. Цоя, группы «Лесоповал» и др. Хотя и не бесспорно всех их относить к жанру шансона, тем не менее они символизировали начало транзита в обществе и трансформации представлений о свободе, не преследуя цели избежать открытой критики оценки реалий. Становление суверенного государства Россия сопровождалось серьезными (порой слишком кардинальными и драматичными) изменениями, выразившимися в разломе прежней социально-экономической, политической и духовной систем. Общество молчаливо опасавшегося и согласного со всем большинства развитого социализма сменялось демократическим и искало новые яркие средства выражения картины «жесткой» реальности.

В начале 90-х годов XX в. шансон лаконично отразил главных героев нового времени — спортивные фигуры в малиновых пиджаках и кроссовках с бритыми головами, криминальная метафора пришлись по нраву социуму, представляя собой атрибут свободы. Сегодня образы в шансоне стали соответствовать времени, а тематика расширилась. Он, в большинстве своем, расстаётся с криминальной метафорой и обращается чаще к «вечным» темам обычного человека — жизнь и смерть, любовь и ненависть, верность и предательство, добро и зло, справедливость и несправедливость, законность и беззаконие.

Несмотря на чаще всего негативную оценку среди исследователей (образец «смерти высокой культуры в обесцененной лексике»), шансон продолжает «жить». Он имеет серьезную аудиторию в лучших залах страны и ведущих масс-медиа (первый фестиваль русского шансона «Гоп-стоп шоу», 1990; радиостанция «Шансон», 2000; шоу «Три аккорда» на Первом канале, 2014; ежегодные фестивали «хитов» и «премьер» года и др.). Возникающие и циркулирующие научные и околонучные дискуссии, делают в основном акцент на жанровом разнообразии исполнения и редко обращаются к содержанию текстов [5; 6 и др.].

По мере разворачивания технологического уклада «Индустрия 4.0» и становления «фабрик» популярной культуры, шансон все увереннее начал пользоваться креолизованным языком с доминированием в нем визуального компонента. Язык шансона усложняется, образуя креолизованный текст, т.е. созданный разными по своей природе знаками и символами (вербальными и невербальными) и оказывающий воздействие

на сознание. В этом тексте присутствует и господствует образ, создаваемый непосредственно не только словом, но и звуками музыки, исполнительской манерой и визуализацией происходящего (вид исполнителя, сцены и т. п.). Вербальная и невербальная части креолизованного текста воспринимаются одновременно, но аудиовизуальный ряд доминирует в текстообразовании и, следовательно, смыслообразовании. Этот ряд значительно проще речевого компонента — он более привлекателен и доминирует при восприятии и формировании смысла, при этом человек опирается на свой личностный опыт (сенсорные и перцептивные эталоны восприятия, знание). Реальность трансформируется в сложном креолизованном тексте, схватывая эмоции социума, прежде всего, под воздействием «настроения времени».

Хотя специфика креолизованных текстов не изучена в достаточной степени и не выработана общепринятая методика их исследования, специалисты отмечают, что этим текстом осуществляется производство и передача смыслов автора, исполнителя и слушателя или зрителя [11; 12; 22]. Кроме того, креолизация становится важным инструментом привлечения и удержания внимания реципиента, способов выражения смысловой организации текста. В этом процессе смыслообразования могут активно «участвовать» технические мультимедийные средства, существенно влияющие на воспринимающего (слушателя, зрителя), когда у него оказываются задействованными разные каналы получения и обработки информации. Возможности смыслообразования стали безграничными, благодаря применению средств и технологий коммуникации современного общества [15—17; 20; 21]. Однако следует помнить, что объем информации, которую способно обработать сознание, поступающей из каждого канала ограничен и формируются благоприятные условия для властвования над слушателем/зрителем (особенно зрителем «за стеклом»).

Шансон как креолизованный текст существует в каждом конкретном случае в многообразных способах бесконечной интерпретации и явленной презентации. Опыт «прочтения» смысла текста всегда неисчерпаем [12; 18; 19; 22]. Любое его предъяснение специально сконструировано (тембр голоса, громкость и т. п.). Конструирование смысла коррелирует с интеллектуальной работой человека, вступившего в диалог с произведением шансона. При этом создается впечатление, что у произведения шансона есть несколько авторов

(поэт, композитор, исполнитель, постановщик звука, оформитель сцены и т. д.). Тем не менее, фактическим автором будет тот, кто завершил процесс создания, т.е. исполнитель. Особо значим тот автор, кто создал все сам, пройдя путь от автора и режиссера до исполнителя.

Шансон одновременно информирует его потребителя о некоей реальной данности, предлагает и внушает ему определенные знания и эмоции о ней, направляя формирование определенных мыслей и чувств «путем сотворческой работы самого адресата» [11, с. 129]. Поэтому в шансоне всегда предлагается новая интерпретация путем исключения, замещения, перестановки, дополнения, стиля, модальности, света, цвета и других средств создания образа. Связанность всех этих компонентов может быть различной, сообразно своей логике разложения целого на части и соединения их вновь воедино.

Примером может послужить «Черный тюльпан» (или «Монолог пилота “Черного тюльпана”») А. Розенбаума. Трагедия ребят из ограниченного контингента в Афганистане «проживается» в песне за 3,5 минуты (время звучания). Тем не менее, она не передает никоим образом 3,5 минуты жизни каждого из «груза 200». Палитра их судеб исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Происходит замена реальной реальности ее репрезентацией, т. к. один объект действительности запечатлевается в другом и создается новая реальность, полностью сконструированная автором, исполнителем и воспринимающим. В русском языке появляются крылатые фразы «афганский синдром» и «черный тюльпан» как синонимы «груза 200». Если первая сформировалась в ходе действия ограниченного контингента по аналогии с уже существующим «вьетнамским синдромом» [14, с. 136], то вторая — цветок необычного цвета — стала символом безвозвратной потери для поколения конца 1970 — начала 1990-х годов. Хотя власти тщательно пытались скрывать информацию об афганской войне, которая с помощью практики языка приходила в страну. В начале 2000-х гг. по инициативе городской организации ветеранов и лично мэра Челябинска появился на улице Кирова в Челябинске памятник — мужчина в армейской форме с гитарой и рядом камень со словами песни «Черный тюльпан», который часто олицетворяют с памятником исполнителю песни. Так сконструированная реальность как результат деятельности человека, обладая определенным

сходством с актуальной и предполагая вариативность ее интерпретаций, «проникает» в сознание и формирует образы понимания.

Заключение

Специфика человеческого бытия детерминирована существованием человека в языковом аспекте окружающего его мира, который являет себя человеку как мир, данный в языке, что дает возможность осуществления поисков смысла и понимания. Смыслополагание способно осуществлять только человек, что определяет его как мыслящую и понимающую часть сущего. Мышление и язык онтологически связаны друг с другом, поскольку смысл, постигаемый мышлением, мыслим и выразим только в языке. Мир, данный человеку в языке, подлежит интерпретации. Языковость понимания продиктована онтологической связью языка и мышления, что объясняет постоянное стремление мышления к диалогу с Другим и расширению горизонтов понимания. Социальные трансформации как процесс приобретения и проявления в обществе новых форм социальных связей в соответствии с требованиями времени, обладают признаками-маркерами. Природа маркеров трансформаций социальной реальности различна, как и способы предъявления. Креолизованный текст шансона, с одной стороны, форма фиксации технологического образа времени, с другой — конструктор новых форм его восприятия и репрезентация его нового героя. Понимание этого становится одним из способов постижения социальной реальности, наполненной нескончаемым числом событий различной значимости (от локальных до глобальных). Маркеры позволяют увидеть вектора социокультурной динамики.

Авторы выражают глубокую благодарность и признательность всем тем, для кого профессия защищать Родину стала смыслом жизни.

1. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.

2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс. 1988. — 704 с.

3. Гадамер, Г.-Х. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. — М. : Искусство, 1991. — 368 с.

4. Волкова, В. В. Методологические основания к пониманию феномена субкультуры / В. В. Волкова // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 4. — С. 65—68.

5. Копцов, А. Н. Языковая эклектика как жанровая черта современного «русского шансона»: на материале песенно-поэтического творчества Елены Ваенги / А. Н. Копцов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2016. — Т. 22. — № 2. — С. 221—225.

6. Круталевич, А. Н. Структурно-аналитический подход к изучению субкультур / А. Н. Круталевич // Культура и искусство. — 2016. — № 1 (31). — С. 41—45.

7. Лебедев, С. Н. Шансон / С. Н. Лебедев // Большая российская энциклопедия. — 2004. — URL: <https://bigenc.ru/music/text/5341452> (дата обращения 30.11.2022).

8. Левин, Л. И. Блатная песня / Л. И. Левин // Эстрада в России. XX век: Энциклопедия. — М. : Олма-Пресс, 2004. — С. 79—81.

9. Малахов, В. С. Философская герменевтика Г.-Х. Гадамера / В. С. Малахов // Гадамер Г.-Х. Актуальность прекрасного. — М. : Искусство, 1991. — С.324—336.

10. Прилукова, Е. Г. Мозаика смыслов постчеловека в профессиональном образовании / Е. Г. Прилукова // Инновационное развитие профессионального образования. — 2022. — № 1 (33). — С. 27—32.

11. Раппопорт, С. Х. От художника к зрителю / С. Х. Раппопорт. — М. : Сов. художник. 1978. — 237 с.

12. Тетюев, Л. И. Философия языка Ханса-Георга Гадамера и его опыт интерпретации произведения искусства / Л. И. Тетюев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2017. — Т. 17. — Вып. 3. — С. 288—291.

13. Шестакова, М. А. Функции здравого смысла в герменевтике Гадамера / М. А. Шестакова // Вестник Московского университета. Серия Философия. — 1999. — № 4. — С. 90—100.

14. Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1000 крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. — М. : Азуковник: Русские словари, 2003. — 430 с.

15. Baddeley, A. D. Human Memory: Theory and Practice / A. D. Baddeley. — Boston : Allyn & Bacon, 1997. — 423 p.

16. Baddeley, A. D. Working memory / A. D. Baddeley. — Oxford, England : Oxford University Press. 1996. — 304 p.

17. Chandler, R. Cognitive load theory and the format of instruction / R. Chandler,

J. Sweller // *Cognition and Instruction*. — 1991. — № 8. — P. 294—332.

18. Halliday, M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K. Halliday. — L. : Arnold, 1978. — 256 p.

19. Muganga, L. The Importance of Hermeneutic Theory in Understanding and Appreciating Interpretive Inquiry as a Methodology / L. Muganga // *Journal of Social Research & Policy*. Vol. 6. Issue 1 (July). 2015. P. 65—88. — URL: https://www.researchgate.net/publication/328174838_The_Importance_of_Hermeneutic_Theory_in_Understanding_and_Appreciating_Interpretive_Inquiry_as_a_Methodology (дата обращения: 28.11.2022).

20. Sweller, I. Instructional design in technical areas / I. Sweller. — Camberwell, Victoria: Australian Council for Educational Research, 1999. — 192 p.

21. Tarasti, E. Signs of Music: A Guide to Musical Semiotics / E. Tarasti. — Berlin, 2002. — 224 p.

22. Zatorre, R. J. Structure and function of auditory cortex: music and speech / R. J. Zatorre, P. Belin, V. B. Penhune // *Trends in cognitive sciences*. — 2002. — No. 6 (1). — P. 37—46.

References

1. Bart R. S/Z (2001) [S/Z]. Moscow, Jeditorial URSS, 232 p. [in Rus].

2. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].

3. Gadamer G.-H. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskusstvo, 368 p. [in Rus].

4. Volkova V. V. (2012) *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova*, Vol. 18, no. 4, pp. 65-68 [in Rus].

5. Kopcov A. N. (2016) *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, Vol. 22, no. 2, pp. 221-225 [in Rus].

6. Krutalevich A. N. (2016) *Kul'tura i iskusstvo*, no. 1 (31), pp. 41-45 [in Rus].

7. Lebedev S. N. (2004) Shanson [Shanson]. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija*, available at: <https://bigenc.ru/music/text/5341452> (accessed 30.11.2022). [in Rus].

8. Levin L. I. (2004) *Blatnaja pesnja* [Blat song] *Jestrada v Rossii. XX vek: Jenciklopedija* [Stage in Russia. XX century: Encyclopedia]. Moscow, Olma-Press, pp. 79-81. [in Rus].

9. Malahov V. S. (1991) *Filosofskaja germenевtika G.-H. Gadamera* [Philosophical hermeneutics G.-H. Gadamer]. Gadamer G.-H. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskussvto, pp.324-336 [in Rus].

10. Prilukova E.G. (2022) *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*, no. 1 (33), pp. 27-32 [in Rus].

11. Rappoport S. H. (1978) *Ot hudozhnika k zritelju* [From artist to viewer]. Moscow, Sov. hudozhnik, 237 p. [in Rus].

12. Tetjuev L. I. (2017) *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, Vol. 17, vyp. 3, pp. 288-291 [in Rus].

13. Shestakova M. A. (1999) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija Filosofija*, no 4, pp. 90-100 [in Rus].

14. Shulezhkova S. G. (2003) *Slovar' krylatyh vyrazhenij iz oblasti iskusstva: bolee 1000 krylatyh vyrazhenij*, [Dictionary of popular expressions from the field of art: more than 1000 popular expressions]. Moscow, Azukovnik: Russkie slovari, 430 p. [in Rus].

15. Baddeley A. D. (1997) *Human Memory: Theory and Practice*. Boston, Allyn & Bacon. 423 p. [in Eng].

16. Baddeley A. D. (1996) *Working memory*. Oxford, England, Oxford University Press, 304 p. [in Eng].

17. Chandler R, Sweller, J. (1991) Cognitive load theory and the format of instruction *Cognition and Instruction*, no. 8, pp. 294-332 [in Eng].

18. Halliday M.A.K. (1978) Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London, Edward Arnold, 256 p. [in Eng].

19. Muganga L. (2015) The Importance of Hermeneutic Theory in Understanding and Appreciating Interpretive Inquiry as a Methodology. *Journal of Social Research & Policy*. Vol. 6. Issue 1 (July), pp. 65—88, available at: https://www.researchgate.net/publication/328174838_The_Importance_of_Hermeneutic_Theory_in_Understanding_and_Appreciating_Interpretive_Inquiry_as_a_Methodology (accessed 28.11.2022) [in Eng].

20. Sweller I. (1999) Instructional design in technical areas. Camberwell, Victoria, Australian Council for Educational Research, 192 p. [in Eng].

21. Tarasti E. (2002) Signs of Music: A Guide to Musical Semiotics. Berlin, 224 p. [in Eng].

22. Zatorre R. J., Belin P., Penhune V. B. (2002). *Trends in cognitive sciences*, no. 6 (1), pp. 37-46 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 07.01.2023

For citing: Prilukova, E. G. Meanings of social reality representation in the subculture of a creolized text (as exemplified by the Russian musical genre of chanson) / E. G. Prilukova, D. V. Rakovsky // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 109—116. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116. — EDN APGYV

UDC 101.1+316.33+32

EDN APGYV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-109-116

MEANINGS OF SOCIAL REALITY REPRESENTATION IN THE SUBCULTURE OF A CREOLIZED TEXT (AS EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN MUSICAL GENRE OF CHANSON)

Ekaterina G. Prilukova,
South Ural State University
(National Research University),
Professor of the Department of Philosophy.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: prilukova74@gmail.com

Denis V. Rakovsky,
Nosov Magnitogorsk State Technical
University,
Postgraduate student of the Department
of Philosophy.
Magnitogorsk, Russia.
E-mail: rakovsky_auto@mail.ru

Abstract

Introduction. The rapid dynamics of the present world results in its complication and construction. Reality turns out to be woven from many quote fragments, representing a collage that a person creates and comprehends through the prism of various texts. Constantly transformable forms come to the fore and, as a result, there exists a plurality of meanings. Models of the world are continuously generated, replacing the actual reality with a multitude of spectacular simulacra. The search for ways to comprehend reality through the identification of markers of its transformations is noted, and understanding becomes the basis of ontology and one of the dominants of consciousness in the last quarter

of the 20th and first quarter of the 21st centuries. Signs and symbols of subculture, determined by the context of culture and presented by various means, become one of the markers of the social reality transformations.

The purpose of the study is to show the markers of the transformation of the total communication society.

Methods. Methodological framework is in G. Gadamer's hermeneutic approach and the provisions of M. Halliday's social semiotics to coding/decoding the meanings of operators-markers of social transformations. In addition, other methods were used in the work - methods of analogy, analysis and synthesis. Fragments of the study devoted to the study of chanson as a creolized text required the use of a systematic method.

Scientific novelty of the research. The authors revealed the specificity of the chanson as a creolized text and present understanding of the subculture as a marker of the social reality transformations, which is manifested by sign-symbolic forms of continuously generated creolized texts, thanks to the technique and technologies of communication.

Results. Markers of social reality transformations represent them in the format of creolized texts. What is broadcast in them is filled with a person and, consequently, his responsibility for their content is growing. Semiotic methodology based on the synthesis of the intellectual capital of hermeneutics and linguistics makes it possible for us to consider them as a product of human sign-symbolic activity and decode the content.

Conclusions. The specificity of human existence is determined by the existence of a person in the linguistic aspect of the world around him - the world is given by language, which involves the search for meaning and understanding of the world. Thinking and language are ontologically connected: meaning is expressed by linguistic means. Although the nature of the markers of social reality transformations is different, nevertheless, it is presented and framed as a text, the understanding of which is one of the ways to comprehend social reality.

Keywords:
reality,
text,
understanding,
meaning,
marker

Для цитирования: Нижников, С. А. «Роковая печать» религиозного имманентизма: оценка В. В. Зеньковским эсхатологических представлений Н. А. Бердяева / С. А. Нижников, А. А. Романенко // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 117—126. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-117-126. — EDN AKTLEG.

УДК 141.201

EDN AKTLEG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-117-126

«РОКОВАЯ ПЕЧАТЬ» РЕЛИГИОЗНОГО ИММАНЕНТИЗМА: ОЦЕНКА В. В. ЗЕНЬКОВСКИМ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ Н. А. БЕРДЯЕВА¹

Нижников Сергей Анатольевич,
Российский университет дружбы народов,
профессор кафедры истории философии,
доктор философских наук, профессор,
Москва, Россия.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3456-2445>
E-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru

Романенко Анастасия Андреевна,
Российский университет дружбы народов,
соискатель кафедры истории философии,
Москва, Россия.
E-mail: dior1111@mail.ru

Аннотация

Введение. Многосторонние философские интересы Н. А. Бердяева и его неутомимость в творческой деятельности способствовали выработке им оригинальной мировоззренческой системы, в которой эсхатологические представления являлись базовой частью. В статье рассматривается оценка этих представлений выдающимся историком русской философии В. В. Зеньковским, значимость которой повышается в связи с тем, что она была дана не только историком мысли, но и создателем собственной и в целом законченной философской системы, опиравшейся, как и философия Н. А. Бердяева, на идейный фундамент православия.

Цель. Авторами предпринимается попытка выявления причин и мотивов расхождения эсхатологических представлений Н. А. Бердяева с традиционно-христианским пониманием «конца истории», которого неукоснительно придерживался В. В. Зеньковский.

Методы. В качестве общеполитологической методологии использовался персоналистский подход, которого придерживались как Н. А. Бердяев, так и В. В. Зеньковский. Основная предпосылка этого подхода состоит в утверждении свободнотворческой активности личности, способной, исходя из своих внутренних побуждений, изменять окружающую реальность, как социальную, так и природную. В исследовании применялись также общенаучные методы — анализ, синтез, сравнение, обобщение.

Научная новизна исследования. Научной новизной обладают выводы авторов относительно того, что Н. А. Бердяевым не была преодолена эволюционистская историософская парадигма, сохраняющая свое значение в русской метафизике со времени публикации ранних работ В. С. Соловьева, родоначальника этого направления.

Результаты. Эсхатологию Н. А. Бердяева следует полагать переходной от имманентной (эволюционной) к трансцендентной, поскольку в ней сохранялись элементы пантеизма. На это обратил внимание В. В. Зеньковский, отметив, что на всем религиозном мире Н. А. Бердяева лежит «роковая печать» религиозного имманентизма. Вследствие несоответствия его убеждений общему мировоззренческому руслу христианского трансцендентизма, никогда сущностно не сближавшего Творца и творение, В. В. Зеньковский избегал оценки Н. А. Бердяева как православного философа.

Ключевые слова:
имманентизм,
трансцендентизм,
эсхатология,
русская метафизика,
пантеизм,
персонализм,
свобода,
Н. А. Бердяев,
В. В. Зеньковский

¹ Публикация выполнена в рамках научного проекта РНФ 22-28-00162, «Концепция “осевого времени” в контексте интеркультурного диалога».

Введение

Творчество Н. А. Бердяева необычайно многообразно, мыслитель оставил после себя немалое количество работ, освещающих самые разные аспекты философской науки — онтологические, гносеологические, этические, историософские; немалое значение для него имели и эсхатологические проблемы. Разносторонние интересы философа, стремление охватить широчайший круг смысложизненных вопросов зачастую приводили читателей и критиков к выводу о свойственной его творчеству эклектичности, а острая полемичность текстов множила идейных противников. Между тем, нельзя не согласиться с мнением Н. В. Мотрошиловой, согласно которому если не упорствовать сильно в критике философии Н. А. Бердяева, акцентируясь на ее пренебрежительных оценках, то можно убедиться, что многие тексты мыслителя представляют собой «сложное, постепенно развертывающееся, глубокое и аргументированное философско-метафизическое рассуждение-исследование, направленное на реализацию оригинальной философской программы, на осуществление многостороннего философского синтеза, на критическое типологическое осмысление имеющихся в распоряжении истории мысли традиций и подходов» [18, с. 292]. Можно вполне аргументированно утверждать, что Н. А. Бердяев явился творцом собственной оригинальной философской системы, целостное восприятие которой хотя и затруднено вследствие вышеозначенной причины, однако вполне возможно.

Несмотря на то, что Н. А. Бердяев позволял себе критически подходить даже к незыблемым догматам христианского богословия (особенно характерно в этом отношении его «внеположение» Богу столь любимой им свободы), такой чуткий православный мыслитель как В. В. Зеньковский, тем не менее, выделял в качестве основной черты мировоззрения философа «подлинно христианский универсализм, как бы унаследованный им от Владимира Соловьева», и продолжал: «Широтой и внутренней органичностью, свободой и подлинно синтезирующим духом веет от произведений Бердяева, который при всей полемической насыщенности его книг с исключительной силой вживается в чужие настроения и не боится брать у них то, что ему по душе... оттого на Бердяева можно проследить влияние самых различных русских мыслителей, что не мешает ему сохранять свою оригинальность» [16, с. 133].

Сам Н. А. Бердяев в работе «Русская идея», опубликованной в 1946 г., подтверждает свою духовную близость со многими деятелями русского философского «ренессанса», однако при этом подчеркивает, что «во многом расходился с людьми того замечательного времени» [3, с. 724]. Здесь же философ акцентирует внимание на антропоцентричности своей мысли и на понимании им христианства как «религии Духа», характеризуя собственную философию как эсхатологическую: «Мое понимание христианства — эсхатологическое, и я противопоставляю его христианству историческому. Понимание же эсхатологии у меня активно-творческое, а не пассивное. Конец этого мира, конец истории зависит и от творческого акта человека» [3, с. 725].

Объективация и творчество: непреодолимое противоречие

К своим основным идеям Н. А. Бердяев относил учение об объективации, полагая, что его обычно плохо понимают. Объективную реальность философ считал иллюзией сознания, поскольку существует «лишь объективация реальности, порожденная известной направленностью духа... Объект есть порождение субъекта». Однако при этом он возражал против отнесения такого мирозерцания «по шаблонным классификациям» к субъективному идеализму, соглашаясь с характеристикой его как «идеализма свободы»: «Мир подлинно существует в не объективированном мире... Объективность есть порабощение духа, есть порождение разорванности, разобщенности и вражды субъектов, личностей, духов-существ». Отсюда Н. А. Бердяев делал, как он полагал, обращающий на себя малое внимание, однако важный для социологии вывод, согласно которому наше познание зависит от «ступеней духовной общности» [4, с. 482]. В этом утверждении мыслителя ясно просматривается концепт соборного познания, тщательно разработанный еще славянофилами. Результат нашего познания, по мнению Н. А. Бердяева, зависит не только от одаренности и целеустремленности отдельных личностей или научных коллективов, а и от той степени общности освобождающегося от порабощения духа, которая достигается человечеством в преодолении им же порожденной всемирной объективации.

В. В. Зеньковский справедливо отмечает, что идея Н. А. Бердяева об объективации как иноприродной в отношении личности

сфере, взятая им у А. Шопенгауэра, держится лишь на предварительно поставленной цели — отделить и освободить личность от мира, вобрать все творчество внутрь человека: «Но тогда творчество, которое всегда стремится “овладеть” миром (в той или иной его стороне), *теряет свой смысл*, раз результаты творчества снова связывают нас с “падшим” миром. Бердяев долго не замечает того, что его персонализм, отчуждая личность от мира, создает не простую трагичность творчества..., но и *обесмысливает* его: если творчество лишь закрепляет нас в “падшем” мире, то не стоит стремиться к творчеству в мире. А есть ли творчество *вне мира?*» [14, с. 354] — ставит В. В. Зеньковский риторический вопрос. Выход из логического тупика, считает он, Н. А. Бердяев намечает в замещении понятия объективации новым понятием «экспрессивности», которое он вводит в своем позднем труде «Опыт эсхатологической метафизики». Экспрессивность всецело сохраняет то, что было в личности, являясь не объективацией, а неким воплощением творчества во внешнем мире; однако при этом философ противоречит сам себе, говоря о двойственности творческих воплощений, о том, что эти воплощения попадают во власть законов объективации: таким образом, проблема снова оказывается нерешенной, а творчество как свободный акт личности, но все же акт, действие в мире, остается бессмысленным. В. В. Зеньковский пишет о страхе Н. А. Бердяева перед «натурализацией» бытия, перед усвоением им свойств объекта, неизбежно вводящем бытие в сферу объективации, и этот страх приводит мыслителя к представлению о мире как «символическом бытии», «к невозможности применять категорию “бытия” в духовной сфере» [14, с. 359]. Поэтому в философской системе Н. А. Бердяева, констатирует он, невозможно никакого освящения бытия, сакрализация мира всегда оборачивается здесь только лишь его символизацией, что неизбежно приводит к напряженному поиску «новой духовности», которая смогла бы освободить нас от объективации, однако при этом вопрос о том, как это может произойти, остается открытым. Таким образом, романтизм в религиозной сфере, рассмотрение мира как недолжной сферы объективации оборачивается у Н. А. Бердяева «субъективацией религиозных переживаний», формированием «отвращения» к действительности, что «кладет роковую печать религиозного имманентизма на весь религиозный мир Бердяева» [14, с. 360].

Н. А. Бердяев не раз подчеркивал, что его философия — «резко персоналистическая», или, по ставшей, как он выражался, «модной» терминологии, экзистенциальная, и замечал при этом, что никогда не стремился к созданию какой бы то ни было онтологии, поскольку считал бытие только объективацией существования. «Я утверждаю, — пишет философ, — дуализм мира феноменального, который есть мир объективации и необходимости, и мира нуменального, который есть мир подлинной жизни и свободы. Этот дуализм преодолим лишь эсхатологически» [4, с. 726]. Отсюда становится понятным и тот интерес, который в своем творчестве Н. А. Бердяев проявлял именно к историософской проблематике, выделяя эсхатологическую тему в качестве важнейшей в ней. Дуализм феноменального и «нуменального» миров не является нормальным состоянием творения, значит, он временен и требует своего преодоления, невозможного в истории, которая и есть история объективации, следовательно, необходимо трансцендирование, выход человечества за границы исторического времени и продолжение существования уже за пределами «конца истории».

Дилемма эволюционизма и катастрофизма

Философия истории Н. А. Бердяева, с одной стороны, явно преемственна историософии В. С. Соловьева, во многих отношениях продолжает ее, с другой же, идет дальше нее. «По своим теократическим идеям Вл. Соловьев принадлежит прошлому», — утверждает философ, и, хотя В. С. Соловьев в завершающем периоде своего творчества «от этого отжившего прошлого отказывается, но входит в пессимистическую и апокалиптическую настроенность» [3, с. 698]. Ошибка В. С. Соловьева, пишет Н. А. Бердяев, заключалась в том, что он не видел противоположности между теократической идеей и эсхатологией: осуществляющаяся в истории теократия совершенно исключает эсхатологическую перспективу, делая конец истории как бы имманентным ей. Доведенное до конца учение В. С. Соловьева о Богочеловечестве «должно бы привести к активной, а не пассивной эсхатологии, к сознанию творческого призвания человека в конце истории, которое только и делает возможным наступление конца мира и второе пришествие Христа» [3, с. 699]. В. С. Соловьев, утверждает Н. А. Бердяев, раньше ошибочно представлял результат

богочеловеческого процесса «слишком эволюционным», позже, в «Повести об антихристе», он верно изобразил конец истории катастрофическим: «Но катастрофизм не значит, что не будет никакого положительного результата творческого дела человека для Царства Божьего» [3, с. 699]. Дилемму эволюционизма и катастрофизма Н. А. Бердяев пытается преодолеть введением понятия «духовной революции», понятия, призванного характеризовать масштабное, эпохальное освобождение человеческого духа от иллюзии объективации. Однако удалось ли ему в действительности преодолеть эту дилемму? Мы вынуждены констатировать, что нет, — видимо, вследствие невозможности постижения разумом тех колоссальных изменений, которыми должна сопровождаться духовная революция, понятие о ней остается у мыслителя абстрактным и таинственным (мистическим), сопротивляясь всякой конкретизации.

Обращение Н. А. Бердяева к революционной проблематике совсем не случайно. В. В. Зеньковский отмечал, что в начале XX в. характерным для русской интеллектуальной жизни являлось появление движения, развивавшегося под знаком «нового религиозного сознания», программа которого строилась на «сознательном противопоставлении себя историческому христианству» [14, с. 335], это движение было глубоко эсхатологичным, оно ожидало новых откровений и под влиянием В. С. Соловьева создало утопию «религиозной общности». К этому движению историк русской философии относил, прежде всего, группу Д. С. Мережковского, Н. А. Бердяева, являвшегося активным ее участником, хотя и проявлявшим при этом самостоятельность мышления, чем нередко вызывал недовольство со стороны других членов, Л. И. Шестова. Философскую позицию самого Н. А. Бердяева, проявившуюся в поисках «нового религиозного сознания», В. В. Зеньковский называет «религиозным неоромантизмом», отмечая при этом, что его «основная романтическая установка как-то закрывалась “экзистенциальными” анализами; впрочем, — делает он предположение, — экзистенциализм едва ли и возможен вне романтической духовной установки» [14, с. 344].

Следует отметить, что «духовная революция», в которую искренне верил Н. А. Бердяев, это совсем не социальная революция. С точки зрения многих представителей «кружка Мережковского», таких как сам Д. С. Мережковский, А. А. Мейер, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус, его «мистико-гностическая» концепция «нового религиозного со-

знания» была «слишком “трансцендентна”, отвлекала взгляд от исторической ситуации, практически не использовала ее». Со своей стороны, «поддерживая грядущие социальные перемены в российском обществе как перемены эсхатологического плана» [11, с. 68], они считали, что назревающие революционные настроения можно и нужно использовать для того, чтобы пробудить в народе религиозные чувства. Революция представлялась им эффективным инструментом для смены религиозных эпох, а Н. А. Бердяев, утверждали «мережковцы», создавая свою антропологию, не заметил религиозного значения этого инструмента. Как верно пишет И. В. Воронцова: «В то время как Д. Мережковский подошел к построению своего учения, оттолкнувшись от идей русской религиозной философии... Н. Бердяев пришел к мысли о “неполноте” “исторического” христианства при возвращении к вере после разочарования в марксизме» [11, с. 72]. Д. С. Мережковский со временем растерял свой религиозно-философский пыл и пришел к выводу о неизбежности религиозных по своему характеру социальных революций, отвернувшись от официальной Православной Церкви; Н. А. Бердяев же, по крайней мере, с 1905 г. отрицательно относился к мысли о прогрессивности революций и оставался в церковной ограде.

В 1916 г. сторонники Д. С. Мережковского признали работы Н. А. Бердяева о «новом религиозном сознании» не соответствующими своему пониманию, поскольку не соглашались с ним по многим вопросам, в частности с его отношением к социальной революции, к религиозному значению общественного единства, с его приверженностью Церкви и с пониманием ценности творчества в христианстве. Его «упрекали в том, что, замахнувшись на философскую систематизацию учения о “новом религиозном сознании и общественности”, он профанировал идею» [11, с. 111], которой «мережковцы» были давно увлечены. Однако, разойдясь с кружком по причине вполне созревших идейных разногласий, оставшись в одиночестве, Н. А. Бердяев продолжил философскую работу по осмыслению собственной духовно-революционной концепции, видимо, принципиально не желая при этом искать когнитивной поддержки в «ограде Церкви», которой, между тем, как прихожанин никогда больше не покидал, поэтому неудивительно, что мысль его стала все отчетливее принимать сектантскую направленность.

Хотя Н. А. Бердяев и был знаком с церковным Преданием и трудами Отцов Цер-

кви, однако с полной серьезностью к ним никогда не относился, во всяком случае, не спешил прибегать к их помощи для разрешения возникающих проблем, действуя самостоятельно и черпая из них лишь выборочную информацию; аналогичным иногда у него было и отношение к Священному Писанию. К примеру, А. В. Гулыга, называвший Н. А. Бердяева «эсхатологистом», справедливо утверждал, что мыслитель интерпретировал христианский «Апокалипсис» лишь как предупреждение человечеству о гибели мира, которую «нужно и можно избежать. Вместе с тем история должна иметь конец, смысл ее — за ее пределами» [12, с. 241]. Как же совместить эти противоречивые суждения? С одной стороны, мир может и должен избежать своей гибели, с другой — истории необходимо завершение, иначе она бессмысленна. Н. А. Бердяев избегает этого затруднения, вводя понятие «метаисторического», экзистенциального времени, в мире объективации иногда «прорывающегося» в историю, а в будущем предназначенного всецело ее определять: «Конец истории нельзя мыслить ни в пределах нашего испорченного времени как событие посюстороннее, ни вне исторического времени как событие потустороннее. Конец есть преодоление времени космического и времени исторического. Времени больше не будет... Но время экзистенциальное, вкорененное в вечности, остается, и в нем-то и приходит конец вещей». Однако, уточняет он, экзистенциальное время — это еще не вечность, наступит новый эон, в котором будет стерта граница между посюсторонним и потусторонним: «Мы должны вступить и, может быть, уже вступаем во время конца, которое будет неопределенной длительности» [9, с. 494].

Нужно сказать, что фраза «...времени уже не будет» взята Н. А. Бердяевым прямо из Апокалипсиса (Откр. 10:6), но как же в таком случае можно относиться к этому духовному произведению только как к предупреждению, предполагающему альтернативные варианты течения истории? Ведь в его тексте речь идет о событиях, сопутствующих именно гибели прежнего мира, в грехе лежащего, а Ангел возвещает о будущем уже преображенного мира (кстати, богословские комментарии иногда и по-другому трактуют эту фразу, в качестве утверждения того, что людям не будет уже времени для покаяния, хотя чаще всего принимаются оба заложенные в ней смысла). У Н. А. Бердяева же дискурс идет лишь о преодолении объективации, о пробуждении

в человеке сверхсознания, но не о гибели мира вообще, которая, следует заметить, и в Апокалипсисе не утверждается, однако в нем предвозвещается кардинальное преобразование мира старого, вполне сравнимое с полным его устранением: «...се, творю всю новое» (Откр. 21:5). Философ знает об этом изречении, но понимает его как указание на творчество не только Бога, «Сидящего на престоле», но и человека, он пишет о завершении исторического христианства и его переходе к христианству эсхатологическому, творчески преображающему и просветляющему жизнь: «Эпоха конца есть не только эпоха разрушения, но также и эпоха богочеловеческого творчества новой жизни и нового мира» [9, с. 497—498]. Историческая церковь, по мысли философа, являлась лишь символическим образом Церкви Духа, которая вечна и метаисторична, в новом же эоне мы, приблизившись к Царству Духа, преодолеем все противоречия и страдания, и, что важно отметить, произойдет это не только для будущего, но и для прошедшего, конец истории сомкнется с ее началом.

«Я хочу эволюции, а не апокалипсиса» (Н. А. Бердяев)

Мы видим, что представления Н. А. Бердяева об экзистенциальном времени и конце истории не поддаются четкой рационализации, а понятие духовной революции остается мистическим при всех попытках автора его прояснить. Явно заметно также уклонение мыслителя от традиционнo-христианского понимания эсхатологии, его стремление свести, пусть и частично, божественные действия к богочеловеческому творчеству, и в этом прослеживается четкая параллель с эволюционистской эсхатологией В. С. Соловьева раннего периода его творчества, выраженной им в «Чтениях о Богочеловечестве». История преодолевается, но она продолжается уже как метаистория, в которой экзистенциальное время, «вкорененное в вечности», но еще не сама вечность, сменяет время историческое. Если раньше экзистенциальное время, можно сказать, косвенно воздействовало на историю, то в метаистории оно станет определяющим, крепко связывая посюстороннее с потусторонним. Наступит (или уже наступила?) иная эпоха, но все же эпоха, в которой духовное развитие человечества будет продолжаться. Важно, что ожидаемая эпоха не является для Н. А. Бердяева чем-то совершенно новым, она проявляется уже в историческом мире, не чуждом экзистенциального времени,

проявляется именно в творческой деятельности личностей.

На одном из заседаний Братства Святой Софии, созданного русскими мыслителями в эмиграции, Н. А. Бердяев произнес речь (по поводу своего выхода из этого Братства), в которой дал афористичную характеристику своих философско-исторических стремлений: «Я хочу эволюции, а не апокалипсиса». Однако нужно отметить, что хотел он больше именно революции, только не социальной, а духовной. Пять лет пребывания в Советской России принесли мыслителю разочарование, но это было и время ожидания, что позволило ему сказать также представителям интеллектуальной эмиграции: «Я не предсказываю, а хочу: быть с теми, которые в России» [10, с. 104] (Протокол заседания Братства Св. Софии в 1925 г.). Но реальная история не желала соответствовать пророческим взглядам Н. А. Бердяева, который, конечно, мог фиксировать некоторые симптомы духовной революции, но не мог утверждать ее полномасштабного наступления, поэтому философу пришлось отодвигать временные сроки: «Но настоящее духовное возрождение в мире, — пишет он в 1934 г., — начнется, вероятно, лишь после того как будут решены элементарные насущные вопросы человеческого существования для всех людей и народов, после того как будут побеждены горькая нужда и экономическое рабство человека. Тогда лишь может обнаружиться новая и более сильная манифестация Духа Святого в мире» [5, с. 540]. Можно прийти к заключению о том, что теперь революция духовная рядопологалась им с социальной, уступая ей историческое первенство.

Однако и отодвигание исторических сроков плохо помогало Н. А. Бердяеву при концептуализации идеи духовной революции, приходилось все больше переносить понятие о ней в сферу мистики. В последний год своей жизни он пишет: «Мистикой можно называть духовный опыт, выходящий за пределы противопоставления субъекта и объекта, т. е. не подпадающий власти объективации. В этом существенная разница между мистикой и религией». В религиях духовный опыт объективирован, сфера мистики же «означает сферу предельную, выходящую за границы объективного, объективированного мира» [8, с. 825]. Следовательно, духовная революция, выводящая нас из иллюзий объективации, должна сопровождаться трансформацией всех религий в мистику: «Мир через тьму идет к новой духовности и новой мистике... И все

мучительные противоречия и раздвоения найдут свое разрешение в новой мистике, которая глубже религии и должна объединить религии» [8, с. 826]. Как указывалось ранее, В. В. Зеньковский в «Истории русской философии» характеризовал мировоззрение Н. А. Бердяева как «религиозный неоромантизм»; исходя из приведенных мыслей, относящихся к более позднему периоду его творчества, эту характеристику можно уточнить: «мистический неоромантизм». В критике исторического христианства философ зашел слишком далеко, придя к убеждению о ненужности не только его, но и всех традиционных религий для новой эпохи.

Отвергая историю и историческое время, Н. А. Бердяев исходил отнюдь не из христианских идей, а из укоренившегося в нем представления об объективации как недолжном состоянии мира. В христианстве греховность мира также является его недолжным состоянием, поэтому в перспективе оно преодолевается, но только не путем отрицания объективного мира, а посредством его преображения. Н. А. Бердяев в своем мировоззрении сильно отходит и от идеи В. С. Соловьева о «положительном всеединстве», которая, действительно, коррелирует с христианским пониманием будущего мира. В. В. Зеньковский имел все основания утверждать, что философ, экстраполируя понятие греховности на весь объективный мир, без всякого исключения, тем самым стремится к уничтожению этого мира как недолжного: «Так как "Бога нет в объективации", так как всякая объективация (= мир феноменов) подлежит разрушению через "прорывы" метаисторического начала в историю, то, собственно, весь смысл творческой активности сводится к "мессианской страсти", к ускорению "конца"... Так и в своей историософии Бердяев *отходит от действительности*, жаждет ее разрушения — и этим создает для себя и здесь безысходный тупик. Творчество неизбежно ведет к объективации, хотя оно же назначено ее разрушить...» [14, с. 361].

Нехристианский характер эсхатологии Н. А. Бердяева заключается не в простом утверждении установления тысячелетнего Царства Христа (хилиазм), а в стремлении придать содержательность этому утверждению, в трактовке Царства как эпохи Третьего Завета. По сути, наступление эпохи Святого Духа и есть эсхатон Н. А. Бердяева, о дальнейшем развитии событий, пусть даже и метаисторическом, он не пишет, в связи с чем возникает большое искушение рассмотреть его хилиастический идеал как

трансформированный идеал коммунистического будущего, усвоенный им когда-то при увлечении марксизмом. Произошла, конечно, существенная модификация прежних марксистских стереотипов о цели и представлений о главном средстве ее достижения, однако марксистский революционизм и принципиальное нежелание (или невозможность?) описания по существу будущего общества остались. Но не только марксистское прошлое сказало на хилиазме Н. А. Бердяева, очевидна его преемственность через шеллингианство и немецкий мистицизм со средневековыми, действительно сектантским учением Иоахима Флорского. Ф. Шеллинг четко характеризует установку, свойственную всей этой исторической линии хилиазма как учения, расходящегося с традиционно-церковным: «Можно сказать, что эпоха до творения в особом смысле является временем Отца, так как бытие находится только в его руке, нынешнее время — это преимущественно эпоха Сына... Третья эпоха, которая во время всего творения является *грядущей* и в которой все должно завершиться, есть время Духа» [20, с. 81—82]. Сам Н. А. Бердяев ясно осознавал свою связь с этой линией, однако не воспринимал ее в качестве ересеологической. Напротив, он даже полагал, что в ожидании новой эпохи для христианства, пусть и не всегда открытым, более всего отражалась русская идея [3, с. 687], что русским ближе, чем ожидания антихриста, «пророчества Иоахима из Флориды о новой эпохе Св. Духа, эпохе любви, дружбы, свободы...» [3, с. 689]; даже русских революционеров, анархистов и социалистов он причислял к «бессознательным хилиастам, ждущим тысячелетнего царства [3, с. 693], что еще раз может свидетельствовать о возможности интерпретации хилиастических идей философа как трансформированных коммунистических.

Заключение

Мы видим, что совсем недаром В. В. Зеньковский возражал против характеристики философии Н. А. Бердяева как православной, хотя при этом он не отрицал глубокой связи мыслителя с Православием, однако справедливо считал, что: «...впитав в себя отдельные черты Православия, Бердяев не находил для себя нужным считаться с традицией Церкви... Дух свободы, который его воодушевлял, толкал его к анархизму в идейной сфере; моральный пафос, искренний и глубокий, вырождался в “этику творчества”, равнодушие к реальной

действительности, персонализм постепенно превращался в солипсизм...». Причину этого В. В. Зеньковский видел, прежде всего, в романтизме философа, в его готовности «отбрасывать» действительность как трудно выносимую «обыденщину» [3, с. 364].

Отказ Н. А. Бердяева от разработки онтологии объясним именно этим неприятием объективного мира, стремлением скрыться от него в «духовной реальности». Несмотря на то, что концепт креационизма в целом принимался философом, неверный с точки зрения христианства ракурс рассмотрения проблемы грехопадения привел его к выводам о возможности восстановления искаженного, но при этом обратимого положения дел в объективированном мире, в результате чего, по справедливому замечанию К. М. Антонова, он закономерно приходил к идее об «историчности Абсолютного», тесно связанной с представлениями Ф. Шеллинга о «мировых эпохах»: «Перебросить мост между двумя мирами можно, полагает Бердяев, только признав в онтологии наряду с монистическим моментом также и момент дуалистический, наряду со статическим пониманием Абсолютного — динамическое. Только так можно “смысл и судьбу множественности”, трагедию мира и человека постичь “в связи с судьбой самого Абсолютного”» [1, с. 581]. Но включение Бога в историю (или метаисторию, в представлениях философа представляющую собой другой уровень истории, логически с нею все же связанный) есть не что иное, как возврат к пантеизму (пусть и не статическому, а динамическому, в облике панентеизма), утверждающему постепенное обожествление человека и мира по сущности, возврат, приводящий к необходимости интерпретаций эволюционистских схем развития, что мы и видим в творчестве Н. А. Бердяева.

По верному замечанию В. В. Зеньковского, «в системе динамического пантеизма признается некоторое различие Бога и мира, но это различие развито здесь недостаточно» [13, с. 43], сущностная божественность мира, хотя «ослабленная и уменьшенная», в нем, тем не менее, остается. Недостаточно признавать идею творения мира Богом, следует проводить и дальнейшее сущностное разделение земного бытия и «инобытия», вплоть до момента эсхатона включительно. Эсхатология Н. А. Бердяева этому требованию не соответствовала, оставаясь «слишком человеческой» (Ф. Ницше), и способствовал этому не ее «активный» (динамический) характер, а экстраполяция активности «инобытия» в историю (метаисторию) нашего мира без

надлежащего учета его сущностной «инаковости», нетварности. Вследствие вышеизложенного мировоззренческую систему Н. А. Бердяева в целом мы не можем отнести к парадигме религиозного трансцендентизма, в ней сохранялись определенные черты религиозного имманентизма, кладущего «роковую печать» на его религиозный мир [14, с. 360].

1. Антонов, К. М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX — XX веков / К. М. Антонов : в 2-х ч. Ч. 1. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2020. — 608 с.

2. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. — М. : АСТ : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 478 с.

3. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Русская идея: сборник трудов. — М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2005. — С. 541—734.

4. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев // Судьба России. Самопознание: сборник трудов. — Ростов н/Д. : Феникс, 1997. — С. 308-539.

5. Бердяев, Н. А. Судьба человека в современном мире / Н. А. Бердяев // Русская идея: сборник трудов. — М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2005. — С. 479—540.

6. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 349 с.

7. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. — М. : АСТ, 2004. — 333 с.

8. Бердяев, Н. А. Царство Духа, царство кесаря / Н. А. Бердяев // Русская идея: сборник трудов. — М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2005. — С. 735—826.

9. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // Диалектика божественного и человеческого: Сочинения. — М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2003. — С. 341—500.

10. Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923 — 1939 / Сост. Н. А. Струве. — М. : Русский путь; Париж : YMCA-Press, 2000. — 336 с.

11. Воронцова, И. В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века / И. В. Воронцова : Монография. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. — 424 с.

12. Гулыга, А. В. Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. — М. : Эксмо, 2003. — 448 с.

13. Зеньковский, В. В., прот. Аполлетика / В. В. Зеньковский. — М. : Грааль, 2001. — 248 с.

14. Зеньковский, В. В. История русской философии : 2 т. Т. 2. / В. В. Зеньковский.— Ростов н/Д. : Феникс, 1999. — 544 с.

15. Зеньковский, В. В. Основы христианской философии / В. В. Зеньковский. — М. : Канон+, 1997. — 560 с.

16. Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. — М. : Республика, 1997. — 368 с.

17. Зеньковский, В. В. Собрание сочинений : в 2 т. / В. В. Зеньковский. — М. : Русский путь, 2008. — 448 с.; 528 с.

18. Мотрошилова, Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов) / Н. В. Мотрошилова. — М. : Республика, Культурная революция, 2007. — 477 с.

19. Нижников, С. А., Гребешев И. В. Генезис и развитие метафизической мысли в России / С. А. Нижников, И. В. Гребешев : Монография. — М. : Руниверс, 2016. — 504 с.

20. Шеллинг, Ф. Философия откровения / Ф. Шеллинг. В 2-х тт. Т. 2. — СПб. : Наука, 2002. — 480 с.

References

1. Antonov K. M. (2020) «Kak vozmozhna religija?»: Filosofija religii i filosofskie problemy bogoslovija v russkoj religioznoj mysli XIX — XX vekov [“How is Religion Possible?”: Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19th—20th Centuries]: Vol. 1. Moscow, Izd-vo PSTGU, 608 p. [in Rus].

2. Berdjaev N. A. (2006) O naznachenii cheloveka [About the appointment of a person]. Moscow, AST: AST MOSKVA: HRANITEL”, 478 p. [in Rus].

3. Berdjaev N. A. (2005) Russkaja ideja [Russian idea] // in Russkaja ideja: sbornik trudov. Moscow, Jeksmo; St. Petersburg, Midgard, pp. 541-734 [in Rus].

4. Berdjaev N. A. (1997) Samopoznanie [Self-knowledge] // Sud’ba Rossii. Samopoznanie: sbornik trudov. Rostov-on-Don, Feniks, pp. 308-539 [in Rus].

5. Berdjaev N. A. (2005) Sud’ba cheloveka v sovremennom mire [The fate of man in the modern world] // Russkaja ideja: sbornik trudov. Moscow, Jeksmo; St. Petersburg, Midgard, pp. 479-540. [in Rus].

6. Berdjaev N. A. (2006) Filosofija neravenstva [Philosophy of inequality]. Moscow, AST: AST MOSKVA: HRANITEL”, 349 p. [in Rus].

7. Berdjaev N. A. (2004) Filosofija svobody [Philosophy of freedom]. Moscow, AST, 333 p. [in Rus].

8. Berdjaev N. A. (2005) Carstvo Duha, carstvo kesarja [The kingdom of the Spirit, the kingdom of Caesar] // Russkaja ideja: sbornik trudov. Moscow, Jeksmo; St. Petersburg, Midgard, pp. 735-826 [in Rus].
9. Berdjaev N. A. (2003) Jekzistencial'naja dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Existential Dialectics of the Divine and the Human] // Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo: Sochinenija. Moscow, AST; Kharkov, Folio, pp. 341-500 [in Rus].
10. Bratstvo Svjatoj Sofii: Materialy i dokumenty. 1923 — 1939 (2000) [Brotherhood of Hagia Sophia: Materials and Documents. 1923 — 1939] / Sost. N. A. Struve. Moscow, Russkij put'; Paris, YMCA-Press, 336 p. [in Rus].
11. Voroncova I. V. (2008) Russkaja religiozno-filosofskaja mys' v nachale XX veka [Russian religious and philosophical thought at the beginning of the 20th century]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 424 p. [in Rus].
12. Gulyga A. V. (2003) Russkaja ideja i ee tvorcy [Russian idea and its creators]. Moscow, Jeksmo, 448 p. [in Rus].
13. Zen'kovskij V. V., prot. (2001) Apologetika [Apologetics]. Moscow, Graal', 248 p. [in Rus].
14. Zen'kovskij V. V. (1999) Istorija ruskoj filosofii [History of Russian philosophy]. Vol. 2. Rostov-on-Don, Feniks, 544 p. [in Rus].
15. Zen'kovskij V. V. (1997) Osnovy hristianskoj filosofii [Fundamentals of Christian Philosophy]. Moscow, Kanon+, 560 p. [in Rus].
16. Zen'kovskij V. V. (1997) Russkie mysliteli i Evropa [Russian thinkers and Europe]. Moscow, Respublika, 368 p. [in Rus].
17. Zen'kovskij V. V. (2008) Sobranie sochinenij v 2-h tt. [Collected works in 2 vols.]. Moscow, Russkij put', 448 p.; 528 p. [in Rus].
18. Motroshilova N. V. (2007) Mysliteli Rossii i filosofija Zapada (V. Solov'ev. N. Berdjaev. S. Frank. L. Shestov) [Thinkers of Russia and the Philosophy of the West (V. Solovyov. N. Berdyaev. S. Frank. L. Shestov)]. Moscow, Respublika, Kul'turnaja revoljucija, 477 p. [in Rus].
19. Nizhnikov S. A., Grebeshev I. V. (2016) Genezis i razvitie metafizicheskoj mysli v Rossii [Genesis and development of metaphysical thought in Russia]. Moscow, Runivers, 504 p. [in Rus].
20. Shelling F. (2002) Filosofija otkrovenija [Philosophy of revelation]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

Статья поступила в редакцию 21.01.2023

For citing: Nizhnikov, S. A. The “fatal seal” of religious immanentism: V. V. Zenkovsky’s evaluation of N. A. Berdyaev’s eschatological ideas / S. A. Nizhnikov, A. A. Romanenko // *Socium i vlast’ [Society and Power]*. — 2023. — № 1 (95). — P. 117–126. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-117-126. — EDN AKTLEG

UDC 141.201

EDN AKTLEG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-117-126

THE “FATAL SEAL” OF RELIGIOUS IMMANENTISM: V. V. ZENKOVSKY’S EVALUATION OF N. A. BERDYAEV’S ESCHATOLOGICAL IDEAS

Sergey A. Nizhnikov,

Peoples’ Friendship University of Russia,
Professor of the Department of History
of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-3456-2445
E-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru

Anastasia A. Romanenko,

Peoples’ Friendship University of Russia,
Degree-seeking Student of the Department
of History of Philosophy,
Moscow, Russia.
E-mail: dior11111@mail.ru

Abstract

Introduction. N. A. Berdyaev’s many-sided philosophical interests and his indefatigability in creative activity contributed to the development of an original worldview system, in which eschatological ideas were the basic part. The authors consider the assessment of these ideas by the outstanding historian of Russian philosophy V.V. A. Berdyaev, the significance of which is enhanced due to the fact that it was given not only by a historian of thought, but also by the creator of his own and generally complete philosophical system, based, like the philosophy of N. A. Berdyaev, on the ideological foundation of Orthodoxy.

The purpose of the study. The authors attempt to identify the causes and motives for the discrepancy between N. A. Berdyaev’s eschatological ideas and the traditional Christian understanding of the “end of history”, which V. V. Zenkovsky strictly adhered to.

Methods. As a general philosophical methodology, the authors use a personalistic approach, which was followed by both N. A. Berdyaev and V. V. Zenkovsky. The main premise of this approach is to affirm the free-creative activity of a person who, following his inner impulses is capable of changing the surrounding reality, both social and natural. The study also uses general scientific methods — analysis, synthesis, comparison, generalization.

Scientific novelty of the research. The authors’ conclusions regarding the fact that N. A. Berdyaev did not overcome the evolutionist historiosophical paradigm, which has retained its significance in Russian metaphysics since the publication of the early works of V. S. Solovyov, the founder of this direction, have scientific novelty.

Results. The eschatology of N. A. Berdyaev should be considered transitional from immanent (evolutionary) to transcendent, since elements of pantheism were preserved in it. V. V. Zenkovsky drew attention to this, noting that the entire religious world of N. A. Berdyaev bears the “fatal seal” of religious immanentism. Due to the inconsistency of his beliefs with the general worldview of Christian transcendentalism, which never essentially brought the Creator and creation closer together, V.V. Zenkovsky avoided assessing N.A. Berdyaev as an Orthodox philosopher.

Keywords:

immanentism,
transcendentalism,
eschatology,
Russian metaphysics,
pantheism,
personalism,
liberty,
N. A. Berdyaev,
V. V. Zenkovsky

Для цитирования: Гордеев, С. С. Критический анализ сценариев экономического кризиса / С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 127—135. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-127-135. — EDN SHKBAJ.

УДК 332.12

EDN SHKBAJ

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-127-135

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЦЕНАРИЕВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заведующий лабораторией моделей пространственного развития, кандидат экономических наук. Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, главный редактор журнала «Социум и Власть», доктор политических наук, профессор. Челябинск, Россия.
E-mail: ziryarov-sg@ranepa.ru

Аннотация

В связи с двадцатилетием журнала «Социум и Власть» в День российской науки в Челябинском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации был проведен «круглый стол» по обсуждению актуальных вопросов кризисной динамики и рисков в условиях новых глобальных вызовов. Ниже представлены основные материалы доклада по результатам серии междисциплинарных исследований на примере Челябинской области. В докладе рассмотрены вопросы экономической динамики кризисных процессов, анализа изменчивости трендов, оценки суммарных доходов организаций и физических лиц, классификации сценариев развития, визуализации траекторий при анализе «картины перемен». Вопросы оценки рисков и перспективных сценариев развития связаны с рассмотрением и влиянием на него условий длительной нестабильности.

Ключевые слова:
экономический кризис, динамика роста, сценарии развития, финансовые оценки, анализ трендов, нестабильность

Введение

Для любой сложной социально-экономической системы каждый кризис как период переходного состояния (от древнегреческого κρίσις — поворотный пункт) по-своему уникален. Масштабность перемен, непосредственно меняющих состояние экономики и благосостояние социума, позволяет говорить о неизбежности некоторого периода кризисной «турбулентности». отождествление кризиса и следующей за ним депрессии по примеру великой депрессии 30-х годов прошлого века в общем случае некорректно. Исследование различных вариаций экономических и финансовых кризисов имеет более чем вековую историю. Однако различия между всеми кризисами весьма существенны [7].

На траектории процесса развития кризис выступает *малым временным интервалом или вообще точкой смены динамики*. В этот период весьма вероятно появление *непредсказуемых событий, так называемых «черных лебедей»* [10; 15]. Подобное обстоятельство существенно затрудняет корректную и объективную оценку происходящих изменений, а также точное определение наиболее вероятных кризисных сценариев и их последствий.

В условиях резких перемен также начинает играть особую роль давно известная проблема «лукавой цифры» — факт неполного отражения или искажения текущей ситуации в данных статистики [9; 11]. В условиях множества кризисных изменений основополагающее требование сравнения оценок — «при прочих равных условиях» — практически недостижимо.

Еще одно обстоятельство — многообразие вероятных изменений трендов *делает проблему анализа и оценки динамики процессов в любой конкретный кризисный период специфичной, требующей своего индивидуального рассмотрения*. Далее добавляются условия постепенной трансформации институциональной и информационной среды. Все это делает построение универсальных моделей кризисной динамики весьма проблематичным.

Для сложных региональных социально-экономических систем рассмотрение вопросов *идентификации и оценки кризисной динамики* в условиях «дефицита» достоверной информации неизбежно связано с обновлением и адаптацией ряда междисциплинарных положений методологии анализа. Челябинская область, динамика которой рассматривается в докладе, уже не раз выступала наглядным «индикатором» более общих, но до поры до времени менее выраженных общероссийских проблем.

Основные положения исследования по идентификации кризисной динамики

Специфика изучения кризисных перемен во многом определяет требования по *адаптации к реальности* и обновлению инструментария анализа. Все рассматриваемые далее положения определены по результатам серии исследований *кризисных аномалий в социально-экономической динамике двух последних десятилетий*.

1. Резкий рост — «всплеск» инфляции — выступает первым наиболее чувствительным маркером обострения социально-экономических противоречий и появления признаков кризисных социально-экономической последствий. Отклонение от стабильного условно-оптимального уровня инфляции становится исходным маркером снижения эффективности экономики и затем проявления различных вариантов кризисной динамики, отражаемых в ряде других показателей.

2. Аномальная динамика, то есть спад трендов роста финансово-экономических показателей эффективности, выступает следующим чувствительным «маркером» кризисных процессов. Для бизнеса самое очевидное — это смена трендов динамики прибыли организаций, для социума — это смена трендов динамики доходов физических лиц.

3. При ограниченности, а также «запоздании» появления статистической информации в условиях нестабильности и снижения репрезентативности данных более корректные оценки текущей ситуации формируются не на основе общепринятой статистической, а финансово-бухгалтерской информации, отражаемой в налоговой отчетности (см. результаты авторских исследований оценок кризисной динамики [2]). Далее в докладе рассматривается суммарная денежная масса доходов как организаций, так и физических лиц (см. показатели поступлений от налога на прибыль и доходов физ. лиц — НДФЛ по данным федерального казначейства)

4. Наиболее общая и распространенная, базовая классификация предполагает два сценария кризисной динамики. Эти сценарии различаются по характеру процессов начала завершения кризиса, и, соответственно, по длительности его течения. Первый классический тип «V» — краткосрочный кризис — «спад — рост» («резкий и глубокий» макроэкономический — финансовый сбой с быстрым восстановлением), второй тип «L» — кризисный быстрый спад с медленным восстановлением, то есть долгосрочными структурными преобразованиями в экономике — структурный кризис с длительным обновлением всей финансово-экономической сферы (специфика подобных кризисных сценариев по результатам авторских исследований предшествующего кризиса в 2016 году более подробно представлена в публикациях [3; 12]).

5. Сравнительная характеристика конкретных сценариев кризисной динамики связана с анализом и оценкой общности и изменчивости траекторий

этой динамики, выявлением и идентификацией смены трендов в «малые периоды» на фоне общих многолетних трендов.

6. Анализ кризисной финансово-экономической динамики на соответствие тем или иным сценариям предполагает также детальное рассмотрение аномальных элементов траектории. Среди них резкие «провалы» нетипичного роста-спада для показателей прибыли бизнеса и более умеренные тренды «замедления» для показателей доходов физических лиц (социума). Важное значение имеют характеристики последующего «выравнивания» трендов в завершении кризиса.

7. Челябинская область как крупная индустриальная территория с явно выраженными признаками моноэкономики и в связи с этим высокой кризисной волатильности является «чувствительным» регионом индикатором общих перемен.

8. Для анализа финансово-экономической динамики Челябинской области рассматриваются репрезентативные длинные временные ряды. В докладе рассмотрены фактические данные за период 2005—2022 годов и даны оценки на 2023 год. Последние определены исходя из уровня фактического поступления налогов на конец 2022 года.

9. Основные результаты анализа, отражающие сложную «картину кризисных перемен», представлены в формате визуализации траекторий социально-экономической динамики (обобщая технологии визуализации региональной динамики [13]). Общий вид результатов анализа динамики: инфляции, налога на прибыль, налога на доходы физических лиц представлены в графическом виде на рисунках-диаграммах с пояснениями.

Основные результаты анализа региональной кризисной динамики

Обзор основных результатов визуализации траекторий динамики 2005—2023 годов показал следующее.

- «Пики» на фоне тренда инфляции однозначно указывает на три временных интервала (кризисных этапов развития) кризисной динамики (рис. 1)¹. Начало таких кризисных аномалий, отмеченное «взлетом» инфляции, приходится соответствен-

¹ См.: Банк России. Ключевая ставка Банка России и инфляция. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/infl.

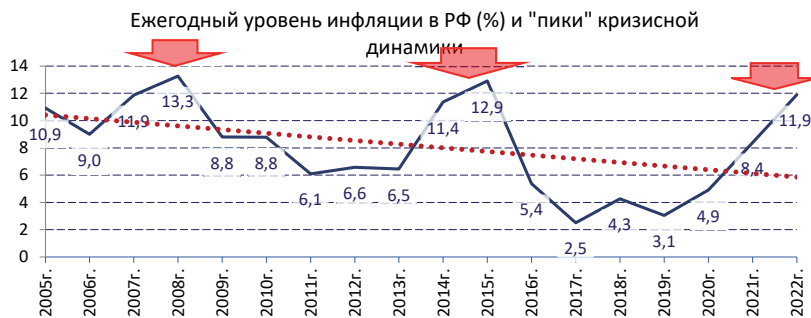

Рис. 1. Отражение «пиков» периодов кризисной динамики на фоне тренда инфляции

но на 2008 г., 2014 г., 2022 г. Характер и причины, обусловившие кризисные процессы в эти годы, кардинально различаются. Ключевые причины: в первом случае относятся к последствиям глобального финансового кризиса, во втором случае — к многолетнему «накоплению» проблем потери эффективности при искусственном сдерживании, а затем «обвале» курса рубля, в третьем случае — к появлению санкционных ограничений доступа на внешние рынки.

- Различия отклонений — «провалов» на траектории доходов бизнеса однозначно указывают на существенные экономические различия, проявившиеся в характере перемен в отмеченные три периода кризисной динамики (рис. 2)¹.
- Менее явные и сглаженные изменения доходов социума в виде умеренных «колебаний траекторий» по направленности трендов также заметно различаются в три периода кризисной динамики из-за разли-

чий антикризисной социально-экономической политики (рис. 3).

- Детализация и сопоставление более заметных «скачков» доходов бизнеса и «колебаний траекторий» доходов социума позволяют предложить классификацию и дополнительные характеристики выделенных трех периодов кризисной динамики (рис. 4). В дополнение к траектории на рисунке выделены: «зоны снижения динамики» (прямоугольник зон дает двумерную характеристику периодов низкой динамики — как по продолжительности, так и по масштабности изменений). Линии «временных отметок» (выделены пунктиром) указывают на экстремальные кризисные точки смены трендов на траектории.

Обзор специфики кризисной динамики

Из отмеченных предшествующих кризисных «переломных» моментов первый (с 2008 г.) относится преимущественно к типу «V» (с быстрым, хотя и не полным восстановлением в течение года), второй (с 2014 г.) — к типу «L» (с менее явными границами: спада для бизнеса с минимумом 2014 года и более длительным «выравниванием» трендов дохода социума до 2017 года), а третий (с 2022 г.) — к сложному комбинированному типу «V → L» (далее «VL»).

¹ Здесь и далее данные о налоговых поступлениях — информация официального сайта Федерального казначейства: Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov>.

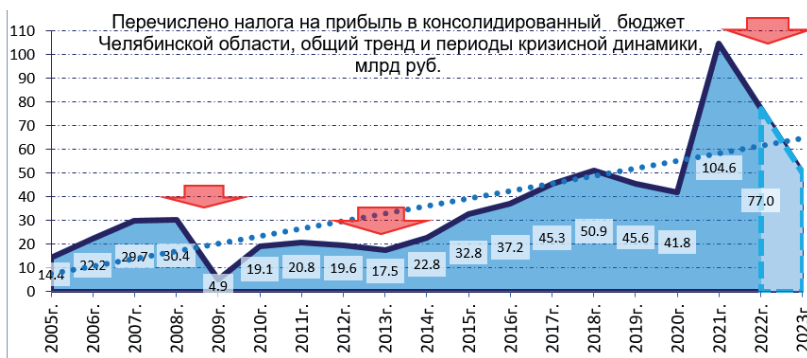

Рис. 2. Расположение отмеченных периодов кризисной динамики (спада доходов бизнеса)

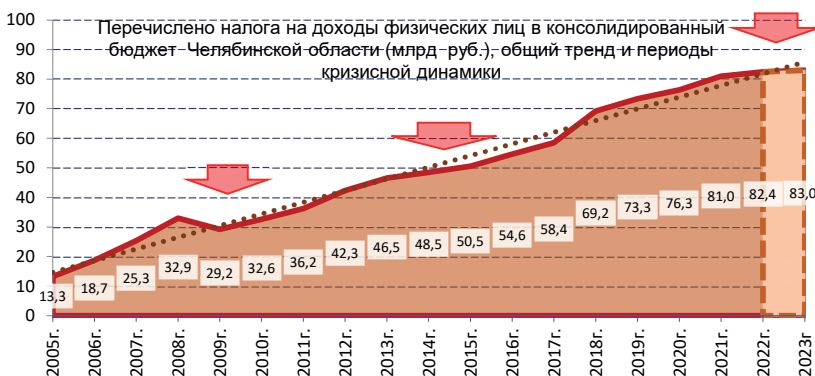

Рис. 3. Расположение отмеченных периодов кризисной динамики (колебаний доходов социума)

В последнем случае отчетливо заметна сложная составная траектория кризисной динамики типа «V» (начальный этап динамики — резкий спад — «провал» из-за внешних причин), переходящей в тип «L», при структурной трансформации экономики и «турбулентности» многих экономических процессов. Здесь весьма высокая степень непредсказуемости и длительность последствий с возникновением множеством угроз. Особенности этого периода еще не проявились полностью и требуют отдельного дальнейшего рассмотрения.

Контуры «зон снижения динамики» (рис. 4) и их расположение относительно точек смены трендов на траекториях доходов бизнеса и социума 2009 года и 2013 года существенно различаются. В первом случае для бизнеса и социума траекторий во многом симметричное «V» — «спад — восстановление». Во втором случае наблюдается постепенная «размытая» на годы «L» стагнация доходов бизнеса и затем уже социума. Выход на динамику сбалансированного роста тут наметился только по прошествии 3—4 лет. Специфика «зоны снижения динамики» 2022 года (при ее существенно большей масштабности) отражает только начало, то есть пока промежуточное состояние кризисных процессов до выхода на посткризисную динамику сбалансированного роста.

Социально-экономическая ситуация в течение 2022 года в Челябинской области отличается крайней изменчивостью. Невиданный прежде «взлет» доходов бизнеса 2021 года (связанный с активизацией глобальных рынков в по окончании спада коронакризиса 2019—2020 годов) быстро в условиях санкционных ограничений сменился резким кризисным, «обвалом» доходов.

Предшествующий «взлет» во многом «смягчил» глубину падения доходов к 2023 году. Однако сохранение внешних ограничений не позволяет рассчитывать на быстрый восстановительный рост. В данном случае после резкого спада, «провала», характерного для сценария «V», даже временный восстановительный рост крайне ограничен. Далее неизбежна структурная трансформация экономики и логистики. Подобные изменения предопределяют неизбежность сценария «L» — длительной перестройки структуры экономики к восстановлению роста.

Как видно на рис. 4, «зона снижения траектории прибыли» с 2022 года (с масштабами спада сопоставимыми с «обвалом» 2009 года) выглядит заметно более проблемной, нежели предшествующая со спадом до 2014 года. «Зона снижения траектории доходов социума» 2022 года, уже переходящая на 2023 год и, вероятно, далее, при очень незначительном росте выглядит заметно критичнее, нежели предшествующая с началом в 2014 году и продолжительностью 3—4 года.

В реальности мы получаем составной, гибридный, «трансформирующийся» сценарий — «VL» с долгосрочными последствиями структурного кризиса. Причем отдельные отраслевые составляющие общей траектории могут существенно различаться, а временной прогноз восстановления по сценарию «L» крайне затруднителен. При ограниченности рынка инвестиций продолжительность периода «выравнивания» трендов

«L» в сравнении с прежде наблюдаемым (с 2014 по 2017 год) может увеличиться кратно и требует отдельного рассмотрения. Процесс адаптации множества субъектов к новым условиям при нестабильности функционирования неизбежно «растягивается» во времени.

Динамика и риски в условиях кризисной нестабильности

Более чем масштабные изменения гибридного «трансформирующегося» сценария «VL» ставят ряд принципиальных методологических вопросов эффективности управления в условиях кризисной нестабильности.

Отмеченное «резкие» изменения финансовой динамики 2022—2023 годов еще не отражают последствия «растянутых» во времени уже существующих кризисных санкционных вызовов. Поэтому общий вид «картины» кризисной динамики 2022—2023 годов, представленной и на рис. 4, отражает только начальную кризисную реакцию — «резкую» по своему проявлению кризисную динамику. Далее неизбежна соответствующая пролонгация структурных трансформаций в экономике.

Прежние многолетние выверенные производственно-логистические цепочки с высокой вероятностью будут постепенно перестраиваться и оптимизироваться по мере смены условий. Дальнейшая более «пологая» часть около горизонтальной динамики «L» для имеющих аналогов структурных преобразований экономики пока неизбежно выпадает из прогноза перспектив течения кризиса.

В условиях существенной «турбулентности» нестабильность (при доминирующих вероятностных закономерностях) может подпитываться появлением множества «черных лебедей», что делает очевидной неэффективность классической методологии социально-экономического кризисного управления «спокойных времен», построенных на линейном детерминизме «жестких» однозначных закономерностей и решений. Нестабильности системы способствуют: колебания социально-экономических процессов, их нелинейность, происходящая в нестандартных условиях, а также необратимость некоторых из начавших действовать трендов (реакция на экономические санкции). Использование положительной обратной связи рыночных механизмов «с быстрой реакцией» предопределяет стохастическое поведение системы. Далее неизбежны изменения рисков как точки зрения вероятности их появления (одни из них становятся менее вероятными, другие более), так и с точки зрения их количественной меры (размеров возникающих убытков — прибылей и др.).

Масштабность резких «скачков» в условиях высокой неопределенности будущего с множеством непредсказуемых событий — в виде «черных лебедей» при «лукавости цифр» текущей статистики и очевидном недостатке информации заставляет детально рассмотреть проблему рисков трансформации сложных систем. К тому же специфичных прежде не рассматриваемых кризисных рисков появляется более чем достаточно.

Классификация сценариев кризисной динамики в аспекте доходов бизнеса и социума:
по анализу траекторий поступлений налогов (на прибыль и на доходы физических лиц) в
консолидированный бюджет Челябинской области, млрд руб.

«V» - «провал» в динамике доходов бизнеса и социума с частичным восстановлением, последующее замедление роста

«L» - умеренный спад и затем ускорение роста доходов бизнеса с замедлением роста доходов социума

«V-->L» - «провал» в динамике доходов бизнеса без восстановления в прежней отраслевой структуре, замедление роста доходов социума

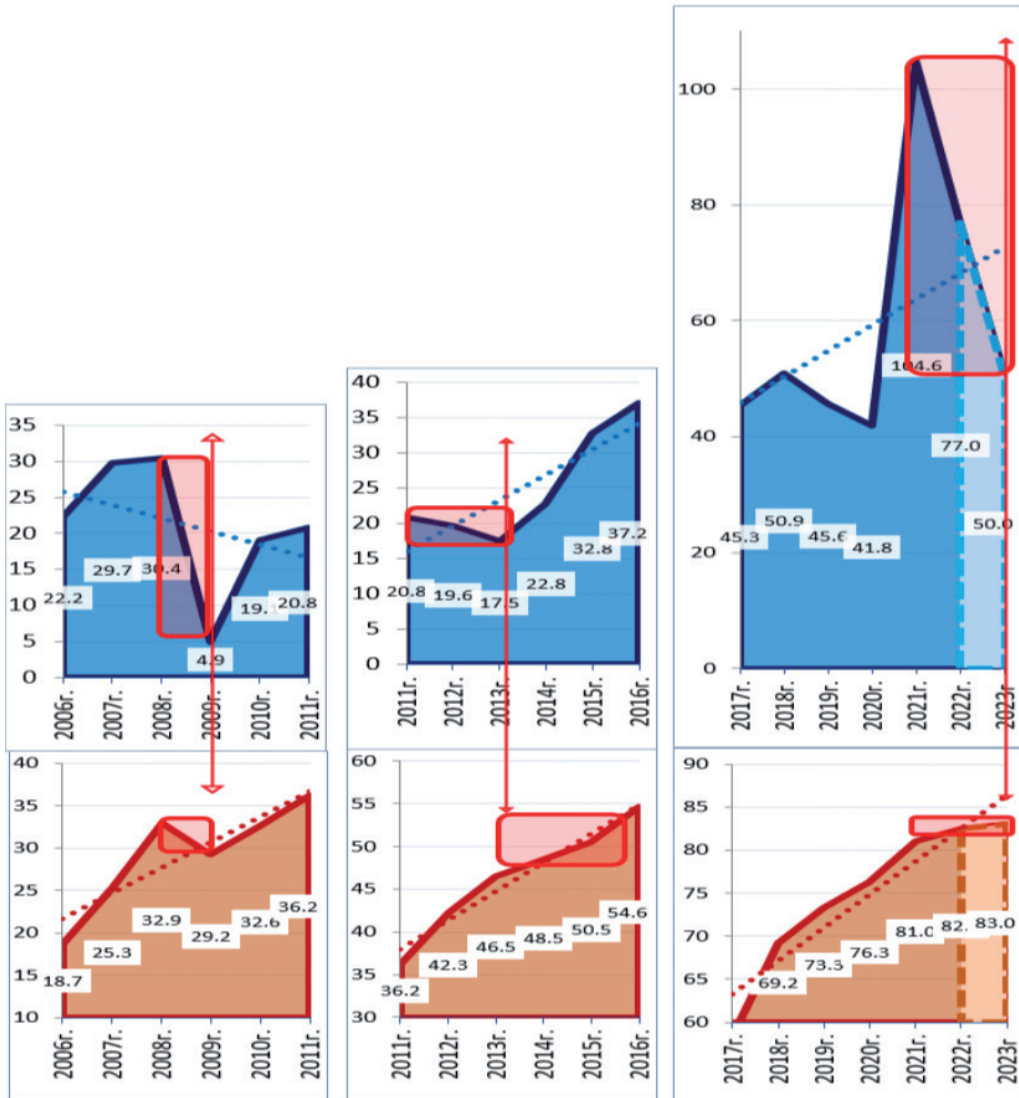

Рис. 4. Детализация траекторий роста — спада доходов бизнеса и социума трех периодов кризисной динамики — визуализация:

- Отражение масштабности перемен — контуры «зон снижения динамики» на траекториях.
- Расположение экстремальных кризисных точек на соответствующих «линиях временных отметок»

Среди них уже очевидные и требующие внимания риски «просадки» российской экономики¹ (из-за транспортных ограничений, недостатка ликвидности и др.) или превращение нынешней экономики в экономику «вчерашнего дня». И этим список далеко не исчерпывается.

Характеристики группы «новых» рисков обычно определены весьма приблизительно. Кризисная изменчивость и уникальность, «размытость и пластичность» реальности не позволяют дать оценки и прогноз рисков с использованием имеющихся фундаментальных исследований из практики менеджмента по классификации и построению моделей [6].

В рассматриваемых условиях «кризисной новизны» и недостатка информации риски как минимум требуют оценочных исследований в двух аспектах. Первый — с точки зрения *вероятности возникновения неблагоприятных событий* (см. др.-греч. *πίσικόν* «опасность»), второй — с точки зрения *масштабности проявления негативных последствий* (от лат. *rescō* «отсекать; сокращать»). Такой подход означает, что в управленческой практике, как правило, рассматриваются только наиболее очевидные риски достаточно вероятных событий, причем способных нанести существенный ущерб (убыток).

Описания подобных условий нестабильности связаны с далекими от обычной управленческой практики исследованиями функционирования динамических неравновесных систем. Хотя идея нестабильности развития мира не нова, концепция «философии нестабильности» с точки зрения управления *сферой реальности* во многом связана с именем Нобелевского лауреата И. Пригожина. В этих исследованиях затрагивались процессы самоорганизации и нелинейности развития сложных систем, обоснование расширения роли нестабильности — принципиальной непредсказуемости поведения сложных систем [8; 14]. Ряд его междисциплинарных исследований, посвященных изучению характеристик сложных систем сферы естественных наук, относился им к сфере общественных наук.

Среди во многом даже мировоззренческих положений «философии нестабильности» И. Пригожина с точки зрения прогнозирования и анализа рисков структурных кризисных трансформаций следует обратить внимание на ряд особенностей поведения сложных систем.

- Детерминизм состояния системы возможен только в пределах определенной области (аналогия фазового пространства).
- Предлагается не единственность (множественность) путей трансформации системы.
- Наличие области нескольких (ограниченного числа) вариантов состояния системы (разной степени вероятности).
- Состояние равновесия системы в режиме устойчивых колебаний.
- Состояние бифуркации (при изменении параметра системы до некоторого критического значения) с разделением ее даль-

нейшего решения на несколько ветвей эволюции.

В подобных условиях продолжительной нестабильности в качестве гипотезы нельзя исключать усложнение рассматриваемого гибридного «трансформирующегося» сценария до более сложной формы, где составляющая «L» (структурного кризиса с постепенным восстановительным ростом) будет заменена на комбинированную — «WJ» (*кризисной нестабильности и отложенного роста*). В данном сценарии составляющая «W» (малое) отражает продолжительный этап кризисной нестабильности отражаемы (с динамикой колебаний в пределах некоторого «коридора» фазового пространства), а составляющая «J» отражает отложенный восстановительный рост по достижению некоторой точки равновесия. Общая классификация сценария кризисной динамики в таком случае будет «VWJ».

С учетом отмеченных положений и возможных сценариев оценка и прогнозирование (в том числе и рисков) кризисных траекторий связаны с *поиском и обеспечением динамического равновесия, с анализом возможностей положительных обратных связей рыночных механизмов*. Использование традиционных методов анализа и прогнозирования, начиная с обработки длинных временных рядов, в данном случае вряд ли перспективно.

Фактически прогнозирование и поиск перспективных «равновесных сценариев» выхода из кризиса и дальнейшего развития предполагает анализ распределения и взаимосвязей отдельных точек текущего состояния на траектории. Возможности традиционных математических моделей в поиске решений здесь будут ограничены, а доля эвристики велика.

В качестве примера локальной нестабильности можно рассмотреть последствий обвального падения динамики объемов прибыли в Челябинской области в течение второго квартала 2022 года (см. рис. 5). Здесь со всей остротой проявляются проблемы поддержания динамического равновесия региональной социально-экономической системы и минимизации субъектом управления многочисленных рисков несбалансированности.

Возможные последствия

Очевидно, что не имеющая аналогов в новейшей истории кризисная динамика в условиях нестабильности и непредсказуемости существенно усложняет антикризисную социально-экономическую политику. Многие прежние «шаблонные» решения антикризисной стабилизации в подобной ситуации будут малорезультативны, а в ряде случаев даже разрушительны из-за роста несбалансированности динамики и непредсказуемости дальнейших событий. Здесь вероятны некоторые из аспектов серьезной *институциональной проблемы «эффекта колеи»* [1] — попытки пролонгации сложившихся трендов и закономерностей в стремительно меняющихся экономических реалиях (анализ последствий от «эффекта колеи» по результатам авторского исследования аномалий динамики на примере Челябинской области предстален в публикации [4; 5]).

«Шаблонное» использование консервативно-традиционных методик «спокойных времен»

¹ См. Интервью первого вице-премьера РФ А. Белоусова Российской газете «Четыре кольца блокады»: в правительстве перечислили риски для экономики России. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/04/13/14730380.shtml>.

Налог на прибыль организаций по полугодиям, перечислено млрд руб.

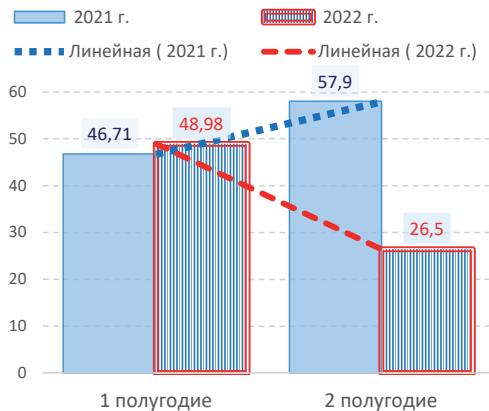

Рис. 5. Отражение резкого разворота динамики и «обвала» объемов прибыли организаций Челябинской области в течение второго квартала 2022 года как фактора нестабильности и роста рисков социально-экономической несбалансированности

в обстоятельствах нестабильности приводит к заведомо нереалистичным решениям. Пример подобного — прогноз социально-экономического развития Челябинской области на 2023 год, где в качестве базового сценария рассматривается заведомо завышенный рост (существенно выше, чем по РФ) как валового регионального продукта (+2,0 %), так и промышленного производства (+1,9 %), а также финансовых показателей¹. Существенное искажение перспектив далее многократно повышает риски социально-экономической несбалансированности, что неизбежно способствует проявлению массы негативных последствий.

Критические оценки происходящего в экономике и социуме региона диктуют необходимость радикального пересмотра траектории развития, смены ряда ключевых положений социально-экономической политики, обновления ее приоритетов и внедрения глубоких изменений на всех уровнях регуляторного управления.

1. Аузан, А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез / А. А. Аузан // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. — 2015. — № 1. — С. 3—17.

2. Гордеев, С. С. Динамика заработной платы в регионе и проблемы её измерения в условиях экономической нестабильности / С. С. Гордеев, А. Ю. Даванков, О. А. Козлова, Н. З. Шаймарданов // Экономика региона. — 2010. — № 4 (24). — С. 25—31.

3. Гордеев, С. С. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование / С. С. Гордеев,

¹ См. Гордеев С. Фантазии вместо прогноза. URL: <https://sgordeev.livejournal.com/22014.html>.

С. Г. Зырянов, О. П. Иванов, А. В. Кочеров // Социум и власть. — 2016. — № 6 (62). — С. 47-55.

4. Гордеев, С. С. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской области / С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. В. Подопригора // Социум и власть. — 2019. — № 5 (79). — С. 84—97. — DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97.

5. Гордеев, С.С., Зырянов С.Г., Подопригора А.В «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 2. Кризисная трансформация «эффекта колеи» и её последствия для Челябинской области / С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. В. Подопригора // Социум и власть. — 2020. — № 1 (81). — С. 30—43. — DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97.

6. Мадера, А. Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка / А. Г. Мадера. — М. : УРСС, 2014. — 448 с.

7. May, V. A. Экономические кризисы в Новейшей истории России / В. А. Май // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 7—19.

8. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. — 1991. — №6. — С. 46—52.

9. Селюнин, В. Лукавая цифра / В. Селюнин, Г. Ханин // Новый мир. — 1987. — № 2. — С. 181—201.

10. Талеб, Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб. — М. : Колибри, 2009. — 528 с.

11. Ханин, Г. И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя / Г. И. Ханин // Идеи и идеалы. — 2018. — Т. 1, — № 2. — С. 139-163.

12. Gordeev, S. S. The economic dynamics of Russia and its regions in the context of a structural crisis: analysis and forecasting / S. S. Gordeev, S. G. Zyryanov, O. P. Ivanov, A. V. Kocherov // Социум и власть. — 2016. — № 6 (62). — С. 39-46.

13. Gordeev, S. Visualization of the regional migration dynamic and change of models of sustainable development / S. Gordeev // E3S Web of Conferences 258, 05011 (2021) Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region” (UESF-2021). — DOI: 10.1051/e3sconf/202125805011

14. Prigogine, I. Order Out of Chaos / I. Prigogine, I. Stengers. — New York : W.H. Freeman & Co., 1983.

15. Taleb, N. N. Black Swan and Domains of Statistics / N. N. Taleb // American Statistician. — 2007. — Vol. 61, — No. 3, — Pp. 198—200.

References

1. Auzan A. A. (2015) Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika, no. 1 [in Rus].

2. Gordeev S.S., Davankov A.Ju., Kozlova O.A., Shajmardanov N.Z. (2010) Jekonomika regiona, no. 4 (24), pp. 25—31 [in Rus]

3. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2016) Socium i vlast', no. 6 (62), pp. 47—55 [in Rus].

4. Gordeyev S.S., Zyryanov S.G., Podoprigora A.V. (2019) Sotsium i vlast', no. 5 (79), pp. 84—97. [in Rus].

5. Gordeyev S.S., Zyryanov S.G., Podoprigora A.V. (2020) Sotsium i vlast', no. 1 (81), pp. 30—43. [in Rus].

6. Madera A. G. (2014) Riski I shansy neopredelennost prognozirovanie I ozenka.M. URSS. 448 p. . [in Rus].
7. Mau V.S. (2015) Jekonomicheskaja politika, t. 10, no. 2, pp. 7—19 [in Rus].
8. Selyunin V., Khanin G. (1987) Novyi mir, no. 2, pp. 181—201 [in Rus]. 12.
9. Prigozhin I. (1991) Filosofija nestabilnosti // Voprosy filosofii. no. pp. 46—52. [in Rus].
10. Taleb N. (2012) Chernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. «KoLibri» [in Rus].
11. Khanin G.I.(2018) Idei i idealy, vol. 1, no. 2, pp. 139—163 [in Rus].
12. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V Gordeev S.S., (2016) Socium i vlast', no. 6 (62), pp. 39—46 [in Eng].
13. Gordeev S. (2021) E3S Web of Conferences 258, 05011 (2021) Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region" (UESF-2021). [in Eng].
14. Prigogine I., Stengers I (1983). Order Out of Chaos. New York: W.H. Freeman & Co., [in Eng].
15. Taleb N.N. (2007) The American Statistician, vol. 61, no. 3, pp. 198—200 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 09.02.2023

For citing: Gordeev, S. S. Critical analysis of scenarios of the economic crisis / S. S. Gordeev, S. G. Zyryanov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — С. 127—135. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-127-135. — EDN SHKBAJ.

UDC 332.12

EDN SHKBAJ

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-127-135

CRITICAL ANALYSIS OF SCENARIOS OF THE ECONOMIC CRISIS

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch
Head of the Laboratory of Spatial Development Models, Cand. Sc. (Economics).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch,
Editor-in-chief of the Scientific Journal "Socium i vlast'",
Doctor of Political Sciences, Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ziryryanov-sg@ranepa.ru

Abstract

In view of the twentieth anniversary of the *Socium i Vlast'* journal, on the day of the Russian science, a round table was held in the Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in order to discuss topical issues of crisis dynamics and risks in the context of new global challenges. Below the main materials of the report based on the results of interdisciplinary research series as exemplified by the Chelyabinsk region are presented.

The report discusses the following issues: the economic dynamics of crisis processes, the analysis of trends variability, the assessment of the total income of organizations and individuals, the classification of development scenarios, the visualization of trajectories when analyzing the "picture of changes". The issues of assessing the risks and prospective development scenarios are associated with the consideration and influence of the conditions of prolonged instability on it.

Keywords:

economic crisis,
growth dynamics,
development scenarios,
financial assessments,
trending analysis,
instability

Для цитирования: Нечаева, С. В. Десятилетие науки и технологий: региональная проекция / С. В. Нечаева // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 136—139. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-136-139. — EDN YZRGDS.

УДК 007

EDN YZRGDS

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-136-139

ДЕСЯТИЛЕТИЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Нечаева Светлана Владимировна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора, доцент кафедры политологии, истории и философии, кандидат исторических наук, доцент. Челябинск, Россия.
E-mail: nechava@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору основных положений Указа Президента РФ № 231 от 25 апреля 2022 г. «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» и реальной практики планирования и реализации инициатив Десятилетия науки и технологий на территории Челябинской области, на примере дайджеста мероприятий Дней Науки — 2023 на площадке Челябинского филиала РАНХиГС.

Ключевые слова:

десятилетие науки и технологий, дни науки, талантливая молодежь, доступность информации

25 апреля 2022 г. Президент РФ Владимир Путин подписал Указ № 231, в соответствии с которым 2022—2031 годы в России объявлены 10-летием науки и технологий. До конца 2022 г. были утверждены планы мероприятий Десятилетия, 25 июля Правительством РФ, а позже во всех субъектах России, в том числе и в Челябинской области.

План мероприятий Десятилетия науки и технологий в РФ на территории Челябинской области на 2022—2025 годы, утвержденный Приказом № 01/3041 от 29 декабря 2022 г.¹, предусматривает реализацию 18 инициатив (тематических социально значимых направлений, которые могут включать в себя несколько проектов, объединенных общей идеей или целью) в соответствии с тремя задачами Десятилетия:

- привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок;
- содействие вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны;
- повышение доступности информации о достижениях и перспективах российской науки для граждан России.

В разработке и реализации Плана мероприятий в Челябинской области активное участие приняли органы власти (Минобрнауки ЧО, Главное управление молодежной политики ЧО, Минсельхоз ЧО, Челябинская городская дума), университетское сообщество (11 вузов Челябинской области и 2 филиала московских вузов), фонды и центры (Государственный Фонд развития промышленности ЧО, Региональный центр технического творчества ЧО), а также Челябинский институт развития профессионального образования.

В рамках Десятилетия науки и технологий предусмотрены следующие инициативы для привлечения талантливой молодежи: «Наука побеждать», «Наука рядом», «Школьники в научно-технической деятельности», «Научные детские площадки», «Наука для всей семьи», «Снова в школу», «Конгресс молодых ученых».

С целью вовлечения исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны предусмотрены инициативы: «Площадки для взаимодействия науки, бизнеса, государства и общества», «Работа с опытом», «Проектирование будущего», «Решения и сервисы для профессионального сообщества», «Открытие центров лабораторий, запуск исследовательской инфраструктуры», «Тематические инициативы по приоритетам научно-технологического развития Российской Федерации».

Задачу повышения доступности информации о достижениях и перспективах российской науки для граждан России будут решать инициативы: «Наука как искусство», «Научное волонтерство», «Научно-популярный туризм», «Инфраструктура для популяризации науки, создание контента» и «Юбилейные мероприятия».

¹ План мероприятий Десятилетия науки и технологий в РФ на территории Челябинской области на 2022—2025 годы, утвержденный Приказом №01/3041 от 29 декабря 2022 г. // Официальный сайт АНО «РИОН». URL: <https://anorion.gov74.ru/> (дата обращения: 22.02.2023).

Мероприятия инициатив в Челябинской области представляют собой как уже апробированные успешные практики коммуникации между представителями властных структур, научно-образовательного сообщества и организациями реального сектора экономики, так и новые форматы эффективного взаимодействия для реализации масштабных проектов.

Челябинский филиал РАНХиГС скорректировал свою научную работу в соответствии с задачами, обозначенными Президентом РФ и активно включился в реализацию Плана мероприятий Десятилетия науки и технологий на территории Челябинской области. Вуз организует свои научные исследования и мероприятия в рамках таких инициатив, как «Наука рядом», «Наука как искусство», «Площадки для взаимодействия науки, бизнеса, государства и общества» и «Юбилейные мероприятия».

В частности, 7—10 февраля 2023 г. на площадке вуза была организована целая серия мероприятий, приуроченных ко Дню российской науки, в которых помимо ученых и студентов Челябинского филиала РАНХиГС приняли участие школьники, представители СМИ, сотрудники муниципалитетов Челябинской области, а также в онлайн-формате — ученые со всей страны.

В рамках инициативы Десятилетия «Наука рядом» Дни науки Челябинского филиала РАНХиГС 7 февраля открыла доцент кафедры экономики и менеджмента, к. т. н. Ольга Буторина, которая провела экскурсию для школьников на фабрику процессов и имитационную деловую игру «Бережливое производство» на основе конструктора LEGO. Старшеклассники познакомились с философией бережливого производства и инструментами бережливого менеджмента, апробировали различные сценарии построения процесса принятия решений и коммуникаций внутри команды.

8 февраля, собственно в День науки, состоялось несколько знаковых мероприятий. Во-первых, директор филиала Е. В. Алдошенко принял участие в заседании с руководителями вузов и учеными по вопросам высшего образования и науки, которое провел губернатор Челябинской области Алексей Текслер. В рамках встречи участники подвели итоги года, а также обсудили приоритетные направления развития научного потенциала региона.

По словам губернатора, на сегодняшний день в регионе созданы все условия для ускоренного научно-технологического развития. «Перед нами стоят масштабные задачи в плане повышения инвестиционной привлекательности региона, серийного производства, укрепления научной и образовательной инфраструктуры. Нам необходимо задействовать весь научно-образовательный потенциал, трудовые ресурсы, чтобы не просто заменить технологический импорт, но и создать новые, не имеющие аналогов в мире, способы производства и технологии», — заявил на встрече Алексей Текслер¹.

Также на площадке Челябинского филиала РАНХиГС 8 февраля состоялось торжественное собрание, посвященное Дню науки, в рамках ко-

торого чествовали самых эффективных ученых и студентов по итогам 2022 г.

Победителем конкурса «Самых эффективных учёных Челябинского филиала РАНХиГС по научно-исследовательской работе» по итогам 2022 года стал заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, д. и. н., доцент Виталий Воропанов, который защитил докторскую диссертацию по отечественной истории, опубликовал ряд статей в изданиях, индексируемых в Web of Science и журналах перечня ВАК, а также являлся успешным научным руководителем исследователей студентов, в том числе увенчавшихся получением грантов.

Самым успешным молодым ученым стала заведующий лабораторией прикладной политики и социологии Дарья Аверьянова, которая руководила реализацией большинства инициативных и заказных научных исследований филиала в 2022 г., опубликовала главу в монографии и ряд статей, в том числе в изданиях, индексируемых в базе Web of Science.

Помимо этого, 8 февраля на площадке Челябинского филиала РАНХиГС состоялась круглый стол по теме «Социально-экономическая динамика России в условиях фрагментации мировой экономики». Основные доклады на круглом столе представили заведующий лабораторией «Модели пространственного развития» Челябинского филиала РАНХиГС, к. э. н., заместитель председателя комиссии по экономике, предпринимательству и вопросам нормативно-правового регулирования Общественной палаты Челябинской области Сергей Гордеев и главный редактор журнала «Социум и власть», член комиссии по образованию и науке Общественной палаты Челябинской области, д. п. н., профессор Сергей Зырянов.

Представленные доклады «Критический анализ траектории кризисной динамики: вероятность сценариев «v» и «l» на примере Челябинской области» и «Основные риски социально-экономического развития России в 2023 году» вызвали неподдельный интерес и переросли в содержательную дискуссию, в которой приняли участие ряд ведущих экспертов, в том числе из ЧелГУ и Челябинского государственного института культуры, представители СМИ региона, студенты.

9 февраля 2023 г. в рамках инициативы «Площадки для взаимодействия науки, бизнеса, государства и общества» Десятилетия на площадке Челябинского филиала РАНХиГС состоялся Презентационный семинар для муниципальных образований Челябинской области по теме «Особенности применения комплексного благоустройства территорий», организатором которого выступила АНО «Региональный Центр компетенций по вопросам городской среды».

На мероприятие были приглашены представители Проектного офиса Агентства инновационного и инвестиционного развития города Челябинска, а также руководители предприятий реального сектора экономики, специализирующиеся в сфере благоустройства городской среды компании: «0250», «Сарос», «Газоны Урала», «Символ», ООО «СМ 043» (г. Екатеринбург).

Участники отметили, что благоустройство общественных и дворовых территорий в наше время стало важной составляющей развития регионов.

¹ Алексей Текслер обозначил приоритеты развития научного потенциала Челябинской области // Официальный сайт ПИА «ФедералПресс». URL: <https://fedpress.ru/news/74/company-news/3196274> (дата обращения: 08.02.2023).

Создание комфортных условий проживания — это не только увеличение привлекательности и комфорта мест досуга, но и обеспечение устойчивого социально-экономического развития, повышение туристической привлекательности и привлечение дополнительных инвестиций. Все: и государство, и бизнес, и население — заинтересованы в том, чтобы сделать регион благоустроенным и комфортным для жизни.

В ходе семинара были организованы не только лекционные блоки, но и выставка производителей, и нетворкинг, в ходе которых участники смогли посмотреть продукцию, обсудить все интересующие вопросы с производителями и даже заключить партнерские соглашения. По мнению участников — представителей органов местного самоуправления, семинар был информационно насыщенным и практически полезным.

Параллельно 9 февраля состоялся интеллектуально-образовательный интенсив для студентов-политологов «Искусственный интеллект в принятии политических решений», организаторами и модераторами которого выступили сотрудники кафедры политологии, истории и философии, к. и. н. Светлана Нечаева, к. ф. н. Татьяна Захарова и к. п. н. Елена Шибанова.

Тема искусственного интеллекта сегодня — одна из самых обсуждаемых в мире. Премьер-министр РФ Михаил Мишустин, утверждая план мероприятий по цифровой трансформации госуправления до 2031 года, обратил особое внимание на то, что искусственный интеллект является ключевой технологией, подлежащей широкому внедрению.

В ходе мероприятия студенты были разбиты на команды и им были предложены задания в рамках базовых знаний таких дисциплин, как «Технология принятия политических решений», «Политическое лидерство», «Элитология», а также ряд интеллектуально-творческих кейсов, где потребовались навыки предиктивной аналитики.

Команды показали свои знания цифровых платформ, и особое внимание в ходе обсуждения технологий искусственного интеллекта было уделено сервису «Календарь рисков для губернаторов», комплексному цифровому инструменту для губернаторов на основе аналитики данных, который был анонсирован на Петербургском международном экономическом форуме — 2022 г. в рамках паблик-тока «Уникальные управленческие решения в условиях нестабильности».

Создатели сервиса: государственная корпорация развития ВЭБ.РФ, Агентство стратегических инициатив и АНО «Диалог» (компания, которая занимается развитием цифровых технологий обратной связи между гражданами и региональными властями) — подчеркнули, что ключевой особенностью «календаря» является помощь искусственному интеллекта в выявлении похожих информационных рисков в регионах, что позволяет видеть прогнозируемые угрозы¹.

Сервис состоит из следующих элементов: цифровой платформы «Индекс качества жизни в городах России»; геоаналитической системы «Гео.ВЭБ»

¹ Зубкова Т. На ПМЭФ рассказали о запуске календаря рисков для губернаторов. URL: <https://ria82.ru/news/v-strane/na-pmef-rasskazali-o-zapuske-kalendarja-riskov-dlya-gubernatorov>.

(цифровая платформа градостроения); единой интерактивной панели (дашборда), «настроения граждан» в системах АСИ и ВЭБ, инструмента для визуализации и анализа информации «Диалога», который позволяет отразить медийную напряженность, увидеть текущие и потенциальные точки недовольства населения при внедрении цифрового контроля управленческих решений в городах России.

По мнению участников, как студентов, так и преподавателей, интеллектуально-образовательный интенсив получился информационно насыщенным и позволил в Год педагога и наставника сформировать новые навыки и компетенции, через неформальное взаимообогащающее общение.

Завершились Дни науки Челябинского филиала РАНХиГС 10 февраля X юбилейной Международной научно-практической конференцией по теме «Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства», организаторами которой выступили сотрудники кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации под руководством заведующей кафедрой, к. п. н. Виктории Шароновой.

Так как конференция проходила в онлайн-формате, то к экспертной дискуссии на тему «Научное наставничество как инструмент и ресурс подготовки специалиста будущего» смогли присоединиться участники из Челябинской области, Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара, Липецка, Тулы, Тюмени, Ставрополя, Барнаула, Апшеронска, Самары, ученые из Китая и Германии.

В рамках заявленной дискуссии эксперты обсудили процесс формирования экосистемы научного наставничества в современной образовательной практике, особое внимание уделив личности наставника и мотивам его работы с молодежью. Организаторы подняли вопрос о необходимости постоянного открытого диалога на всех уровнях образовательной системы, который позволит найти и внедрить инновационные и эффективные подходы в наставничестве в целом и научном наставничестве в частности.

Подводя итоги Дней науки, редакция журнала выражает уверенность, что «Социум и власть» станет эффективной «площадкой для взаимодействия науки, бизнеса, государства и общества» в рамках инициатив Десятилетия. Учитывая, что данная Инициатива включает активное взаимодействие организаций высшего образования, представителей реального сектора экономики и государства, подбор готовых технологических решений под запросы бизнеса и государства, то приглашаем к обсуждению на страницах журнала инновационных экономических, управленческих и коммуникационных процессов и способов их оптимизации.

Со всеми новостями и точками науки можно ознакомиться на официальном сайте Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации (URL: <https://наука.рф/>), а также на сайте АНО «РИОН» (Региональная инфраструктура образования и науки Челябинской области. URL: <https://anorion.gov74.ru/>) и Челябинского филиала РАНХиГС в разделе «Наука» (URL: <https://chel.ranepa.ru/nauka/konferentsii-issminary.php>).

Материал поступил в редакцию 28.02.2023

For citing: Nechaeva, S. V. Decade of science and technology: regional projection / S. V. Nechaeva // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 127—134. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-127-134. — EDN YZRGDS.

UDC 007

EDN YZRGDS

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-127-134

DECADE OF SCIENCE AND TECHNOLOGY: REGIONAL PROJECTION

Svetlana V. Nechaeva,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch,
Deputy Director,
Associate Professor of the Department of Political Science, History and Philosophy,
Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Abstract

The article is devoted to reviewing the main provisions of the Decree of the President of the Russian Federation No. 231 of April 25, 2022 "On Announcing the Decade of Science and Technology in the Russian Federation" and the actual practice of planning and implementing the initiatives of the Decade of Science and Technology in the Chelyabinsk region, using the example of the digest of the events of the Days of Science — 2023 at the site of the Chelyabinsk branch of the RANEPА.

Keywords:

decade of science and technology,
science days,
talented youth,
availability of information

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
  - а) аннотация;
  - б) ключевые понятия (не более пяти);
  - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
  - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
  - a. annotation.
  - b. Key words (up to 5).
  - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
  - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No. charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru